

**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Алтайский государственный университет»**

На правах рукописи

Кузнецова Евгения Алексеевна

Ораторская маска в судебной защитительной речи
(на материале выступлений Ф.Н. Плевако)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности 10.02.01 – русский язык

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор А.А. Чувакин

Барнаул - 2004

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Основы лингвориторического исследования ораторской маски.....	18
1.1. Понятие ораторской маски.....	18
1.1.1. Риторический канон об образе оратора.....	18
1.1.2. Соотношение образа оратора и ораторской маски в филологии.....	22
1.1.3. Ораторская маска в современной филологии.....	29
1.1.4. Ораторская маска в современной риторике.....	35
1.1.5. Ораторская маска как реализованная экспрессивность.....	39
1.2. Культурологическая составляющая лингвориторического исследования ораторской маски.....	44
1.2.1. Маска в семиотике культуры.....	44
1.2.2. Маска в театрологии.....	52
1.2.3. «Жизнь» маски в культуре.....	56
Выводы.....	60
Глава 2. Типы ораторских масок судебной защитительной речи.....	63
2.1. Принципы выделения ораторских масок.....	63
2.2. Специальные юридические ораторские маски.....	78
2.2.1. Ораторская маска «фактолога».....	78
2.2.2. Ораторская маска «правоведа».....	80
2.2.3. Ораторская маска «защитника».....	84
2.3. Общие ораторские маски, используемые в судебной защитительной речи.....	86
2.3.1. Ораторская маска «гражданина».....	86
2.3.2. Ораторская маска «проповедника».....	89
2.3.3. Ораторская маска «повествователя».....	92
2.3.4. Ораторская маска «обвинителя».....	94
Выводы.....	96

Глава 3. Роль ораторской маски в тексте судебной защитительной речи.....	101
3.1. Связки в судебной защитительной речи.....	101
3.2. Некоторые направления изучения композиции судебной защитительной речи.....	107
3.3. Образ оратора в судебных защитительных речах Ф.Н. Плевако и их композиционная организация	117
3.4. Типы взаимодействия ораторских масок в тексте.....	126
3.4.1. Соположение как тип связи ораторских масок.....	126
3.4.2. Подчинение как тип связи ораторских масок.....	128
3.4.3. Примыкание как тип связи ораторских масок.....	129
3.4.4. Слияние как тип связи ораторских масок.....	131
Выводы.....	133
Заключение.....	136
Библиография.....	141
Приложение 1.....	158
Приложение 2.....	177

Введение

Актуальность исследования определяется тенденцией к сближению гуманитарных дисциплин между собой и с другими на основе их общего интереса к человеку в русле стремления к антропоцентризму, а также возрождением научного интереса к риторике с ее традиционным обращением к говорящему человеку - оратору. Основополагающими для риторической парадигмы считаются следующие принципы: «признание важнейшей областью исследования структуру знаний говорящего и слушающего; обращение особого внимания на механизмы порождения и понимания высказывания» [Яковлева, 1998, с. 7]. Рассматриваемый в риторическом аспекте текст связан с признаком целенаправленности [Чувакин, 2001, с. 4] (оратор целенаправленно создает речь, аудитория целенаправленно ее воспринимает; цель оратора – убедить в верности своей позиции, аудитории – решить принимает она или нет позицию говорящего). При порождении речи ритор предполагает наличие у слушающих речевой и культурной компетенции, и в соответствии с этим строит свой образ и образ аудитории. Нас интересует отражение в тексте этого аспекта, существование риторического текста в системе ГОВОРЯЩИЙ<-->ТЕКСТ <-->СЛУШАЮЩИЙ, отражение в тексте социо-культурной, ценностной ориентации говорящего и слушающего, оратора и аудитории. Таким образом, исследование находится в русле *лингвориторики*, поскольку в феномене ораторской маски выявляется сочетание языковой и культурной компетенций участников коммуникации. «Лингвориторическая компетенция реализуется на уровнях *языковых операций, текстовых действий и коммуникативной деятельности*. Для уровня лингвистических операций таковыми (единицами – Е.К.) выступают *языковые единицы* всех ярусов. На уровне текстовых действий единицами являются *модели мыслеречевой деятельности* <...> Основными единицами уровня коммуникативной деятельности выступают речевые события различных типов как социально значимые коммуникативные целые со своей структурой и границами» [Ворожбитова,

2001, с. 26].

В работе осуществляется попытка рассмотрения одного из актуальных вопросов: отражения личности автора в тексте в аспекте соотношения образа автора (оратора) и его маски (М.М. Бахтин [1986, 2000], Н.К. Бонецкая [1986], В.В. Виноградов [1971, 1959, 1980], Е.А. Иванчикова [1985], И.И. Ковтунова [1982], Ю.В. Рождественский [1999], А.П. Романенко [1998 (а), 1998 (б), 2001, 1999, 2003] и др.). Осуществляется попытка обобщения существующих в различных отраслях знания представлений о феномене маски с целью описания ее специфической функции в процессе порождения / восприятия риторического текста. Рассмотрены аспекты существования исследуемого явления в филологии (лингвистике и риторике), социальной психологии, семиотике и театрологии. Ораторская маска представляет собой многогранный феномен культуры: в тексте она обладает речевыми характеристиками, обусловленными ее типической социально-культурной основой, функции ее аналогичны, на наш взгляд, театральным.

В работе риторический текст рассматривается с точки зрения его целостности. Исследуются внешний и внутренний уровни его композиционной организации (Н.Н. Кохтев [1992, 1998], Н.А. Михайличенко [1994], Н.В. Панченко [2000, 2002], Б.А. Успенский [1995], Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина [1994] и др.), что позволяет определить роль ораторской маски, рассматриваемой в качестве элемента композиции, в процессе формирования образа оратора.

Кроме того, современное российское общество вводит в судебную практику суд присяжных заседателей. Возрождение этого института, как и во время его основания в 19 веке, основывается на стремлении сделать правосудие гласным и открытым для общественности, построенным на состязательности сторон. Эти положения возлагают большую ответственность на прокурора и адвоката, при рассмотрении дела судом присяжных они становятся не просто юристами, но и психологами и ораторами. Поэтому изучение традиций школы русского судебного

красноречия, возникшей в конце 19 в. в деятельности выдающихся юристов А.Ф. Кони, П.А. Александрова, С.А. Андреевского, А.И. Урусова, Ф.Н. Плевако и др., становится необходимым для становления нового поколения русских юристов.

Объектом исследования в данной работе является судебная защитительная речь – «речь адвоката по уголовным делам» [Алексеев, Макарова, 1989, с. 36]. Это один из древнейших видов ораторской речи, который традиционно изучается частной судебной риторикой.

Аристотель, определяя риторiku как «возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета» [Аристотель, 1978, с. 19], рассматривал судебную речь и называл ее целями обвинение или оправдание, выделяя таким образом защитительную и обвинительную разновидности судебной речи.

«Судебная речь – это речь полемическая, убеждающая» [Ивакина, 1999, с. 60]. Адвокат в речи представляет свою процессуальную позицию, которая изначально в крайнем случае полностью противоположна позиции прокурора. Отсюда следует полемический характер обоих видов судебных речей. Каждая из них имеет своей целью убедить аудиторию в правильности своей точки зрения. Но кроме этого, судебная речь одной из основных своих функций имеет воздействие, под которым подразумевается влияние на аудиторию не логических, а психологических¹ доводов, влияние языковых средств и композиции.

«Судебной речи присущ оценочно-правовой характер» [там же, с. 61]. Оратор в суде необходимо должен характеризовать деяние подсудимого с точки зрения закона. Кроме того, она «должна заключать в себе нравственную оценку преступления, соответствующую высшему мировоззрению современного общества» [Кони, 1999, с. 6]. Специфика судебной защитительной речи в суде присяжных отчасти заключается в

---

¹ «Слушатели приходят послушать речь с собственными установками. Учет таких установок и управление ими достигается с помощью психологических средств. В их числе выделяют: развлечение и апелляцию к чувствам слушателей» (Курбатов, 1996, с. 149-150).

необходимости учитывать два требования: с одной стороны, оценка с позиции закона, с другой – с позиции морали общества, поэтому «в языковом аспекте судебная речь характеризуется сочетанием стандартных и эмоционально-экспрессивных средств выражения» [там же, с. 62]. Такая двойственность проистекает, с одной стороны, из тематики речи, ее судебной специфики, а с другой стороны, из направленности речи на убеждение аудитории. Кроме того, перед адвокатом стоит жесткая прагматическая цель: «убедить суд и остальную судебную аудиторию, заставить их согласиться с выводами» [Алексеев, Макарова, 1989, с. 35] о невиновности подсудимого настолько, насколько это возможно.

Речи адвоката и прокурора звучат в ходе судебных прений, которые проходят в заключительной части судебного разбирательства. В них «подводят итоги тому, что имело место на судебном следствии» [Большой юридический словарь, 1997, с. 670]. Е.А. Матвиенко отмечает, что судебные прения всегда носят характер открытой дискуссии, борьбы мнений [1972, с. 7], поскольку обе стороны процесса представляют свою точку зрения. Защитительная речь звучит последней, поэтому адвокат подводит итоги всего судебного следствия, анализирует доводы своего противника, и поэтому же «не содержит новых неизвестных суду фактов» [Ивакина, 1999, с. 60]. Вследствие этого адвокат в своей речи может ограничиться только намеком, ссылкой на какой-либо факт дела.

Судебная речь строго ограничена материалами рассматриваемого дела и поэтому «отличается конкретностью» [там же, с. 60]. Она целиком представляет собой процессуальную позицию оратора – «это выводы участника процесса по рассматриваемому делу, которые он отстаивает в ходе своей процессуальной деятельности и главным образом в судебной речи, где его позиция получает окончательное оформление» [Алексеев, Макарова, 1989, с. 38].

Таким образом, судебная защитительная речь является прежде всего речью полемической, убеждающей. В ней представлена процессуальная

позиция адвоката по делу, все средства которой направлены на достижение прагматической цели – оправдание подсудимого.

В настоящей работе понятия *речь*, *судебная защитительная речь* и *риторический текст* считаются тождественными на том основании, что судебная защитительная речь является одним из видов риторического текста. В данном случае согласимся с определением риторического текста, данным С.А. Минеевой: «это текст, имеющий следующие параметры: *авторство*, *адресность*, как следствие отношений автора и адресата – *диалогичность*, *целостность* и *связность*, *влиятельность* (целеполагательность или воздейственность) как следствие опять таки отношений автора и адресата, их диалога, он обслуживает риторическую ситуацию, и она в нем может отражаться как *ситуативность* (конкретность и уместность по отношению к времени, месту общения) и *жанровость* (определенность формы, зависящая от компетентности автора, его способности выбрать, прежде всего, языковую и речевую форму реализации своего замысла по ситуации и на основе целеполагания) (курсив автора. – Е.К.) [Минеева, 2001, с. 74]. В данном определении даются характеристики не просто текста, но именно риторического текста, поскольку автор делает акцент на отношения говорящего и слушающего в процессе коммуникации, с учетом ситуации, цели и жанра общения. Важнейшей характеристикой такого текста является то, что он «содержит в себе персуазивную (цель!) программу, которая закладывается Ритором и / или усматривается аудиторией. Эта программа пронизывает непосредственную структуру текста» [Основы общей риторики, 2000, с. 26].

Рассмотрению судебной речи посвящено большое количество исследований уже с конца 19 в., когда началось научное осмысление, сформировавшейся школы судебного красноречия, такими, например, являются работы А.Г. Тимофеева [1900], Л.Е. Владимирова [1873, 1911, 1892], Б. Глинского [1897], Ф.А. Волькенштейна [1924], П. Сергеича [1999] и др.. Новая Россия в 20 в. не унаследовала суда присяжных, но проблематика

судебной речи сохранилась в науке издавались хрестоматии судебных речей прокуроров и адвокатов, учебные пособия для студентов-юристов (Н.С. Алексеев, З.В. Макарова [1989], В.Д. Гольдинер [1970], Е.А. Матвеев [1972], К.А. Осипов [1968], В.Л. Россельс [1966] и др.), изучалось наследие ораторов 19 в. (В.В. Виноградов [1980, 1971], В.И. Смолярчук [1984], Н.Г. Михайловская, В.В. Одинцов [1981] и др.). Конец 20 в. ознаменован интересом ученых не только к общей риторике, но и к судебному красноречию: переиздаются работы авторов конца 19 в. П. Сергеича, Л.Е. Владимирова и др., сборники речей и хрестоматии знаменитых русских юристов прошлого, учебные пособия для студентов [Н.Н. Ивакина [1997, 1999], М.П. Некрасова [1990], В.Д. Ломовский [1990] и др.], монографии, научные статьи, посвященные проблемам преподавания риторики юристам, юридической стороне естественного языка [В.М. Баранов, А.С. Александров [2002], Т.Ю. Виноградова, С.Ю. Якушин [1993], Н.Д. Голев [2000, 2002], Т.В. Губаева [1994], В.Б. Исаков [2000] и др.].

Предмет исследования - ораторская маска. Она представляет собой средство маскировки, перевоплощения ратора и отождествления его аудиторией с его маской, которые реализуются в языке-стиле, характеризующем социокультурный тип, являющийся основой маски. Рассмотрение именно этого аспекта судебной защитительной речи позволяет выявить элементы, дающие возможность оратору создавать убеждающий текст за счет выстраивания ценностного ряда (заданного ораторскими масками), к которому говорящий причисляется аудиторией благодаря созданию целостного образа оратора.

Проблема ораторской маски лежит, на наш взгляд, в проблемном поле риторики со времен античности в рамках ответа на вопрос: должен ли оратор «быть» тем человеком, которого он представляет в речи, или же он может создать образ человека говорящего в данной ситуации, показаться аудитории в образе другого для достижения цели коммуникации [Аристотель, Платон, Цицерон и др.].

Термин авторская (ораторская) маска появляется в работах В.В. Виноградова и М.М. Бахтина, как правило, в связи с проблемой образа автора (оратора или говорящего человека). В конце 20 в. в отечественной науке возрождается риторика и формируется теория образа оратора и, вместе с ней, возникает проблема ораторской маски [А.А. Волков, Ю.В. Рождественский, А.П. Романенко и др.].

В данном диссертационном исследовании ораторская маска рассматривается как реализация в тексте сформировавшегося в культуре типа поведения, характеризующегося ценностной позицией и речевыми особенностями. В речи, как правило, ритор использует несколько разных масок, что позволяет ему оценивать деяние подсудимого с различных позиций. В этом многообразии точек зрения и рождается образ оратора, то есть маска является функциональным элементом при его создании.

Цель данной работы: выявление и описание типов ораторских масок и установление их роли при создании образ оратора. Для решения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) сформулировать основы лингвориторического исследования ораторской маски;
- 2) описать лингвориторические и социокультурные аспекты функционирования ораторской маски;
- 3) выделить типы ораторских масок, имеющих в речах Ф.Н. Плевако, и произвести их классификацию;
- 4) рассмотреть внешнюю и внутреннюю композиционную организацию судебной защитительной речи;
- 5) описать типы взаимодействия ораторских масок, в результате которого, в анализируемых речах, формируется образ оратора.

Гипотеза работы: ораторские маски – сложившиеся в культуре общества типы, характеризующиеся наличием специфических речевых и ценностных характеристик - являются элементами, во взаимодействии которых в судебной защитительной речи формируется образ оратора.

Ораторская маска представлена в культуре в виде «семени», потенции (определенного типа), которое несет в себе набор «наследственных» черт, к которым относятся приверженность определенным ценностям и стремление выражать позицию с помощью определенного рода речевых средств. При проявлении ее в текстах она содержит два ряда черт: 1) полученные «наследственные» (позволяют отождествить реализацию маски с ее типом); 2) «приобретенные» в процессе реализации (мотивированные ситуацией использования маски, темы речи и личности автора). Судебный оратор для решения своих задач выбирает те или иные маски, в сочетании которых и формируется образ оратора.

Лингвориторическая **методика**, применяемая в данной работе, обусловлена рассмотрением элементов риторического текста (выявление тематико-стилистических единств в речи (ораторских масок)) и речи как единства: выявление связующих элементов, действие которых направлено на создание целостности судебной защитительной речи, в аспекте взаимодействия культурной и языковой компетенций, действующих при порождении риторического текста. Использование лингвориторической методики позволяет оценить роль ораторской маски как функционального элемента, в котором реализуются указанные компетенции, при создании текста в соотношении с его коммуникативными задачами. Анализ проходит в три этапа. Во-первых, рассматривается целостный текст с точки зрения: 1) его функции в специфической коммуникации (для судебной защитительной речи основная функция – убеждение); 2) ситуации суда (состав судей: профессионалы – непрофессионалы); 3) темы речи (то есть сути рассматриваемого дела). На втором этапе в целостном тексте выделяются тематико-стилистические единства, которые являются представителями ораторских масок. Это членение текста на фрагменты основывается, во-первых, на общности стиля в каждом фрагменте, во-вторых, на основе общности темы фрагмента и в-третьих, на тождественности оценочной позиции оратора. На данном этапе, после выделения ораторских масок в

целостном речи выявляются элементы, не являющиеся масками – это связки, функция которых обеспечение связности или цельности риторического текста. На третьем этапе анализа речь рассматривается как единство элементов благодаря выявлению типов взаимодействия масок при формировании ими образа оратора. Кроме того, используются методы наблюдения и индукции, осуществляется теоретический анализ общенаучной и специальной литературы. Методика данной работы обусловлена системным подходом к изучению объекта. В приложении 2 приводится полный анализ четырех речей. Речь по делу Шидловской произносилась перед судом присяжных, речь по делу Севских крестьян – перед сословными представителями, речи по делам о диффамации и о стачке – перед профессиональными судьями-юристами.

Материалом исследования являются тексты одиннадцати судебных защитительных речей, избранных методом случайной выборки из числа речей, опубликованных без сокращений. В работе единицей анализа является текстовый фрагмент, представляющий собой ораторскую маску или связочный элемент. Всего выделено и рассмотрено в изучаемых речах 215 текстовых фрагментов. В приложении приводятся четыре текста выступления, поскольку их анализ представлен в работе наиболее полно. Исследуются судебные защитительные речи Ф.Н. Плевако, произнесенные с 1868 по 1905 г.г. Речь по делу Маруева, обвиняемого в подлоге, «первая по времени из сохранившихся речей Ф.Н. Плевако и, вероятно, одна из первых, произнесенных им в уголовном суде» [Плевако, 1996, с. 195]. Семь речей произнесены перед присяжными заседателями (один обвинительный приговор), четыре – перед профессиональными судьями (два обвинительных приговора).

В данном исследовании анализируются печатные тексты защитительных речей Ф.Н. Плевако, знаменитого русского судебного оратора конца 19-го начала 20-го веков. Это время - период становления адвокатуры в России после проведения судебной реформы в 1864 году,

результатом которой стала качественно новая система судопроизводства в стране. Впервые в истории России в суде появились адвокаты, уголовные дела стали решаться присяжными заседателями, сословными представителями, и только часть дел - профессиональными судьями.

В заседании суда участвовало двенадцать присяжных, и они решали два вопроса из четырех: «О действительности события, подавшего повод к обвинению; О виновности или невиновности подсудимого» [Коротких 1989, с.133]. Другие два вопроса решали судьи: «О применении к его вине законов о наказаниях; О возмещении вреда причиненного преступлением» [там же, с. 133]. Вопросы о невиновности, то есть самые серьезные в обвинении, решали присяжные заседатели, поэтому сторонники нового судоустройства называли суд присяжных «судом совести», а противники «судом толпы, судом улицы».

Для избрания присяжных были введены имущественный и служебный цензы, которые предполагали введение в суд присяжных людей образованных или умудренных опытом крестьян. Следовательно, аудиторию присяжных можно достаточно четко описать.

Сословные представители в суде – это «депутаты представительных учреждений, которые представляют закрытые социальные группы - сословия, от которых эти депутаты непосредственно избираются» [Большой юридический словарь 1997, с. 645]. В данном случае аудиторию описать можно достаточно четко, но группа будет очень неоднородной, поэтому ориентироваться на нее сложно, скорее всего оратору приходилось апеллировать к самым общим ценностям общества.

Специфика суда присяжных и сословных представителей заключается также в том, что это люди неподготовленные, непрофессионалы. «Речь, составленная из одних рассуждений, не может удержаться в голове людей непривычных; она исчезнет из памяти присяжных, как только они прошли в совещательную комнату» [Сергеич 1999, с.40]. Поэтому адвокату необходимо экспрессивно окрасить текст, чтобы в нем были яркие образы для облегчения восприятия и запоминания речи, тогда как судьям–

профессионалам как более ориентированным в ситуации суда будут легче воспринимать логику рассуждений и факты.

Очевидно, что после реформы 1864 года в России появилась необходимость в адвокатах, но к ним предъявлялись очень жесткие требования: они, естественно, должны были быть юристами, кроме того – ораторами, разносторонне развитыми людьми, психологами. В.И. Смолярчук замечает, что необходимыми качествами судебного деятеля стали *прямота и справедливость, скромность оратора в суде, благоразумие, тактичность, хорошая репутация* [1984, с. 16]. А.Г. Тимофеев в 1900 году пишет: «речи некоторых наших выдающихся ораторов несомненно носят отпечаток оригинальности и самостоятельности, позволяют говорить о *русском судебном красноречии, а не о простом подражании* (курсив наш. – Е.К.)» [Тимофеев 1900, с. 2]. Это суждение подтверждает тот факт, что уже для современников реформы, судебные деятели сформировали самостоятельную русскую школу судебного красноречия, одним из ярчайших представителей которой был Ф.Н. Плевако. Его называли «ребенком» реформы 1864 года, а имя его в народе стало нарицательным.

Научная новизна. В диссертационном исследовании изучены и обобщены различные представления о феномене маски в лингвистике, риторике, семиотике, социальной психологии и театрологии, таким образом создана концепция ораторской маски, определено соотношение понятий образа оратора и ораторской маски.

Ораторская маска включает в себя кроме языкового аспекта, театральный и социокультурный, если рассматривать участие оратора в судебном процессе как своего рода «гражданское “актерство”» [В.В. Виноградов]. Поэтому рассмотрены понятия маски, существующие, во-первых, в филологии и близкого к нему понятия образа автора, во-вторых, в риторике и смежного понятия образа оратора, в-третьих, в социальной психологии и сходного с ним понятия социальной роли, в-четвертых, культурологи и семиотике, в-пятых, театроведении.

С точки зрения этой проблематики рассмотрены как фрагменты судебной защитительной речи, так и целостные тексты выступлений. В изученных речах выделены два типа структурообразующих элементов: собственно ораторская маска и связки.

В диссертации выявлено семь типов масок: «фактолог», «правовед», «защитник», «повествователь», «гражданин», «проповедник», «обвинитель», которые на основании свойственности / несвойственности содержанию судебной защитительной речи классифицируются на соответственно свойственные – первые три в списке, и несвойственные – с четвертого по седьмой.

Кроме того, выделены два типа связочных элементов текста: во-первых, вербально выраженные: тематические связки (несут основные темы и мотивы через всю речь, придавая ей тем самым целостность), технические связки (создают связность речи) и маска-связка «участник суда»; вербально не выраженные.

Теоретическая значимость работы. Представленный в диссертации опыт лингвориторического исследования структуры судебной защитительной речи важен для дальнейшей разработки лингвориторической теории текста судебной речи. Выделение ораторской маски и связок в качестве элементов композиционной организации важно для дальнейшего изучения композиционной организации выступления. Описание феномена маски ритора позволяет, с одной стороны, подробнее описывать языковую личность субъекта, с другой стороны, разработать практические рекомендации для имиджологии. Кроме того, изучение судебных защитительных речей Ф.Н. Плевако в аспекте ораторской маски необходимо для более полного исследования истории русской школы красноречия, специфики публичного выступления в суде присяжных заседателей и общей теории судебной речи.

Используемая в работе методология исследования может быть обращена к изучению феномена речевой коммуникации.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования его результатов при создании учебных курсов по общей риторике, по частной судебной риторике, по истории русской риторики, в спецсеминарах и спецкурсах по риторике. Кроме того, полученные результаты могут представлять интерес при выработке практических рекомендаций по созданию речевого аспекта имиджа публичных людей, и прежде всего адвокатов. Наличие ораторских масок необходимо учитывать и при восстановлении личности автора по тексту.

Апробация работы. Материалы работы обсуждались на пяти международных научных конференциях: Профессиональная риторика: Проблемы и перспективы (Воронеж, 2001 г.), Лингвокультурологические проблемы толерантности (Екатеринбург, 2001 г.), Язык. Время. Личность (Омск, 2002 г.), Риторика в системе гуманитарного знания (Москва, 2003 г.), Риторика в модернизации образования (Москва, 2004 г.), на аспирантских семинарах и заседаниях кафедры теории коммуникации, риторики и русского языка Алтайского государственного университета, на XXVII научно-практической конференции студентов, аспирантов, магистрантов и учащихся лицейских классов Алтайского госуниверситета (2000 г.). Содержание работы отражено в десяти публикациях общим объемом 2,15 п.л..

На защиту выносятся следующие положения:

1. Ораторская маска в судебной защитительной речи является тематико-стилистическим единством, представляющим социокультурный тип, ценностную позицию говорящего.
2. Ораторская маска в судебной защитительной речи является средством маскировки оратора, позволяющим ему представлять содержание речи с различных точек зрения.
3. В тексте судебной защитительной речи различаются три типа фрагментов: ораторская маска, маска-связка «участник суда» и связка.

4. Ораторская маска в судебной защитительной речи является элементом образа оратора. Образ оратора судебной защитительной речи является «фокусом целого», определяющим расположение ораторских масок в риторическом тексте.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии (209 источников) и приложений. Структура работы отражает основные этапы доказательства гипотезы.

Глава 1. Основы лингвориторического исследования ораторской маски.

Первая глава данной работы посвящена рассмотрению основ лингвориторического исследования ораторской маски. Целью главы является описание языковых, коммуникативных и семиотических аспектов маски в судебной защитительной речи.

Для достижения поставленной цели необходимо, во-первых, рассмотреть имеющиеся в гуманитарных дисциплинах знания о различных аспектах существования маски, что позволит подойти к исследованию ее лингвориторической специфики, которая, на наш взгляд, синтезирует самые различные аспекты функционирования маски в культуре. Во-вторых, выявить характеристики ораторской маски как феномена культуры.

Глава состоит из двух параграфов. Первый посвящен понятию ораторской маски как лингвориторическому явлению. Второй – культурологической составляющей проблемы, рассмотрению ее в свете современных тенденций развития гуманитарного знания.

1.1. Понятие ораторской маски.

1.1.1. Риторический канон об образе оратора.

Одной из основных проблем риторики с момента ее появления как вида общественной деятельности являлась проблема выбора средств достижения поставленной цели. При создании речи оратор должен был либо представить аудитории свою точку зрения на проблему (и в этом случае имелся определенный риск: доверится ли ему публика) либо свести этот риск к минимуму за счет использования позиции большинства, занять точку зрения, заведомо близкую основной массе аудитории. Эта проблема в риторических трактатах именуется оппозицией «быть : казаться». Ритор определяет: изменится ли ему в речи, показать себя другим или самим собой. В самых первых рассуждениях о риторике этот вопрос занимает самостоятельное

место, поскольку связан прежде всего с ситуацией выбора средств убеждения и способов воздействия на аудиторию. Эта проблема рассматривается как выбор нравственного порядка, в чем реализуется «связь риторики и образа жизни, модели красноречия и модели нравственности» [Михальская, 1996, с. 15]. В риторическом каноне нет понятия ораторской маски, но проблемы замещения личности говорящего «другим», создания образа языковыми средствами традиционно входят в область риторики. В диалогах Сократа ораторское искусство - одно из средств служения обществу, это выбор средств убеждения, жизненный выбор. Оратор должен нести знания, а не мнения, воспитывать сограждан – это его главная цель. «Казаться» ради достижения цели общения неуместно. Аристотель и Цицерон занимают противоположную позицию: можно «показать себя», то есть создать в речи образ, угодный аудитории, и добиться таким образом цели. Связь публичной речи с проблемой жизненного самоопределения оратора отмечается уже в самых первых текстах, посвященных ораторскому искусству.

В диалоге «Горгий» Сократ, обсуждая этот вопрос со многими собеседниками, придерживается позиции «быть»: «... всего же более (надобно) заботиться о том, чтобы не *казаться*, но и в частной, и в общественной жизни *быть* добрым. ... Всякой же *лести*, и себе самому и другим, и немногим и многим надобно избегать, а риторикой, ..., всегда пользоваться только для правды» [Платон, 2000, с. 193-194]. Ни один же из участников этого диалога с Сократом не согласен, а Каликл даже предсказывает гибель его философии и, естественно, жизненной позиции.

Сократ понимал риторику как мастерицу «производить убеждение верующее, а не обучающее касательно того, что справедливо и несправедливо», дающую «веру без знания» [Платон, 2000, с. 98]. Философ отстаивает здесь необходимость совместного поиска истины, направленного на улучшение аудитории и достижения справедливости в обществе. Сократ выступает против угодничества слушающим, лояльности к их страстям. Оратор должен быть добрым гражданином, заботящимся о благе общества,

знающим истину, чтобы вести к ней аудиторию, уча справедливости. Сократ понимает риторику как идеалист, последовательно проводя идею о человеке-гражданине, единственной целью которого является благо общества.

Аристотель, создавая свою «Риторику», придерживается иных взглядов, он отстаивает позицию «казаться». Он пишет: «доказательство достигается с помощью нравственного характера говорящего в том случае, когда *речь* произносится так, что *внушает доверие* к человеку, ее произносящему... и это должно быть не следствием ранее сложившегося убеждения, что говорящий обладает известными нравственными качествами, но *следствием самой речи...*» (выделено мной – Е.К.) [Аристотель, 1978, с.19-20]. Аристотель отмечает, что именно речь должна характеризовать говорящего, являться основой оценки его личности, благодаря ей оратор приобретает доверие аудитории, что способствует доказательству. Подбор и расположение в тексте материала, его языковое выражение позволяют создать нужный образ.

Речь и образ оратора являются средствами убеждения, аргументации. «Необходимо... *показать* себя человеком известного склада и настроить известным образом судью» [там же, с.71]. Здесь Аристотель акцентирует одну из важнейших оппозиций учения об ораторе, оппозицию «быть : казаться». Оратору необходимо создать образ в речи так, чтобы аудитория и судьи (для судебной защитительной речи) поняли, что говорящий – это тот человек, которому можно верить. Кроме того, «есть три причины, возбуждающие доверие к говорящему, потому что есть именно столько вещей, в силу которых мы верим без доказательств, - это разум, добродетель и благорасположение» [Аристотель, 1978, с. 72]. Иначе говоря, если по произнесению речи аудитория убеждена, что говорящий человек разумный и добродетельный, и он смог возбудить к себе благорасположение, то она ему скорее поверит.

Проблема «быть» или «казаться» для античного ритора, возможно, представлялась еще и как проблема мировидения. По мнению А.Ф. Лосева,

основой представления о мире являлось представление о театре, мир – это театральная сцена, «а люди актеры, которые появляются на этой сцене играют свою роль и уходят» [Лосев, 1992, с. 327]. Отсюда может вытекать желание показаться в жизни, как правило, социальной, другим человеком, создать образ более ценный, значимый или «престижный» обществе.

Цицерон пишет: «оратор должен обладать остроумием диалектика, мыслями философа, словами чуть ли не поэта, памятью законоведа, голосом трагика, *игрою такой, как у лучших лицедеев*» [Цицерон, 1972, с.100]. Таковы, по его мнению, необходимые качества оратора, причем эти характеристики называет оратор-практик, его теория ораторского искусства основывается на личном опыте. «Оратор должен был быть артистом» [Кузнецова, Стрельникова, 1976, с. 120], он должен был владеть, как уже отмечалось, голосом, уметь произносить речь, вести себя на трибуне, контролировать мимику и жесты, то есть создавать речью и поведением целостный образ.

Цицерон в своих трактатах представляется «сторонником» позиции «казаться». «Красноречие ораторов всегда руководилось вкусом слушателей. Всякий кто хочет иметь успех, следит за их желаниями и в согласии с ними слагает свою речь целиком применительно к их суждениям и взглядам... » [Цицерон, 1972, с. 335]. По Цицерону, главное средство достичь цели – угодить аудитории, а не стремиться к истине. Залог успеха речи – ориентация на слушающих, на мнение большинства из них. Цицерон считал, что главное для создания эффективной речи – знать «вкус, желания» аудитории, то есть оратор должен следить за популярными «суждениями и взглядами» современников и опираться на них при создании речи. Ораторская маска основывается именно на мнении большинства, в этом ее воздействующая сила, она в этом смысле социальна. Оратор, используя ее, «говорит» и «думает» так же, как это делает аудитория.

Также как и Аристотель, Цицерон важное место в убеждении отводит образу оратора в речи: «... именно подбор мыслей и подбор выражений в

связи с мягким исполнением, обнаруживающим добродушие, *показывает оратора* человеком честным, благовоспитанным и благонамеренным» (выделено мной. – Е.К.) [там же, с. 166]. Цицерон обращает внимание на текстовые характеристики создания образа оратора: «подбор мыслей и подбор выражений», то есть материал речи и его воплощение, информативно-стилистические характеристики; и «мягкое исполнение» - интонационные характеристики.

Итак, авторы классических текстов по риторике важное место уделяли вопросу «быть: казаться» и связанной с ним проблеме образа оратора. Оратор, показывающий себя человеком благонадежным, добродетельным и разумным, ближе к достижению цели, чем оратор, стремящийся к постижению истины. Образ оратора в представлениях Аристотеля и Цицерона соотносится с ожиданиями аудитории и является средством достижения желаемого результата. Оба автора обращают внимание на текстовую сторону речи: подбор и расположение материала, его языковое оформление. Таким образом, классическая риторика рассматривает проблему замещения оратора созданным образом. Кроме того, в требовании основателей риторики угождать аудитории нам видится одна из основных характеристик ораторской маски – социальность, знание и учет общественных ориентаций аудитории.

1.1.2. Соотношение образа оратора и ораторской маски в филологии.

Исследуя лингвориторическую сущность ораторской маски, необходимо, на наш взгляд, прежде всего, обратиться к работам филологов, где рассматривается языковая реализация маски и образа оратора.

В.В. Виноградов и М.М. Бахтин подошли к проблеме ораторской маски, исследуя проблему автора в художественных текстах. Эти ученые - первый в рамках лингвистики и литературоведения, а второй, выходя в область эстетики, философии языка, - рассматривают проблемы образа автора и маски на разных уровнях: «Образ автора и образы персонажей определяются,

по концепции В.В. Виноградова, языками-стилями; их различия сводятся к различиям языков и стилей, т.е. к чисто лингвистическим. В *нелингвистические взаимоотношения* между ними Виноградовым не раскрываются. Но ведь эти образы (языки-стили) в произведении не лежат рядом друг с другом как лингвистические данности, они здесь вступают в сложные динамические смысловые отношения особого типа. Этот тип отношений можно определить как *диалогические отношения*» [Бахтин, 1986, с.312]. Здесь мы видим не полемику с точкой зрения В.В. Виноградова, а скорее возведение этой идеи на иной уровень осмысления, рассмотрение проблемы в системе диалогических отношений.

Академик В.В. Виноградов, разрабатывая теорию языка художественной литературы, рассмотрел категорию образа автора, при исследовании которой применительно к ораторской речи, обозначились категории образа оратора и ораторской маски. В работах ученого соотношение этих понятий не достаточно прояснено и они зачастую используются как тождественные. В данной диссертации автор речи и оратор, произносящий ее, одно лицо, потому что судебная защитительная речь (в отличие от политической или академической речи) по большей своей части – экспромт. Оратор-адвокат, готовясь к заседанию суда, может лишь наметить для себя основные положения защиты, ключевые моменты речи, композиционно выстроить их в рамках речи, подобрать языковое выражение (тропы, риторические фигуры) для наиболее важных аргументов защиты, но написать речь полностью невозможно, потому что она зависит от ситуации слушания дела. Судебный оратор, полностью заготовивший речь, подвергает себя и подзащитного риску проиграть дело. Именно поэтому, на наш взгляд, адвокат-оратор обязательно является и автором речи. Таким образом, в нашей работе представляется возможным рассматривать категорию образа автора и оратора как тождественные. В.В. Виноградов различает их лишь на том основании, что образ автора существует в художественном тексте, а образ оратора в риторическом.

«Характер, наблюдаемый в ораторе, не есть действительно существующий, а лишь является воспроизведением характера в действительности существующего. Речь идет о коллективной «сценической маске» оратора, которая создается *формами речи и моторной экспрессии*. Но эта маска не едина: существуют функционально различные *типы* ораторской личности в данный период – «проповедника», «защитника»... (выделено мной. – Е.К.)» [Виноградов, 1971, с.149-150]. Академик Виноградов, вводя театральную метафору, отмечает таким образом игровой момент в судебной защитительной речи; оратор, как актер, играющий роль (= надевающий маску), только воспроизводит характер, в действительности существующий. Кроме того, отмечается «коллективный» характер маски, ее типичность для данного периода времени. Маска, используемая оратором - это тип, характер, который должен быть узнаваем в данное время.

В еще одном определении В.В. Виноградова мы видим иные формулировки, обозначающие несколько другой аспект данной проблемы: «*Социальным сознанием* устанавливается на данный период характерологическая схема образа оратора в его различных *типических воплощениях*... (выделено нами. – Е.К.) [Виноградов, 1980, с.122]. Здесь академик Виноградов говорит не о замещении личности маской, а об образе оратора как «характерологической схеме», схеме его характера, представляющего некий тип, определенный культурой социума. Так намечается следующее различие: образа оратора состоит из ораторских масок, каждая из которых, с нашей точки зрения, представляет собой элемент целого характера. Отметим, что *ораторская маска* – это порождение культуры общества, представляет собою тип, модель речевого поведения, и создается «формами речи и моторной экспрессии».

Так как мы рассматриваем напечатанный текст, то для нас невозможно рассмотрение моторики оратора, и поэтому когда в нашей работе говорится о маске, то имеется в виду ее речевое воплощение: ее язык-стиль² или

---

² См. Бахтин М.М. «Эстетика словесного творчества», М., 1986 с. 312.

совокупность стилистических средств³, тематико-стилиное единство, представляющее ее в речи. Такие единства идентифицируются слушателями как существующий в культуре тип.

О различении ораторской маски и образа оратора В.В. Виноградовым можно говорить на основании статьи «Анализ речи В.Д. Спасовича по делу Кронеберга»(1929). Здесь мы встречаем следующее замечание: «образ защитника, который до сих пор двигался под прикрытием масок «исследователя» и «повествователя», показывается с открытым забралом. Он вбирает в себя приемы повествования и исследования, обозначаясь как основная структурная форма образа ораторского «я»...» [Виноградов, 1980, с.141]. Образ оратора и ораторская маска соотносятся как целое и часть, то есть образ оратора как структура целого текста включает в себя разные типы ораторской маски. «Оратору для привлечения к себе расположения слушателей необходимы единство и цельность образа» [Виноградов, 1980, с.146], чего не могут дать сами по себе маски как «чужое» и социальное для автора. Маска используется с определенной целью оправдать, а образ – с целью пленить, убедить». «Образ адвоката как узаконенная общественно - актерская маска, в структуру которой органически входят «фальшь» и «игра совестью» [Виноградов, 1980, с.147]. Маски и их смена в речи (возможно) диктуется прагматической целью, тогда как образ оратора – коммуникативными целями.

Категория образа автора рассматривается В.В. Виноградовым, с одной стороны, как усматриваемая в тексте исследователем: «Вдумчивый художник, исследуя какого-нибудь писателя... создает его образ – *целостный и индивидуальный*» (выделено нами – Е.К.); но, с другой стороны, «этот образ является... отражением объективных качеств художественных свойств стиля и личности самого предмета изучения» [Виноградов, 1971, с.156]. Образ автора (= оратора), с одной стороны, существует в тексте, а с

---

³ «Одно из проявлений образа автора – это стиливая, языковая «маска», «личина», которую сознательно использует автор, доверяя повествование вымышленному рассказчику». См. Иванчикова, с.125. «Повествование есть последовательная смена автором стилистических масок». См. Бонещкая, 1988, с.62.

другой, является исследовательской категорией. Целостный и индивидуальный, он – это то, что читатель (= слушатель) воспринимает в первую очередь, это то, что остается в памяти после прочтения произведения [Бонецкая, 1985], а образ автора как исследовательская категория представлен тем, что В.В. Виноградов и его последователи называют маской. В нашей работе рассматривается феномен ораторской маски как элемент формирования, существующего в речи образа оратора.

М.М. Бахтин к понятию маски приходит, рассматривая проблему авторства⁴ высказывания. «Говорящий человек. В *качестве кого* и *как* (*то есть, в какой ситуации*) выступает говорящий человек. Различные формы речевого авторства ... Принято говорить об *авторской маске*. Форма авторства зависит от жанра высказывания. Жанр в свою очередь определяется предметом, целью и ситуацией высказывания ... *Кто говорит и кому говорит*. Всем этим определяется жанр, тон, стиль высказывания. Этим определяется форма авторства» [Бахтин, 1986, с.377-378]. Здесь М.М. Бахтин отмечает: переход от *говорящего человека* к авторской маске осуществляется через приобретение им определенного статуса («в качестве кого») и появление определенной ситуации («в какой ситуации»). Форма «кто говорит» показывает результат – это человек в определенной роли и ситуации⁵. "Говорящий вступает в коммуникацию не как глобальная личность, а как личность "параметризованная", выявляющая в акте речи одну из своих социальных функций или психологических аспектов, в связи с которыми и должно пониматься его высказывание" [Арутюнова, 1981, с. 357]. В ситуации судебного разбирательства - это Ф.Н. Плевако, адвокат в суде. Но нужно отметить, что защитник является неотъемлемой частью речи,

---

⁴ М.М. Бахтин также использует понятие авторской маски и образа автора как противопоставленные самому автору.

⁵ М.М. Бахтин пишет: «Мы можем создать образ любого говорящего, воспринимать объектно любое слово, любую речь, но этот образ не входит в намерение и задание самого говорящего и не создается им как автором своего высказывания» (Бахтин, 1986, с.303). В повседневной обыденной жизни, бесспорно, так и происходит: образ говорящего формируется у слушающего, и говорящий субъект создает его ненамеренно, в нем отражается индивидуальность говорящего, как и во всех действиях. «Любое явление личности вовне символично: слово, жест, весь облик обладают способностью одновременно обнаруживать и скрывать глубинное ядро человека» (Бонецкая, 1985, с.263). Но в профессиональной риторике ораторская маска используется как средство воздействия, для достижения прагматической цели.

и в данном случае он ожидается аудиторией, реально же оратор выбирает маску или совокупность масок, которые будут «поглощаться» образом «защитника». Маски, как более частное, мотивированы «предметом, целью и ситуацией» в том смысле, что «защитнику» нужно рассмотреть в своей речи улики, дать характеристику подсудимого, обстоятельств преступления и т.д., то есть оратором будут использовано то, что поможет ему наиболее адекватно описать нужный аспект дела в речи. Из всех существующих в данной культуре масок судебным оратором избираются только функциональные в данной речи, то есть выбор их обуславливается функциональностью. В этом случае мотивировкой является диалогичность построения судебного разбирательства. Речь адвоката – ответная реплика в диалоге с прокурором и всей конкретной ситуации суда (реплики судьи, свидетелей и пр.). А маски (языки-стили) находятся во внутритекстовом диалоге. Здесь «чужое слово должно превратиться в свое чужое слово» [Бахтин, 1986, с.369]. «Чужое слово» отдельной маски является своим для образа «защитника», не теряя при этом своей «чужести». «Чужие» по отношению стили, будучи включенными в речь, оказываются тоже в некотором роде «авторскими», но это надо понимать лишь в том смысле, в котором актер на сцене отождествляется с персонажем пьесы [Бонецкая, 1988, с. 62]. Все «чужое», разные «языки – стили» выступают как маски, являясь элементами текста, тематико-стилистическими единствами, реализуемыми в речи.

Создающий «первичный автор, если он выступает с прямым словом, не может быть просто писателем: от лица писателя ничего сказать нельзя...» [Бахтин, 1986, с.373], как ничего нельзя сказать в суде от лица Ф.Н. Плевако, право голоса в суде имеет «защитник» Ф.Н. Плевако. Но в речи защитника Ф.Н. Плевако «я» не будет равно защитнику, это «я» текстовое, созданное и существующее по законам текста, но имеющее знания господина Ф.Н. Плевако (знание культуры данного общества, языка и т.д.) и защитника Ф.Н. Плевако (участника суда, адвоката, юриста). И, кроме того, аудитория

воспринимает текст и через него речевую маску оратора, которая отождествляется с защитником Ф.Н. Плевако, а за пределами суда и с господином Ф.Н. Плевако. Создающий (= оратор) изначально содержит в себе все точки зрения (как человек данной культуры), но чтобы вступить в коммуникацию в качестве равноправного ее члена, оратору нужна социальная роль, позволяющая ему вступить в диалог, действовать в ситуации. Оратору необходимо взять на себя определенную функцию, занять точку зрения и для адекватного описания выбрать адекватный язык, взять «чужое» слово, которое несет определенные функции, сделать его своим. Это позволяют говорящему ораторские маски–функции, абстрактные модели речевого поведения, продиктованные отчасти ситуацией говорения. Причем мы должны отметить, что маска защитника для нас - речевая маска, а адвокат - это социальная роль (статус).

Итак, в филологии образ оратора и ораторская маска появляются в связи с категорией образа автора [В.В. Виноградов] и, шире, в связи с проблемой определения авторства высказывания [М.М. Бахтин]. Ораторская маска характеризуется социальностью, она складывается в обществе в определенное время, и следовательно, узнаваема его членами, кроме того, она признается ими как ценность в силу ее типичности, характерности для данного времени. Образ оратора по отношению к говорящему индивидуален. Если маска «чужое» слово, то образ оратора принятое ритором слово, и тем самым ставшее «своим». Он скрывается в тексте под различными масками, оставаясь в сознании слушающего как целостное ощущение от речи. Различение уровней текста, на которых существуют образ оратора и ораторская маска, аналогично, на наш взгляд, рассмотрению коллажа, где отдельный целостный элемент, соотносясь с другими ему равноценными, представляет целостное произведение. Свойство типичности определяет также ораторскую маску как модель речевого поведения, она использует сложившийся в культуре язык-стиль, специфичный для характера, который она представляет.

В ситуации судебного разбирательства право голоса имеет не каждый человек, для участия в данном процессе необходимо приобретение говорящим определенной социальной роли. От адвоката аудитория ждет защиты обвиняемого – это его функция, в качестве приема, «разрушающего» это ожидание, оратор использует маски, он может обвинять, проповедовать, негодовать и делать много других вещей, которые несвойственно делать адвокату. Выбор той или иной маски определяется ее функциональностью, соответствию ситуации говорения.

1.1.3. Ораторская маска в современной филологии.

В современной филологии существует рассмотрение речевой маски как приема. В монографии «Русская разговорная речь» он описывается следующим образом: «Один из способов любой игры (не только языковой) - выступать в чужой роли. ... Говорить необычно, как кто-нибудь - приезжий из деревни, сюсюкающая дамочка, бюрократ, ребенок, иностранец - эти и многие другие речевые маски всегда под рукой у говорящих. Используя этот прием, говорящий обычно не заботится о полном воспроизведении чужой речи, он лишь бросает отдельные яркие мазки, наиболее характерные приметы чужого голоса» [Русская разговорная речь, 1983, с. 180]. Авторы исследуют прием речевой маски на фонетическом уровне, допуская и более широкое его применение, и относят его к сфере балагурства, потому что в разговорной речи использование этого приема обычно не связано с характерологическим заданием и с содержанием речи [Русская разговорная речь, 1983, с. 180]. В монографии этот прием рассматривается как функционирующий в разговорной речи и, совершенно верно, в этом случае он относится к сфере комизма, острословия. Мы же исследуем функционирование того же самого явления, но в области публичной речи. В нашем случае речевая маска несет в себе специфическую культурную нагруженность. Задание, которое она выполняет, например, в судебной защитительной речи, - ввести в речь оратора «голос», не имеющий права присутствовать в ситуации суда, привлечь содержание свойственное ему, но

не характерное для этого типа коммуникации. «Говорящий добивается экспрессивности, стараясь сделать свою речь необычной для данной ситуации. Эффект комизма создается контрастом между конституцией, контекстом и приметам чужой речи, вызывающей представление об иных говорящих и иной ситуации» [Русская разговорная речь, 1983, с. 180].

Например, в речи Ф.Н. Плевако по делу Чернобаева присутствует ораторская маска «повествователь», не характерная для судебной защитительной речи. Адвокат описывает мотив и ситуацию преступления в нарративном ключе. «Человек молодой встретил молодую девушку и полюбил ее ... Ей захотелось пококетничать, правда, без греха; с ее стороны наступило охлаждение и место мужа занял другой». Стиль, приведенного фрагмента, как и большей части речи по данному делу, - стиль художественной литературы, не свойственный для судебной речи. Наименование подсудимого: «молодой человек», «муж»; пострадавшего «другой»; свидетеля преступления, послужившего причиной преступного деяния: «молодая девушка», «она» - не характерны данному типу текстов. Сама ситуация любовного треугольника провоцирует адвоката на стиль изложения и, в частности, называние действующих лиц: он – она – другой – не герои, а «трое несчастных, и весь вопрос в том, кто из них несчастнее». Рассматривая дело с точки зрения «повествователя» оратор может представить ситуацию не как преступление, а как одну из типичнейших жизненных ситуаций, участников – не как субъектов судебного процесса, а как «несчастных» людей, и подсудимого как самого несчастного, жертву обстоятельств, обмана. Тем самым ритор вызовет в присяжных заседателях жалость и сострадание. На наш взгляд, функция ораторской маски - представление определенной точки зрения на ситуацию, послужившую поводом для судебного преследования.

Сходное понимание речевой маски также находим в статье Т.А. Трипольской и М.В. Шпильман «Языковая маска как коммуникативная стратегия языковой личности». Авторы опираются на следующие положения:

«языковая маска - это "не я", это чужой языковой образ, который человек реконструирует и присваивает на какое-то время с определенной целью; языковая маска – это определенный тип речевого поведения, коммуникативная стратегия, обусловленная целями языковой личности и характеризующаяся определенным набором языковых средств; это имитация чужого речевого поведения, включающая иную манеру речи, иной лексикон, и иную языковую картину мира; суть этой стратегии в том, чтобы сменить свою речевую манеру на иную, которая принадлежит либо определенному лицу, либо обобщенному социальному или профессиональному типу, отображенному в нашей картине мира; эксплуатирование чужой манеры речи может носить ситуативный характер, а может быть достаточно пролонгированным и включать многочисленные характеристики чужого идиостиля, с тем чтобы создать образ представителя того или иного социального слоя, профессии, характера» [Трипольская, Шпильман, 2002, с. 64]. Авторы рассматривают речевые маски, представленные в произведениях художественной литературы, на материале романов А. и Б. Стругацких «Обитаемый остров», «Жук в муравейнике» и «Волны гасят ветер», объединенных главным героем – Максимом Каммерером. Исследователи выделяют следующие речевые маски героя: «журналист», в двух вариантах «профессионал» и «дилетант», и «турист». Отмечается, что «надевая маску, он (Максим Каммерер. – Е.К.) как бы перевоплощается в другого человека, играет роль ... выбор языковых масок герой обуславливает необходимостью скрыть свою профессию, свои намерения и интересы» [Трипольская, Шпильман, 2002, с. 65]. Цели использования маски в речи, которые отмечают авторы статьи, совпадают с теми, которые выделяются в нашей работе при анализе судебной защитительной речи: адвокат при помощи ораторских масок скрывает свое «лицо», свою точку зрения на обстоятельства дела, за социально значимой позицией маски. В нашей работе рассматривается, таким образом, функционирование ораторской маски в реальной коммуникации, а в работе Т.А. Трипольской и М.В. Шпильман – в рамках

художественноречевой коммуникации.

Существует также еще одно, известное нам, толкование понятия маски. Его предлагает Н. Шром в статье «Стратегии взаимодействия Автор-Читатель в художественной коммуникации. Феномен авторской маски». Исследуя модель художественной коммуникации на основе творчества обэриутов, автор рассматривает феномен авторской маски как «имплицитный образ автора, возникающий на пересечении собственно авторской маски и читательской активности в метатекстуальном пространстве, под которым следует понимать формируемые читателем коннотативные («добавочные») смыслы. Основой авторской маски (масок) являются наиндивидуальные структуры художественного мышления – биографические мифологемы, то есть устойчивые сопровождающие художника на протяжении всей его творческой жизни представления о его личности; идеологические стереотипы; древнейшие культурные модели (ритуальные, мифологические фольклорные); архетипы современного масскультурного и сверхинтеллектуального сознания, то есть любые культурные конвенции своего времени» [Шром, 2003, с. 256]. На наш взгляд, автор статьи понимает авторскую маску широко, этот феномен приобретает характеристики индивидуальные, то есть маска формируется на базе творчества одного автора, если читатель его рассматривает сквозь призму культурных стереотипов. Кроме того, маска после такого становления помогает субъекту художественной коммуникации осмыслить все творчество данного автора. Нам же феномен маски представляется лишенным каких бы то ни было индивидуальных авторских черт, оратор не участвует в формировании ораторской маски, он, используя ее, закрепляет ее место в культуре.

Рассматривая понятие ораторской маски в современной филологии, представляется актуальным соотнести его с активно используемым сегодня понятием языковая личность, которое было введено в науку Ю.Н. Карауловым в работе 1987 года «Русский язык и языковая личность».

Говорящий человек изучается как языковая личность, то есть «как индивидуум <...> со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками, как типовой представитель данной языковой общности <...>, и как представитель рода человеческого, неотъемлемым свойством которого является использование <...> естественного языка» [Караулов, 1997, с.671]. Языковая личность объединяет весь комплекс характеристик человека: психологические, индивидуальные и социальные, которые обуславливают его языковую деятельность и отражаются в ее результате. Полное описание языковой личности основывается, во-первых, на характеристике семантико-структурной ее организации, во-вторых, на особенностях ее речевого поведения, в-третьих, на реконструкции картины мира языковой личности, в-четвертых, на выявлении жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся выражение в порождении речи, текстов, в их содержании [Федорченко, 2002, с. 20-21].

Ю.Н. Караулов выделяет в структуре языковой личности три уровня: «нулевой» - вербально-грамматический; «первый» - когнитивный уровень; «второй» - мотивационный (прагматический). «Нулевой» уровень присутствует у всех носителей языка и отражает владение лексико-грамматическим фондом языка. В силу этой его характеристики он не несет специфической информации о личности говорящего. «В крайнем случае на этом уровне мы можем констатировать нестандартность, неповторимость вербальных ассоциаций, которые сами по себе не дают сведений о языковой личности» [Караулов, 1987, с. 36]. Индивидуальные качества начинают проявляться на «первом» - лингво-когнитивном уровне, который опирается на большое количество текстов необыденного содержания, предполагает установление иерархии смыслов и ценностей личности. «Второй» уровень языковой личности – мотивационный, он «включает мотивы и цели, движущие развитием, поведением языковой личности, управляющие ее

текстопроизводством и в конечном итоге определяющие иерархию смыслов и ценностей в ее языковой модели мира» [Караулов, 1987, с. 38].

Понятие языковой личности описывает всю структуру речевого поведения человека, начиная с уровня владения языком до уровня прагматики его речевой деятельности и ее мотивов. Оно как наиболее объемное включает в себя ораторскую маску как модель речевого поведения и сближается с образом оратора (автора) текста. Ораторская маска входит в структуру языковой личности на первом уровне, потому что именно здесь предполагается установление иерархии ценностей, к самым общим из которых, для носителей определенной культуры, в определенный отрезок времени, и обращается ораторская маска. «Речевая структура произведения оказывается тождественной речевой структуре образа, то есть структуре данной языковой личности, образу автора, образу риторика. Однако полного отождествления образа риторика с языковой личностью не может произойти, так как образ риторика - маска» [Караулов, 1987, с. 32]. Здесь Ю.Н. Караулов понимает маску как исполнительский момент, бесспорно, значимый для представления об образе риторика. И именно за счет этого аспекта своего бытия образ оратора становится объемнее языковой личности, включая в себя языковую личность и элемент актерства, по словам Ю.Н. Караулова, целиком направленный во вне, несущий в себе отраженный образ слушателя (адресата) речи [1987, с. 33].

Таким образом, в современной филологии существует, с одной стороны понимание речевой маски как приема, с другой стороны, как феномена художественной коммуникации. Речевая маска используется с целью замещения говорящего лица другим, но тем не менее, знакомым собеседнику. Этот процесс происходит за счет использования характерных языковых средств фонетических (например, в разговорной речи), всех уровней языка (в художественной речи), которые необходимы для создания стилистической узнаваемой маски. В разговорной речи прием речевой маски влечет за собой эффект комизма, в художественной речи – смену ликов персонажа, в

художественной коммуникации авторская маска позволяет автору создавать некоторую модификацию своего «Я» для представления читателя, который может с ее помощью интерпретировать произведения данного автора. В судебной защитительной речи оратор использует маски для привлечения более обширного материала для рассмотрения дела либо для увеличения вариантов их объяснения. Понятие ораторской маски целиком встраивается в структуру языковой личности на ее первом уровне, а образ оратора включается в нее, но за счет выхода своего во внеязыковую среду ее превосходит.

1.1.4. Ораторская маска в современной риторике.

В современной теории риторики феномен ораторской маски исследован не полно, иногда он рассматривается как аналог образа оратора. А.А. Волков отмечает, что «содержание общей риторики трехмерно: (1) теория аргументации, (2) учение о риторике, (3) риторическое построение» [Волков, 1997, с.16]. Такова структура риторического знания, однако авторы работ по проблеме часто опускают учение о риторике, основное место в котором по праву занимает проблема образа оратора.

Образ оратора определяется в рамках категорий этоса, логоса и пафоса. «... Этос создает условия для речи, пафос – источник создания смысла речи, а логос – словесное воплощение пафоса на условиях этоса» [Рождественский, 1999, с. 69]. Совокупность этих категорий определяет речь, этос создает рамки для выбора образа оратора, пафос, на наш взгляд, как «внесение новизны в тему и форму речи» [там же, с. 8], обусловлен набором ораторских масок, создающих образ оратора, а логос – «словесное наполнение» - проявляет образ оратора и ораторскую маску, то есть «совмещает в себе общепонятное и новое» [там же, с. 8]. Общепонятное для нас – маска, социальное, а новое – образ, индивидуальное.

На наш взгляд, рассмотрение ораторской маски как общественной, коллективной ценности до определенной степени противопоставленной

образу оратора как частному, индивидуальному воплощению, духу организующему социальное, создающему из него цельную речь, позволяет наиболее полно исследовать процесс создания речи, ее социального бытия и значимости. Поэтому мы не можем согласиться с мнением Ю.В. Рождественского по поводу соотношения маски и образа оратора. Он пишет: «Оратор должен представлять себя «по правде», то есть исходя из реальных обстоятельств. Оратор в любой своей речи должен быть самим собой, то есть держаться в принципе одних и тех же взглядов и оценок... И все-таки оратор есть не реальное лицо, а маска. Оратор должен представить себя публике. Оратор должен быть, вернее, представлять себя человеком надежным, это значит, что во всех речах он должен быть однороден в своих нравственных выборах, внешнем облике и типах реакций. Эта однородность выбирается оратором, воспитывается им самим для себя, является основой его маски... маска оратора как бы прирастает к нему на всю жизнь» [Рождественский, 1999, с. 135]. Автор в приведенной цитате как минимум не последователен в представлении о «быть или казаться» оратору. Кроме того, образ оратора не должен и не может быть единственным, выбранным раз и на всю жизнь, потому что он зависит от условий ситуации (этоса) и темы речи (пафоса). Выбранная, по Ю.В. Рождественскому, маска может стать для оратора началом гибели, мешающим ему адаптироваться в ситуации, приспособливаться к типу речи, ее теме, к аудитории. Такая маска может стать неинтересной для слушающих, для публики, потому что всем известно что от нее ждать, как она себя поведет⁶. «Ораторская маска – образ оратора - первый слой содержания, который считывает аудитория. Увидев данного оратора, она уже предполагает общее смысловое направление его речи, тем самым образ оратора есть категория смысла речи для слушающего» [Рождественский, 1997, с. 136-137]. Бесспорно, что «образ оратора – первый

---

⁶ Проблемы многих политиков ситуативно схожи: статика масок А. Лебеда, В. Жириновского и др. приводит к тому, что их не слушают, их знают, они не интересны. Им для подъема рейтинга или интереса нужно менять маску, полностью весь имидж. «А. Лебедь вошел в политическое пространство с явной ролью «отца солдатам». Затем ему *пришлось* осваивать иные роли..., рассуждать на темы, которые до этого были вне его» [Почепцов, 1998, с. 237].

слой содержания, который считывает аудитория», больше того, на наш взгляд, это самое первое и, следовательно, самое сильное впечатление от речи, которое сохраняется в памяти слушающего. Но невозможно, чтобы аудитория, видя оратора, уже предполагала «смысловое направление его речи».⁷

На наш взгляд, ораторская маска существует как раз для того, чтобы оратор мог свободно реагировать на ситуацию, быть надежным человеком не в силу одинаковости реакций, а в силу приобщенности к мнению коллектива, общества. Доверие должен вызывать образ оратора, созданный речью за счет разумности доводов и добродетельности целей, приводимых оратором.

В современной риторике существует другая точка зрения на данную проблему. В работах А.П. Романенко в современную риторику вводится новая трактовка понятия образ ратора. Это коллективный языковой субъект, представленный текстуально. Он существует как стандарт, норматив речевой и риторической деятельности [Романенко, 1998(a)]. Концепция ученого основывается отчасти на учении В.В. Виноградова, который представлял соотношение образов автора и ратора как соотношение литературно-художественного (индивидуального) и социально-политического (коллективного) языковых субъектов [Романенко, 2001, с. 8]. На наш взгляд, коллективный языковой субъект является в двух ипостасях: образа оратора и маски. А.П. Романенко в своих работах не выделяет ораторской маски, и, как нам кажется, поэтому характеристики образа ратора определенным образом объединяют характеристики двух явлений - образа оратора и ораторской маски.

Образу ратора, по мнению автора, характерна: во-первых, стилевая стандартизация: автор либо стремится выработать «коллективное»

---

⁷ Факты подобного рода имеют место в действительности, например, таковым является, на наш взгляд, образ лидера ЛДПР В.В. Жириновского, известный российской аудитории. Но не должны ли такие явления входить в риторику как примеры коммуникативной неудачи? При полной предсказуемости образ оратора известен, ожидаем. Оратор может стать заложником своего образа, в другом образе аудитория его не воспринимает, ему нельзя меняться, но и одинаковость его неинтересна.

отношение к предмету речи, либо присоединяется к нему. Это положение, как нам кажется, определяет действенность ораторской маски, это смысл ее использования в судебной защитительной речи. Во-вторых, образ ратора лишь средство для восприятия читателем предметно-идейного содержания текста. Сам по себе, вне этого содержания он не ценен. Соглашаясь с этим, заметим, что образ оратора изменяется в зависимости от ситуации речи, он не сводится к некоему ценностному инварианту, тогда как маска ценна сама по себе в силу ее социальности, признанности культурным сообществом. Но мы не можем согласиться с тезисом А.П. Романенко о том, что образ оратора «задан риторической традицией, ему нужно следовать, а не создавать его заново. Актерство ратора неуместно, т.к. это может вызвать сомнения в его серьезности» [Романенко, 1998(б), с. 67]. На наш взгляд, оратор создает свой образ в каждой речи заново и в зависимости от ситуации общения, а риторической традицией задан скорее риторический идеал, сложившийся в культуре⁸, к которому должен стремиться всякий оратор, создающий образ для эффективного общения. Проблема актерства ратора в суде рассматривалась академиком В.В. Виноградовым. По его мнению, «вопрос об «образе оратора» лежит на границе между *теорией звучащей ораторской речи* и общей теорией ораторского искусства как одной из форм театральной игры, гражданского «актерства» ... оратор – актер, который должен прятать свое «актерство». Его «актерский» образ не должен противоречить его общественной личности [Виноградов, 1980, с. 122]. Оратор не актер в полной мере, но в его общественной деятельности присутствует некий элемент игры. Пользуясь различными языковыми и неязыковыми средствами, он создает свой образ, этот образ не личности (например, Ф.Н. Плевако), а образ адвоката, созданный для защиты определенного подсудимого, рассмотрения определенного дела. Например, в речи по делу А.Ф. Мордвина-Щодро и князя А.Д. Оболенского защитник Ф.Н. Плевако создает образ критика

---

⁸ См. Михальская А.К. «Русский Сократ». – М.: Издательский центр «Academia», 1996. – 192 с., Стернин И.А. «О русском коммуникативном идеале» // «Профессиональная риторика: Проблемы и перспективы». – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – с. 12 – 15.

приемов, использованных при обвинении, представляющего судьям как все было на самом деле; элементы этого образа могут присутствовать и в других речах в качестве элементов другого образа.

Итак, образ оратора формируется целостной судебной защитительной речью и создается композицией ораторских масок в тексте и в какой-то мере сближается с выражением целевой установки оратора.

Ораторская маска предстает в разных аспектах социальным типом, моделью речевого поведения, языком-стилем и носителем точки зрения. Совокупность ее черт представляет маску как целостный тип, с его ценностями, идеалами, речевыми характеристиками. Набор ораторских масок позволяет адвокату представить либо разные аспекты рассматриваемого дела, либо представить его с разных точек зрения. Образ оратора и ораторская маска соотносятся как часть и целое, индивидуальное и социальное.

1.1.5. Ораторская маска как реализованная экспрессивность.

Для ораторской маски наиболее важной характеристикой является ее выраженность в слове. Она проявляется в культуре в форме одного из своих вариантов, только обретая материальность в речи. Ее текстовая реализация представляет тот тип, инвариант, к которому относится маска. Поэтому необходимо рассмотреть средства ее выражения.

Ораторская маска используется в речах убеждающего типа и может расцениваться как особое средство аргументации. «Самая характерная черта убеждающей речи – использование общих и специальных средств усиления изобразительности. <...> Усиление изобразительности начинается с осознанного или интуитивного отбора языковых средств, который (при прочих равных условиях) подчиняется лишь одному принципу – большей конкретности» [Хазагеров, Ширина, 1999, с. 111- 112].

Судебный оратор, как уже было отмечено, при создании речи ограничен материалами рассматриваемого дела, кроме того, при создании речи по делу

адвокат отбирает материал, располагает его и выбирает выразительные средства в соответствии с целевой установкой.

Следовательно, для аудитории адвокатская речь предстает как «сообщение, может быть, передающее и ту же действительность, но субъективным восприятием окрашенную, и по тому одному уже индивидуально *претворенную*» [Шпет, 1996, с. 215]. Для аудитории оратор предстает как субъект речи «все здесь для нас – (аудитории - Е.К.) *чьи-нибудь* выражения, выражения *кого-нибудь*, то есть субъекта, а этот последний, в свою очередь, исчерпывается для нас совокупностью своих экспрессивных выражений» [там же, с. 250], которая задана целевой установкой оратора. Создающий речь оратор свободен в рамках целевой установки, «в выборе того или иного направления, *способа* модификации изображаемой действительности (в ситуации судебной речи – материалов дела. – Е.К.) он свободен, далее, в отборе для них словесного, и вообще, изобразительного материала» [там же, с. 215], масок защитника. И только с учетом этих принципиальных, на наш взгляд, положений можно говорить о субъективности в отношении судебной защитительной речи, если рассматривать субъективность как «... всякое отражение субъекта вне его самого...» [там же, с. 218].

При создании судебной защитительной речи особенно важен игровой аспект, а именно аспект театральной игры, в которой «... действующая «сила», в данном случае «лицо», «личность» действующая есть не действительная и актуально действующая личность ..., а «актер» – «личность» безличная, *свое* реальное лицо покидающая за кулисами ..., и выносящая на сцену, хотя *свое же*, но не реальное, а художественное лицо и свою «роль» воображаемого лица...» [Шпет, 1996, с. 423]. Так, в судебной речи существует только образ «защитника», основанный на социальной роли, вбирающий в себя различные ораторские маски. Они «пользуется» знаниями субъекта, основывается на них. Ее не существует без хотя бы интуитивного знания о ней. Вслед за Г.Г. Шпетом отметим, что «... субъективно может

быть только некоторое, привносимое субъектом от себя, его отношение к чему-нибудь...» [с. 224],⁹ также обстоит дело и в нашем случае: ораторская маска воплощается в языке оратором, наполняется им.

Ораторская маска как тип культуры также обладает некоей «типической субъективностью», то есть в представляемой маской модели поведения заложены и некоторые типы реакций, специфическое «масочное» отношение к действительности. А как только мы говорим об оценочности, мы попадаем в сферу экспрессии, потому что «... экспрессия всегда субъективна, характерна, лична ...» [Шпет, 1996, с.233]; «общая экспрессивность текста представляет собой интегральный результат реализации таких его свойств, как эмотивность, оценочность, образность, интенсивность, стилистическая маркированность, структурно-композиционные особенности текста ...» [Человеческий фактор ..., 1991, с. 183]. В приведенных определениях представлена сфера экспрессивности, которая исходит от субъекта и привносит с собой его мнение о мире¹⁰.

Экспрессивность связана с прагматикой речи,¹¹ ведь убедительность основывается в равной степени на логической стороне речи, и на выразительно-изобразительной, что особенно важно для судебной защитительной речи, произнесенной перед присяжными заседателями. «Речь, составленная из одних рассуждений, не может удержаться в голове людей непривычных; она исчезает из памяти присяжных, как только они прошли в совещательную комнату. Если в ней были эффектные картины, этого случится не может» [Сергеич, 1999, с. 50].

Итак, связь между ораторской маской и экспрессивностью речи основывается, с одной стороны, на субъективности выбора маски оратором, и с другой стороны, на ее языковом воплощении.

---

⁹ Конечно, не исключается, что используемая ораторская маска основывается на знаниях реального человека (оратора), и может включать в какой-то мере его личностное отношение к рассматриваемому делу.

¹⁰ См. мнение Е.М. Галкиной-Федорук: «... выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия не всегда эмоциональна...».

¹¹ См. Сковородников А.П. «Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка». – Томск, 1981.; Телия В.Н. Экспрессивность //«Русский язык. Энциклопедия». М., 1998 г.; Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.

«Под экспрессивностью речи обычно понимается ее не нейтральность, остранение, деавтоматизация, предающие речи необычность, а тем самым и выразительность, связанную с тем, что сигнал, передаваемый языковым выражением (высказывания или текста) усилен и тем самым выделен из общего потока либо за счет необычного стилистического использования языковых средств, либо посредством интенсификации количественного или качественного аспектов обозначаемого, либо же в результате восприятия ассоциативно-образного представления, возбужденного данным выражением и служащего стимулом для положительной или отрицательной эмоциональной реакции реципиента, поскольку любой образ (или равноценное ему по функции средство) воздействует на эмоциональную сферу человека...» [Человеческий фактор..., 1991, с. 7]. Это определение представляется нам наиболее полным и соответствующим рассматриваемому материалу.¹² В данном определении, на наш взгляд, присутствуют основные характеристики экспрессивности: во-первых, использование в речи выразительно-изобразительных средств языка; а во-вторых, актуализация ассоциативно-образного представления аудитории, возбуждение в ней эмоций¹³ для достижения прагматической цели.

Кроме этого, на наш взгляд, особенно важен следующий момент. В.Н. Телия пишет: «в тексте интегрируются все средства, способные создавать эффект экспрессивности...» [Телия, 1998, с. 638]. Но на данном этапе анализа текст разделяется на элементы, являющиеся разными ораторскими масками, следовательно, для нас будет верным несколько иное утверждение: в каждой использованной ораторской маске интегрируются все средства, способные создавать эффект «чужой речи», уместной в ситуации суда.

---

¹² В различных работах представлены точки зрения на экспрессивность, объединенные в данном определении. Так в «Стилистике французского языка» Ш. Балли экспрессивность представлена в основном как эмоциональная окраска, интенсивность, употребление в речи тропов, образов. И.В. Арнольд обращает внимание на коннотативные значения, выражение эмоций и отношения, тропы и фигуры, образы. Е.М. Галкина-Федорук рассматривает в качестве экспрессивных средств выразительность и изобразительность, эмоциональность, а ее последователи, Т.Г. Хазагерев и Л.С. Ширина, только усиленные выразительность и изобразительность.

¹³ Сергеич пишет: «недостаточно, чтобы слушатели понимали речь оратора; надо, чтобы она подчиняла их себе. На пути к этой конечной цели лежат три задачи: *пленишь, докажешь, убедишь. Всему этому служат цветы красноречия*» [Сергеич, 1999, с. 48].

Необходимо также отметить следующий момент. Ораторская маска сама по себе обладает значимостью в силу своей социальности. Она сама по себе экспрессивна за счет использования «... национально-культурных символов и стереотипов как эталонов «хороших» или «плохих» свойств (аксиологический аспект) и как представлений, вызывающих положительные либо отрицательные эмоциональные реакции (эмотивный аспект)» [Человеческий фактор..., 1991, с. 18]. Упоминание судебным оратором в речах общественных ценностей – это, с одной стороны, апелляция к «общей памяти» аудитории и, с другой стороны, влияние на образ аудитории. «Экспрессивность – это результат такого прагматического употребления языка основная цель которого – выражение эмоционально воздействующего отношения субъекта речи к обозначаемому и «заражение» этим отношением адресата» [там же, с. 35].

Ораторская маска – это результат «игры» оратора с культурными, общественными ценностями, отраженными в языке. Это игра с языком, и поэтому субъективность и экспрессивность настолько же игровые. При использовании маски оратором «создается та игра стилем, когда стилизованные экспрессивные формы уже перестают быть отображением действительной субъективности, становятся квази-экспрессивными, и вступают, как символизированные знаки ... под стилизованными символическими формами экспрессия субъекта становится квази-субъектом ... и если соответствующие разницы и различия не характеризуют субъекта - лица, имярека, то они непременно говорят о субъекте коллективном, народе, исторической эпохе, и т.д., и об их субъективном лике» [Шпет, 1996, с. 251 – 252]. В этом смысле ораторская маска субъективна, так как каждая из них говорит о «субъекте коллективном». Используя маску, судебный оратор включается в коллектив, отождествляется с ним и тем самым включается в аудиторию, в ее коллективное сознание.

Таким образом, ораторская маска предстает перед нами «индивидом», обладающим коллективной, знаковой субъективностью и экспрессивностью.

Ораторская маска включает в себя различные средства экспрессивности. Экспрессивностью мы будем считать: любую маркированность, «выделимость знака на фоне более нейтрального окружения» [Человеческий фактор..., 1991, с. 195]; символическую нагруженность знака; образность; эмотивность. Языковое выражение ораторской маски содержит в себе два рода экспрессивности: индивидуальный, отражающий личность автора, создающего речь, и коллективный, отражающий знания субъекта коллективного.

Таким образом, лингвистический аспект существования ораторской маски позволяет выделить следующие ее особенности. Ораторская маска – тематико-стилистическое единство, характеризующееся использованием определенного языка-стиля. Кроме того, она представляется явлением социальным по отношению к личности говорящего, она представляет собой модель поведения, сформировавшуюся в обществе в определенный период времени, за счет этого она узнается, и коллектив признает ее значимость. Экспрессивность языка ораторской маски также носит коллективный характер.

1.2. Культурологическая составляющая лингвориторического исследования ораторской маски.

1.2.1. Маска в семиотике культуры.

Одной из важнейших характеристик маски является ее социальность, обусловленность культурой общества. Она зарождается, развивается, живет и умирает в культуре и проявляется прежде всего в текстах, порожденных ею. Традиционно проблемы текста и культуры тесно взаимосвязаны: «культура воплощается в текстах, она в них опредмечивается. Но вместе с тем культура выходит за пределы совокупности или даже системы текстов и растворяется в социуме» [Мурзин, Штерн, 1991, с. 10].

Маски проявляются в обществе как типы поведения людей в коллективе. Социальная роль, на наш взгляд, является одной из возможных основ формирования ораторской маски.

Социальная роль – это «общественно санкционированные способы реализации социальных функций личности» [Еникеев, Кочетков, 1997, с.181]. Различаются несколько типов социальных ролей. Во-первых, это «институциональные – закрепленные правовыми актами, четко регламентируемые» [там же, с. 181]. Во-вторых, межличностный тип – это «роль человека в различных неформальных межличностных взаимосвязях» [Еникеев, Кочетков, 1997, с.181]. В-третьих, это «конвенциональные – роли неформальные, но выполняемые по общественным правилам» [там же, с.181]. На основе этих типов появляются маски, существующие в сознании коллектива. Такова, например, ораторская маска «проповедника». Она основывается на признании роли проповедника в обществе, которая не является институциональной, так как функции «проповедника» закреплены не правовыми актами, а «неписаным законом».¹⁴

«Социальный статус – соотносительная позиция индивида или группы в социальной системе» [Немировский, 1989, с.39], то есть статус зависит от социальной роли и связан с ней напрямую,¹⁵ это оценка «себя», «своей роли» в обществе. «Человек может иметь статус только по отношению к другим, которые признают его место и обращаются с ним определенным образом» [Шибутани, 1998, с.185]. В ситуации суда к слову адвоката судьи прислушиваются благодаря наличию роли, слово адвоката значимо только в суде. Социальная роль «адвокат» дает право слова оратору в суде, а социальный статус дает право на аудиторию, право быть услышанным.

Иной основой для формирования ораторской маски могут являться типические персонажи художественных произведений (например: тип «лишнего человека», «маленького человека» и др.). Она всегда - ценностная позиция, точка зрения. Возможен и другой путь ее распространения как модели поведения, например: мода на литературный персонаж или на образ

---

¹⁴ Мы рассматриваем самое общее понимание социальной роли. См. также аналогичные концепции, представленные в работах А.Т.Асмолова, Д.Майорса, Т.Шибутани, Г.М.Андреевой, Н.Н.Богомоловой, Л.А.Петровской и др.

¹⁵ «В основе социального статуса лежит социальная принадлежность человека: его профессия, уровень образования, национальность, должность и т.д.» [Немировский, 1989, с.39].

киногероя. Если маска прочно освоилась в культуре, то признается ее носителями как ценность.

Оратору, произносящему защитительную речь, для «узнавания» его маски аудиторией необходимо создать ее знакомой, такой, чтобы слово ее было значимо, весомо. Узнавание обусловлено «культурной компетенцией» аудитории и отдельного индивида. Здесь мы имеем ввиду (по аналогии с языковой компетенцией)¹⁶ знание норм поведения, ценностей, символов и типических характеров, значимых в данной культуре, и умение выстраивать свое поведение в соответствии с ними.

В этом аспекте интересно наблюдение М.Ю. Лотмана о театрализации жизни в 18 - 19 в.в.: «Подобно театральному амплуа – некоторому инварианту типичных ролей, - человек XVIII в. выбирал себе определенный тип поведения, упрощавший и возводивший к некоему идеалу его реальное, бытовое существование... ориентация... становилась программой поведения... маска-амплуа являлась тем сюжетным стержнем, на который нанизывались все новые и новые эпизоды... биографии» [Лотман, 1992, с.258-259]. Замечание исследователя относится к сфере повседневной жизни, а значит речь идет о такой маске, которую можно приравнять к имиджу, престижной модели поведения в культуре, которую субъект заимствует сложившейся. Судебный оратор не может использовать такую модель постоянно и полностью, иначе он станет предсказуем¹⁷. Но ему возможно применять речевой аспект поведения этого типа как один из вариантов рассмотрения дела в суде. Ораторская маска выступает как средство достижения цели в определенной ситуации.

Изменение «маски» происходит вследствие изменений культуры, отражающихся на всех частных «языках» культуры. «Одновременно во всем пространстве семиозиса – от социальных, возрастных и прочих жаргонов до моды – также происходит постоянное обновление кодов. Таким образом,

---

¹⁶ «К собственно языковой компетенции можно, видимо, отнести знание формальных языковых структур и операций с ними» (Человеческий фактор в языке, с.37).

¹⁷ Ситуация в данном случае аналогична представлению об ораторской маске как имидже. См. п. 1.1.4. данной работы.

любой отдельный язык оказывается погруженным в некоторое семиотическое пространство, и только в силу взаимодействия с этим пространством он способен функционировать» [Лотман, 1999, с.165]. Языки-стили маски, используемые судебным оратором, выделяются за счет своей ограниченности в пространстве знаками, относящими их к социальному типу. Выделяемость маски строится на закреплённости слов за определённым социальным типом, ситуацией; в речи маски слово - знак-символ, оно несёт не только лексическое значение, а вдобавок к этому ещё и сигнализирует об определённом пространстве, в котором используется. Оно «включает» контекст своего типичного употребления: «Слово – как бы «сценарий» некоторого события» [Волошинов, 1995, с. 19].

Маска - это совокупность качеств, свойственных ей одной, отражение этих качеств в речи выделяется определёнными маркерами, так проводится граница и определяется её пространство в тексте¹⁸. Оно всегда маркировано и выделено за счёт соположения других масок.

Ораторская маска как язык-стиль складывается под влиянием двух факторов: «...во-первых, в случае, когда одно и то же семантическое содержание, можно выразить по крайней мере двумя различными способами, а во-вторых, когда каждый из этих способов активизирует воспоминание об определённой замкнутой и иерархически связанной группе знаков... риторический эффект возникает при столкновении знаков, относящихся к различным регистрам и, тем самым, ведёт к структурному обновлению чувства границы между замкнутыми в себе мирами знаков» [Лотман, 1999, с.69]. Стиль маски определяет её текстовую границу и соотносится с определёнными воспоминаниями для слушающего – эта группа знаков встречалась уже в жизни и не раз («Что-то подобное я уже слышал!»). Некоторые из существующих «миров знаков» соотносится с определённой

---

¹⁸ «Самые общие социальные, религиозные, политические, нравственные модели мира, при помощи которых человек на разных этапах своей духовной истории осмысляет окружающую его жизнь, оказываются неизменно наделёнными пространственными характеристиками» (Лотман, 1970, с.267). Так, маска может формироваться на основных, схожих для определённой группы людей моделях мира, становится пространством в сознании, переходящим при реализации в текст.

речевой маской, функционирующей в определенной ситуации. «Во внехудожественной коммуникации выбор стилового регистра определяется суммой прагматических отношений, свойственных реально данному типу общения» [Лотман, 1999, с.70].

Н.Д. Арутюнова в статье «Фактор адресата» отмечает, что говорящий в ситуации является, как правило, «как личность «параметризованная», выявляющая ... одну из своих социальных функций. Иногда сами говорящие эксплицируют свое речевое амплуа, облегчая этим задачу правильного истолкования их речевого поступка: *Я говорю тебе это как друг*» [Арутюнова, 1981, с. 375]. В приведенном Н.Д. Арутюновой примере лексема «*друг*» представляет собой выражение позиции говорящего, его роли, в которой он выступает в данный момент. На наш взгляд, автор данного высказывания максимально эксплицирует свою маску, придавая тем самым дополнительный вес своим словам, ведь «друг» плохого не скажет, не посоветует. «Адресат, как и говорящий, вступает в коммуникацию ... в определенном своем аспекте, амплуа или функции, соответствующем аспекту говорящего» [там же, с. 357-358]. Таким образом, автор высказывания как бы настраивает адресата на «свою» волну, они оба характеризуются одинаковой или парной функцией. Именно на этом строится эффект ораторской маски. Для достижения цели оратор выбирает все нужные и уместные маски (языки-стили). В аудитории при восприятии речи со сменой маски оратора необходимо должен изменяться и «язык восприятия», то есть с появлением новых знаков пространства в сознании слушающего начинается его включение посредством ассоциативного ряда или типичности ситуации. Судебный оратор в маске может беспрепятственно использовать ее пространство. Слушающий, отождествляя его с маской и признавая ее ценностью, допускает тем самым и возможность самому использовать ее же и последовать в ее пространство, а следовательно, и посмотреть на дело «глазами маски». Он допускает ее точку зрения. Если же

слушающий не идет сам в это пространство, то оратор описывает то, что там видит сам, вернее то, как ему видится дело с позиций маски.

На границе между ораторскими масками происходит «столкновение в пределах одной структуры (текста. – Е.К.) различных семиотических языков» [Лотман, 1999, с.78], каждый из них, как уже было отмечено, актуализирует существующее в сознании аудитории свое знаковое пространство, и они, встречаясь в тексте, сталкиваются в сознании индивида. Каждое такое пространство приобретает культурную значимость, актуализирует контекст своего типичного употребления. Каждый такой язык является частью семиосферы,¹⁹ в пространстве которой теснятся частные языки, языки, способные обслуживать лишь отдельные функции культуры [Лотман, 1999]. Речь, составленная из масок, как пространство, сотканное из разных языков, она сама становится семиосферой. «Во всякую живую культуру «встроен» механизм умножения ее языков ... состав языков, входящих в активное культурное поле, постоянно меняется...» [Лотман, 1999, с.164-165]. Отражение этой динамики и изменений выявляется в текстах данной культуры, которые представляют собой, на наш взгляд, синхронный срез семиосферы, здесь отображается столкновение разных языков [Лотман, 1999, с.168].

Ораторская маска - это синтез культурного и языкового полей, существующий наравне с другими, занимающий определенное значимое место семиосфере. Речь, сложная структура, являясь вербальным текстом, представлена линейно и последовательно, объемность её создается за счет наложения системы значений: символичности слов, семантики конструкций. Речь выходит на уровень культуры, речевых моделей, известных большому числу её носителей, сохраняясь, текст становится её представителем (репрезентирует синхронный срез семиосферы).

---

¹⁹ Семиосфера – это «все присущее данной культуре семиотическое пространство» [Лотман, 1999, с. 165].

Кроме этого, объемность текста судебной защитительной речи создается за счет соположения в ней образов оратора и аудитории. Оратор, произносящий её, преследует цель оправдания подсудимого, как следствие этого она должна воздействовать на активность аудитории, что происходит, отчасти, благодаря целостности образа оратора; и кроме этого, «взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Он как бы включает в себя образ «своей» идеальной аудитории, аудитория – «своего текста» [Лотман, 1999, с.87]. В этих взаимоотношениях ведущую роль играет автор текста (оратор). Согласимся с Ю.М. Лотманом в том, что образ идеальной аудитории, который автором закладывается в текст, задается типом памяти.²⁰ Рассматривая судебную защитительную речь, необходимо обратить внимание на этот аспект.

Существует два общих для аудитории и текста слоя памяти. Первый, обращенный «к абстрактному адресату... свойственный любому носителю данного языка» [Лотман, 1992, с.161-162]. Это тот объем памяти, который характерен для любого носителя данной культуры. Этот тип памяти лишен индивидуальных черт, абстрактен, включает в себя некоторый несократимый минимум культурной памяти [Лотман, 1999, с.87]. К нему обращены маски, обусловленные культурой, ее ценностями. В.Н. Волошинов, описывая тот же феномен, вводит две его основные характеристики: «... тот единый кругозор, на который опирается высказывание, может рассматриваться в пространстве и во времени: бывает «подразумеваемое» семьи, рода, нации, класса, дней, лет и целых эпох» [Волошинов, 1995, с.15]. Характеристики пространства и времени очень важны, так как они определяют в некоторой степени «уникальность» представления и восприятия конкретной реализации маски. Совокупность памяти общекультурной и конкретной ситуативной – второй

---

²⁰ Ю.М. Лотман утверждает: «общение с собеседником возможно лишь при наличии некоторой общей с ним памяти» [Лотман, 1999, с.87].

тип памяти, по Ю.М. Лотману, «обращенный к лично знакомому адресату» [там же, с.88]. В ситуации суда оратор лично не знаком с составом суда, но он может апеллировать к памяти, полученной в ситуации суда, то есть в этом случае так же функционален намек, как «средство актуализации памяти» [там же, с.88] и отсылка к сказанному другими участниками суда. Здесь речь идет о коллективной памяти данной социальной группы присяжных заседателей или судей, эта память формируется в ходе слушания дела и одинакова для всех участников разбирательства, «чем дольше происходит общение, тем все менее неопределенными становятся для нас высказывания партнеров» [Демьянков, 1981, с. 372] .

Воздействие на аудиторию оказывает образ аудитории, создаваемый в тексте сменой типов памяти. Текст выстраивает свою аудиторию, включая ее в путешествие по разным пространствам масок, уровням культуры, заданным коллективной памятью. «Со своей стороны и образ аудитории, поскольку он не эксплицирован, а лишь содержится в тексте как некоторая мерцающая позиция, поддается варьированию» [Лотман, 1999, с.88] в том числе и за счет учета реальной аудитории²¹.

Итак, взаимодействие аудитории и текста основывается на корректировке того и другого в зависимости от ситуации. Язык ораторской маски – это один из языков-стилей, существующих в культуре, отграниченный от других маркерами, за счет которых формируется семиотическое пространство маски. Речь представляется соположением таких пространств, по которым оратор-адвокат проводит аудиторию. Сформировавшаяся в культуре маска, представляет ценность для носителей

---

²¹ В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» адвокат Мити потому, на наш взгляд, проиграл дело, что, с одной стороны, не был достаточно компетентным в культуре городка Скотопригоньевска и слишком самонадеянно решил «проповедовать» крайне либеральные идеи, которые были бы приняты в столице, но не в глухой провинции, и, с другой стороны, не учел аудитории, не скорректировал в ходе речи ее образа и обращался опять-таки к просвещенным либеральным жителям столицы, а не к купцам-провинциалам, отцам многочисленных семейств. То есть образ, который адвокат Мити Фетюкович создал для аудитории, не мог быть ею принят даже частично, т.к. основная социальная характеристика присяжных в той ситуации – купечество, а это один из самых косных слоев дореволюционной России, принципиально чуждый либерализму.

данной культуры и только поэтому эффективна, она узнается и признается за счет «культурной компетенции» состава суда.

1.2.2. Маска в театрологии.

Обращение к театру обусловлено недостаточной разработанностью проблемы маски в других отраслях знания. «Театральные» метафоры и сравнения при описании образа оратора и ораторской маски присутствуют в работах В.В. Виноградова, Ю.М. Лотмана, Ю.В. Рождественского и др.

В данной работе, рассматривая маску в традиционных театрах Японии, Китая, Греции, Италии, Бирмы и страны древних кхмеров, мы вслед за исследователями театра выделим два аспекта рассмотрения маски. Во-первых, маска рассматривается как одно из средств создания *цельного* образа героя; во-вторых, рассматривается маска и ее «магические» свойства и функции. Нужно отметить, что первый аспект разработан более полно и последовательно, а второй – эпизодически, как обмолвка «кстати».

Рассмотрим первый аспект. Традиционный театр возникает, как правило, либо из ритуалов и богослужений, основанных на мифах и легендах данной культуры, либо из сценок бытового содержания, разыгрываемых в народе непрофессиональными актерами. Таким образом, формируется две формы театра: аристократический и народный, высокий и низкий, религиозного и бытового содержания. Тематика представлений задает ряд действующих лиц – ампуа - для первого вида театра это боги, герои, демоны; а для второго это простые люди с их мелкими бытовыми проблемами, героями здесь являются молодая красавица, ее возлюбленный, старуха, отец девушки и др. Отсюда проистекает статичность маски, то есть ее неизменность в ходе действия. Религиозный театр представляет легенду, герой – канонический образ, принципиально не развивающийся. В низком, народном театре (в том числе и в комедии дель арте) актер надевает маску раз и навсегда, и она необходимо статична, потому что это качество

позволяет актеру импровизировать в рамках данной маски.²² В комедии дель арте «маска – это образ актера, который он принимает раз и навсегда и в котором он воплощает свою артистическую индивидуальность. Это – ключ, в котором актер ведет мелодию своей роли» [Дживилегов, 1962, с.99]. Маска становится амплуа, которым живет актер. Текст пьесы не написан, есть «только сценарий, то есть сам остов пьесы» [там же, с.101]. Актер знает свою маску и импровизирует, исходя из ее свойств и качеств.

Образ персонажа создается совокупностью средств: костюм, включающий парик, маску или грим, аксессуары, движения или танец, жесты, речь. По совокупности этих факторов зритель получает информацию о герое [А.Д. Бурман, И.Б. Марунова, М. Гунзи, И.В. Гайда и др.].

Маска в театре является двойственной. С одной стороны, она обладает определенными качествами сама по себе, надеваящий ее вбирает эти качества – отсюда поклонение маске, ее одушевление, но здесь же она выступает как набор качеств застывший, не меняющийся (как в восточном театре, так и в европейском) и в этом смысле маска статична, мертва.

Рассматривая второй аспект (маска и ее «магические» свойства и функции), нужно обратиться к истории возникновения маски. Маска изначально использовалась в целях преобразования. Человек надевал шкуру и маску животного в целях маскировки, позже «охотник становится, убежден в том, что, надев шкуру и маску тотема, он в действительности становится изображаемым животным» [Авдеев, 1959, с.75]. Человеческие же маски появляются позже, только со становлением культа предков. Здесь уже осуществляется переодевание в предка, причем «человеческий череп олицетворяет собою самого человека... в некоторых случаях череп водружают на голову потомка, тем самым превращая его в предка... надевший маску ... всегда заявлял: «Я теперь умерший такой – то» [там же, с.94 –95]. То есть, маска позволяет перевоплощаться, становиться другим, за

---

²² Также обстоит дело с литературными и ораторскими масками: «характеры», «типы» ... и суть маски, резко определенные, не испытывающие никаких «переломов» или «развитий» (Гынянов, 1977, с. 204); как только маска начинает изменяться появляется герой, личность.

счет смены «лица» своего на чужое. Употребление черепа в качестве маски заменилось постепенно на маску закрывающую лицо и имитирующую черты лица предка. Причем маска напрямую ассоциируется с человеком. Это подтверждает тот факт, что «слово «маска» в языке не существует; чаще всего каждая маска, в отдельности взятая, имеет и отдельное наименование, в зависимости от того, кого она изображает» [Авдеев, 1959, с.96].

При формировании понятия «маска» выделяется значение «чужое, фальшивое лицо» [там же, с.98], но так или иначе «маска обладает душой, и надевший ее приобретает силу и знание маски», ее души. Надевший маску не является самим собой, он становится вместилищем духа маски. Так маска в театре Но выступает как средство перевоплощения: «Маска Но - это уже не двойник, не личина, а лицо персонажа» [Апарина, 1984, с.122].

Но кроме этого считалось, что маска могла влиять и на самого актера. Так в кхмерском «танцовщик, надевший маску злого персонажа, «вобрал» в себя его отрицательные качества» [Марунова, 1980, с.85], после исполнения такой роли проводился обряд очищения. Перед началом спектакля к маскам обращались за помощью, «вдыхали в них жизнь», что еще раз подчеркивает отношение к маске, как к одушевленному предмету [там же, с.88]²³.

Надевший маску сменил лицо, его теперь не узнают, ответственность за поступки слагается на маску. С этой целью носили маски актеры, игравшие богов и демонов. Так, в традиции проведения святок на Руси существовал обряд ряжения. «Древний смысл ряжения – магическое воздействие словом и поведением на сохранение, восстановление и увеличение жизненных плодородных сил людей и животных, природы» [Народный театр, 1991, с. 8]. Ряженым в праздничные дни позволялись различные «шалости», невозможные вне праздника иногда граничащие с хулиганством. Не переходить же последнюю границу «дозволенного» помогала культурная компетенция ряженных (погруженность в культуру). Все это позволялось, потому что «... надеть маску – значит надеть личину черта» [Святки, 1997,

---

²³ В японском театре Но маска становилась оберегом труппы или театральной династии.

с.8], то есть приобщиться к нечистой силе, стать на время воплощением ее на земле. «... Надевать на лицо «чертову рожу», «харю» считалось тяжелым грехом» [там же, с.8]. После проведения обрядов с участием ряженых для очищения от греха бывшие ряжеными купались в проруби. Отсюда можно сделать вывод: через маску приобретаются набор определенных качеств и своеобразная маскировка. «... Маска является прежде всего не тем, что она изображает, но тем, что она трансформирует, - иначе говоря, *выбирает изображать*» [Леви-Стросс, 2000, с. 94].

Итак, речь, костюм, парик, маска (грим и украшения) создают цельный образ и предстают как элементы, из которых он складывается. При изображении человеческих персонажей маска как совокупность костюма, парика и т.д. носит, с одной стороны, функцию социальной характеристики персонажа, с другой стороны, маска как грим, как то, что закрывает лицо актера, эмоционально характеризует персонаж. Маска является средством перевоплощения в персонаж, обладает магической силой, влияет на ее носителя. Она, скрывая лицо, позволяет выдавать себя за другого. «Маска связана с радостью смен и перевоплощений..., с переходом, метаморфозами, нарушением естественных границ» [Бахтин, 1990, с.48].

Маска оратора, как и театральная, используется с целями: маскировки, то есть она закрывает реальное «лицо» оратора, его позицию, личное отношение, позволяя фальшь и «игру совестью»; перевоплощения, и в этом позволяет оратору вставать на разные точки зрения, использовать «чужое» слово для достижения своей цели, расширяя круг тем для обсуждения; отождествления себя с другим, «перевоплотившись» в другого, оратор отождествляется аудиторией с другим, то есть слушающие отождествляют оратора с его маской. Маска судебного оратора позволяет сказать то, что не может говорить защитник, используя ее, оратор расширяет себе поле, которое можно привлечь к рассмотрению данного дела, то есть посмотреть на дело «другими глазами», с другой точки зрения, с позиции «другого». В этом случае маска позволяет говорить не по сути дела, а по поводу,

затрагивать более широкий социально-культурный контекст. Выбирая тип, являющийся социальным характером, оратор тем самым выбирает тему речи, то есть маска используется, как способ сказать то, о чем судебному оратору, защитнику говорить неуместно или не позволено.

1.2.3. «Жизнь» маски в культуре.

Вопрос о том, что следует понимать под жизнью, когда мы говорим о языке, принадлежит Ш. Балли. В его работах язык рассматривается в его соотношении с действительностью, в функциональном, действенном аспекте. «Речь также отражает, и это разумеется само собой, позитивную сторону жизни, ее стремление к некоей цели, ее напряжение, ее постоянную потребность осуществить эту цель. Это обусловило еще одно качество спонтанной речи, ее *активный* характер, то есть стремление служить действию. Речь становится тогда оружием в сражении: нужно навязать свою мысль другим – убедить, упросить, приказать, запретить; иногда же речь отступает и уступает: надо осторожно обращаться с собеседником, отвести его атаку, попытаться добиться расположения или выразить ему свое уважение, свое восхищение» [Балли, 2003, с. 31]. В понимании Ш. Балли жизни языка актуально восприятие ее не жизни как таковой, в ее биологическом смысле, но как воли к жизни, в ее жизненном смысле, заключенном в нас самих [Балли, 2003, с. 27].

Для более полного раскрытия сущности ораторской маски необходимо обратиться к определению «жизни» в естественных науках, взяв за основу ее понимание в биологии. Рассматривая строгие термины биологии в метафорическом значении, посмотрим на маску через призму «жизни».

Считается, что «единство процесса жизни характеризуется двумя признаками, свойственные всем живым организмам: целостностью (структурный признак) и самовоспроизведением (динамический признак)» [Рыжков, 1962, с.131]. Основной характеристикой живого организма является то, что он представляет собой «...устойчивый замкнутый мир по отношению к среде и в то же время всецело элемент этой среды...» [там же, 1962, с.131].

«Сущность жизни определяет обмен веществ, который складывается из двух тесно связанных между собой процессов: ассимиляции, которая состоит в построении свойственных данному живому телу веществ из поступающей из внешней среды пищи, и диссимиляции, которая состоит в химическом расщеплении веществ живого тела с освобождением нужной для жизни энергии» [там же, 1962, с. 132]. «Кроме того, каждое живое тело проходит цикл индивидуального развития..., наблюдается смена форм» [там же, с.134]. «Жизнь известна только в форме отдельных живых тел - индивидов... живым организмам свойственна изменчивость в процессе развития и они отличны друг от друга как индивиды» [там же, 1962, с. 153].

Целостность процесса «жизни» маски основывается, с одной стороны, на целостности социального характера, типа, который она представляет, с другой стороны, самовоспроизведение маски как сохранение инварианта при отдельном проявлении маски. В речи это прежде всего узнавание речевой маски оратора. Тип, реализуясь, проявляется в культуре материально (как вариант), а его «семя», идея этого типа, сохраняется в культуре нематериально (как инвариант).

Ораторская маска устойчива и целостно–замкнута по отношению к речи, в которой она существует, но в то же время она - элемент этого текста. Маска проявляется за счет стиля, содержания и представления ценностной позиции, которые отличают ее от окружающей среды. Имея закрепленные качества, придающие ей определенную статику, тем не менее она более динамична, так как зависит от культурной ситуации и конкретной обстановки. Она жива, пока функциональна. В культуре постоянно зарождаются, живут и умирают маски, которые могут сформироваться, но не стать востребованными человеком.

Обмен веществ, определяющий суть «жизни» маски, представляется следующим образом: «пищей» для нее, поддерживающей существование,

является обращение к ней людей²⁴: с одной стороны, есть творческое усилие автора, воплотившего ее в языковой материал, с другой стороны, - усилия общества на формирование «идеи», социального характера, типа, который она представляет. Отсюда «берется» энергия, нужная для жизни. Реализация, «воплощение» закрепляет ее в данной культуре. «Потенциальная энергия интертекста складывается из суммы потенциальных энергий прототекста и автора, которые выступают в качестве источников энергии. Создание нового текста (метатекста) в терминах синергетики может быть описано как энергетический резонанс, возникающий между автором и прототекстами, в результате которого происходит спонтанный выброс энергии-материи, знаменующий рождение нового текста» [Кузьмина, 1999, с. 29]. В качестве прототекста судебной защитительной речи выступают тексты, с которыми она вступает в диалог: речь прокурора, реплики судей и других участников суда. Автором является адвокат–оратор, концентрирующий в момент ее произнесения весь свой творческий потенциал. Текст, поглощая энергию автора и прототекста, «ассимилирует» ее, и, присваивая, «диссимилирует», освобождая энергию нужную для жизни.

Маска зарождается в коллективном сознании общества, формируясь в культуре, маска основывается на ее ценностях, идеалах, моделях. Вернее из «набора» определенных ценностей, идеалов и моделей поведения складывается тип, социальный характер, который становится зерном, «семенем» маски. В этом ее положении она обретает устойчивость, но в этой устойчивости она не жива, она существует нематериально в культуре, в социальном сознании. «Семя – это извечный круговорот, свидетельствующий о нескончаемой череде рождений – умираний» [Святки, 1997, с.4]. Так мы будем понимать и потенциал маски: он настолько же активен, насколько

---

²⁴ Ср. у П.А. Флоренского: «Слои же семемы, ее последовательные оболочки, ее концентрические скорлуповатости образуются особыми творческими актами, каждым из которых полагается завершение некоторого духовного роста, иногда весьма продолжительного и, вообще говоря, переживаемого целым народом. Но отложенные слои семемы не пребывают в слове бездейственными, а скорее напоминают коловраток, засыхающих без воды и потом вновь набухающих и оживающих лишь прикоснутся к жидкой влаге, так и семема, раз созданная, участием многих поколений народа, пребывает, словно мертвой, пока слово не употребляется, но лишь оно попадает в поток живой речи, как семема его ожила и полна внутренней силы и значения». П.А. Флоренский «У водоразделов мысли». – т. 2, М.: Правда, 1990, с.448.

пассивен. Как семя проявится, если найдет почву, приобретет материальность в творчестве носителя культуры и станет жить, изменяя свои формы, но сохраняя в каждой из них изначальный инвариант, заложенный культурой.

Не проросшее, не проявившееся вовне семя маски гибнет, проявившееся, проросшее живет и умирает с гибелью породившей его культуры.

Черты «наследственности» и «изменчивости» различают реализации одной маски. Основывающиеся на одном типе, «вырастающие» из одного семени, но на разной почве, они отличаются выражением и разными языковыми средствами. Каждая реализация маски сохраняет «старые, исходные родительские структуры и функции в новом поколении; наследственность ограничивает возможности развития» [Югай, 1985, с.10]. Инвариант маски не позволяет ей развиваться в «другую», все её варианты сводятся к одной основе.

В ораторских масках можно выделить «врожденные» и «приобретенные» характеристики. К первым относится социальный тип, на основе которого она формируется, и, если существует, специфика языкового стиля (так, например, «проповедник», закрепленный в сознании общества, характеризуется обилием книжной лексики, метафор и оборотов, пафосом риторических вопросов и восклицаний; а стили «правоведа» и «фактолога» более нейтральны, приближены к письменной речи).

К «приобретенным» чертам маски можно отнести ее обусловленность ситуацией речи, темой речи, личностью оратора. Все то, что характеризует каждый отдельный вариант ораторской маски.

Таким образом, рассмотрев основные отличия живого от неживого, мы можем сказать, что маска двойственна, она жива в ее реализации, а в потенции, в состоянии семени, она и жива и не жива, она полностью зависит от того, найдется почва для развития или нет. Маска во многом зависит от

энергии творца, использующего маску, берущего ее из толщи культуры и энергии текстов, с которыми она вступает в диалог.

В культурологическом аспекте ораторская маска предстает социальным типом, репрезентирующим набор ценностных приоритетов, позицией, точкой зрения. Основой ее становления являются типы социальных ролей или типические образы, существующие в данной культуре. Функции маски в публичном выступлении – маскировка, перевоплощение, самоотождествление.

Выводы.

Ораторская маска представляется лингвориторическим и культурологическим феноменом. Она зарождается в культуре и существует в ее текстах. Судебно-защитительная речь за счет ее публичности является фактом, отражающим состояние культуры общества в определенный период времени.

Исконно существующая в риторике проблема «быть» или «казаться» оратору тесно связана с феноменом ораторской маски в силу того, что маска, на наш взгляд, является средством «казаться» для оратора. Авторы современных трудов по теории риторики, также как и древние теоретики, придерживаются позиции «казаться».

При рассмотрении ораторской маски в филологии выявились следующие принципиально важные черты: во-первых, это ее социальная обусловленность, соотнесенность с определенным периодом времени и типичность, во-вторых, из совокупности этих черт появляются узнаваемость и признаваемость ораторской маски в речи вообще и в судебной защитительной речи в частности.

Узнаваемость и признаваемость ораторской маски в речи обусловлена узнаваемостью и признаваемостью языка-стиля, использованного оратором, «чужого» слова, которые находятся во внутритекстовом и внутриситуативном диалоге одновременно. Ораторская маска представляет

собой в языковом плане тематико-стилистическое единство, появление которого мотивировано ситуацией, предметом и целью речи.

Ораторская маска является элементом при формировании образа оратора. Образ оратора из всех существующих в культуре масок отбирает в ситуации наиболее функциональные, наполняет их конкретным содержанием, выстраивает в речи, реализуясь тем самым в тексте. Образ оратора складывается из ораторских масок, его стиль определяется совокупностью языков-стилей масок. Образ оратора является, с одной стороны, энергией, организующей речь, а с другой стороны, результатом целостного восприятия речи. Понятия «образ оратора» и «ораторская маска» соотносятся в лингвистической литературе, описывающей личность говорящего, отраженную в тексте, с понятием языковая личность. Нам представляется наиболее адекватной следующая трактовка их соотношения: понятие ораторской маски целиком встраивается в структуру языковой личности на ее первом уровне, а образ оратора включается в нее, но за счет выхода своего во внеязыковую среду, ее превосходит.

Языковое воплощение ораторской маски основывается на экспрессивности двух видов общеязыковой и коллективной. Первая из них привносится в маску личностью оратора, вторая – диктует оратору свои условия, то есть является необходимой чертой ораторской маски, без которой маска не выделима в речи.

Культурно-семиотический аспект маски раскрывает ее знаково-символическую сторону. Ораторская маска предстает перед нами как знаковое пространство, отражающее определенный ценностный слой культуры. Судебный оратор, намечая такие поля в своей речи, «проводит» по ним аудиторию, опираясь на культурную компетенцию судей. Так, например, убеждение здесь строится на базе общей памяти собравшихся и соположения ценностных, культурно значимых рядов, которые содержит в себе маска.

Основой формирования ораторской маски являются, во-первых, различные типы социальных ролей и, во-вторых, типичные для данного

общества «персонажи» культуры. В зависимости от этого маски функционируют в различных ситуациях.

Через рассмотрение черт маски в театрологии формулируются цели использования ораторской маски. Маска, во-первых, может выступать как средство маскировки, то есть скрывать реальное лицо оратора. Во-вторых, маска используется с целью перевоплощения, позволяет оратору использовать «чужое» слово. Маска как средство отождествления себя с другим, для аудитории оратор и его маска одно и то же лицо. Использование ораторской маски в судебной защитительной речи позволяет адвокату говорить по поводу, а не по существу дела, выводить его на более общий уровень рассмотрения.

Говоря о маске, нельзя не сказать о ее активности, «жизни». В этом аспекте ораторская маска нам представляется в двух ипостасях. Во-первых, это «семя маски», создавшаяся в культуре речевая модель поведения, но еще не использованная в речи. И, во-вторых, реализация этой речевой модели в тексте речи с активным преобразованием текстового пространства.

Главной чертой, основной для формирования ораторской маски, является ее ценность в обществе, значимость в нем идеалов, носителем которых она является. Маска должна быть узнаваема и признаваема в обществе.

Во второй главе предполагается выделить основание для классификации масок, присутствующих в речах Ф.Н. Плевако, классифицировать их, и описать их типы.

Глава 2. Типы ораторских масок судебной защитительной речи.

Глава посвящена рассмотрению разных типов ораторских масок.

Целью главы является представление классификации ораторских масок. Для этого необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить критерии выделения ораторской маски, во-вторых, найти естественное основание для их классификации, в-третьих, описать типы ораторских масок.

Глава состоит из трех параграфов. В первом описаны теоретические принципы выделения ораторской маски: стиль, содержание и тип оценки, которую она несет. В двух других говорится об основаниях классификации и выделенных классах: об ораторских масках собственно юридических и общих для публичной речи.

2.1. Принципы выделения ораторских масок.

Одной из наиболее значимых в данной работе характеристик ораторской маски является то, что она представляет собой *стиль*. Выделенность ее, как правило, заключается в столкновении в рамках текста различных «стилистических регистров» [Ю.М. Лотман].

Каждая из масок самостоятельная позиция, что отражается в ее языке, она язык-стиль [В.В. Виноградов], свойственный говорящему в определенной ситуации общения, как носителю социальной роли, например, говорящий – юрист, следовательно, его речь будет охарактеризована как специальная юридическая разновидность официально-делового стиля.

Специфика языка судебной защитительной речи заключается в том, что адвокат использует различные стили, а не только официально-деловой. Вообще факт, попадая в сферу юриспруденции, претерпевает две «языковых» трансформаций. «Говорящий в каждом акте речи заново обобщает и организует данные конкретного опыта, ввиду чего один и тот же отрезок действительности может быть обозначен с помощью различных языковых форм» [Гак, 1998, с. 211]. Это связано с тем, что исходная позиция

субъекта-интерпретатора определяется прежде всего, на наш взгляд, наличием специальных знаний в какой-либо области и в том числе специального языка. Такая связь обозначает наличие модели речевого поведения в ситуации.

Для рассмотрения имеющейся проблемы наиболее значима, по нашему мнению, оппозиционная пара «юрист» - «неюрист». «Речевое поведение юристов определяется профессиональным мышлением, и в каждом тексте, созданном следователем (юристом. – Е.К.), так или иначе, отражается предметный, операционный и метаязыковой план их профессиональной речемышлительной деятельности. Речевое поведение неюристов основано главным образом на субъективных представлениях о праве и действии правовых предписаний. Речь непрофессионалов подвержена значительным ситуативным влияниям ...» [Губаева, 1994, с. 268]. Роль юриста заключается в приведении описания того или иного факта к определению, имеющемуся в своде законов, что предполагает исключение всего реально существующего многообразия ситуации и сведение ее к сути.

Аналогичный процесс, на наш взгляд, происходит и в языке. Языковое описание ситуации, предлагаемое неюристом, существует, как правило, на естественном языке, оно субъективно окрашено. При изложении той же ситуации юристом (например, в ходе протоколирования показаний) используется специфический язык, характеризующийся по словам В.Б. Исакова, простотой и надежностью грамматических конструкций, исключающих двусмысленность. Кроме того, «даже самые неординарные с моральной точки зрения события и факты юрист должен описать в нейтральных выражениях, не оказывая эмоционального давления и не раскрывая своей юридической оценки» [Исаков, 2000, с. 73]. В результате такого своеобразного «перевода» с естественного языка на юридический, из описания события исчезает все индивидуальное, реальная картина свертывается до минимума фактов, который далее интерпретируется сквозь призму юридических текстов и сводится к определению противоправного

деяния. Таким образом, из полноценного языкового описания ситуации и различных ее интерпретаций юрист создает ее формальное определение, лишенное каких-либо подробностей. Событие сводится к своеобразной точке, которая далее становится точкой отсчета.

В ходе судебного заседания из этой точки заново «разворачивается» событие с некоторой совокупностью его интерпретаций (представляются позиции потерпевшего, подсудимого, свидетелей, экспертов и др.), причем как профессиональных, так и непрофессиональных, как людей заинтересованных в определенном решении, так и незаинтересованных. «Естественный язык вариативен. Каждая ситуация может быть описана различными способами» [Сергеев, 1987, с. 7], что и происходит в суде.

Кроме того, обвинитель и защитник, в ходе прений сторон, в речи могут изложить определенное количество точек зрения на рассматриваемое дело, представленных в виде ораторских масок, отбор которых определяется целевой установкой оратора. Перед судьями восстанавливается реальная картина происшествия, со множеством ее языковых описаний, с использованием различных стилей. Н.Н. Иванчикова пишет: «В языковом аспекте судебная речь характеризуется сочетанием стандартных и эмоционально-экспрессивных средств выражения, так как ее тематика предполагает употребление четких стандартных юридических формул и терминов; убеждающий же характер делает необходимым использование речевых средств воздействия, что создает экспрессивность» [Иванчикова, 1999, с. 62]. В этом смысле судебный оратор представляется носителем различных ораторских масок, которые характеризуются тем или иным языковым стилем.

Исследователи судебных речей к. XIX - XX в. Н.Г. Михайловская и В.В. Одинцов отмечают: «Речь судебного оратора строится на общекнижной основе, которая разнообразится экспрессивно-стилистическими вкраплениями иных стилей речи, главным образом стилистическими формами литературно-художественной речи» [Михайловская, Одинцов,

1981, с. 51]. Такое положение вещей объясняется спецификой суда присяжных заседателей и принципом состязательности сторон. Речь в таком случае должна быть яркой, хорошо запоминающейся, юридический язык этому не способствует, поскольку не знаком судьям. Оратор, выступая перед присяжными, должен говорить на их языке, становиться одним из них либо сделать речь максимально доступной для восприятия посредством использования экспрессивных средств.

Так, например, в речи по делу Севских крестьян, обвиняемых в участии в преступном скопище, ораторская маска «повествователя» представлена следующим фрагментом: «И я хочу просить вас, гг. судьи, позволить мне преобразиться в одного из подсудимых, стать между ними и говорить не за них, а от лица их, их думами и чувствами. Сами они не смогут этого: частью безучастные, не уразумевающие того, что происходит между ними, частью испуганные – они немые. Но внутри их гнездится одно чувство, чувство изумления самими собой: как это могло случиться, что они из мирного, терпеливого, судьбой забитого и вседозволенного люда вдруг превратились в бушующую, все уничтожающую толпу, чтобы через несколько дней опять превратиться в наивных, покорных, кающихся, добродушно отдающих все взятое мужиков? Они просят вас и себе и им самим объяснить эту непонятную для них муть, ослепившую их. Были они, как вы знаете, не день, не год, а рядами поколений работниками, не покладавными рук; они были довольны экономией, где они работали; они не имели обид от нее и не частили своими жалобами у судей и у земских начальников; они не искали у судьбы большого, умеряя свои потребности почти до невозможного минимума удовлетворений». Адвокат создает яркую характеристику подсудимых с позиции защиты: они «безучастные», «испуганные», «не уразумевающие». При описании подсудимых оратор использует прием градации: «из *мирного, терпеливого, судьбой забитого и вседозволенного люда*», нагнетается сема «спокойствия, покорности», которая противопоставляется «бушующей, все уничтожающей толпе», с

актуализацией темы «буйства, уничтожения», что, в свою очередь, противостоит следующей градации: «опять превратиться в *наивных, покорных, кающихся, добродушно отдающих все взятое мужиков*», где вновь актуализированы «спокойствие, покорность». Оратор представляет момент преступления «взрывом», после которого крестьяне вновь вернулись в нормальное состояние. Об этом же говорит и ряд наименований крестьян: «люди, толпа, мужики», где в первом и последнем названиях присутствует значение множественности, состоящей из единиц, тогда как «толпа» не членится, представляя собой целостность и несет семантику «неуправляемости, буйства». Адвокат в одном сложном предложении представляет аудитории всю историю подсудимых, подчеркивая тем самым ее простоту, традиционность уклада и жизненной позиции: «не день, не год, а рядами поколений».

Создавая картины жизни и преступления, оратор под маской «повествователя» использует факты, умело совмещая их с характеристикой и элементами психологического описания коллектива крестьян.

Оратор выстраивает также ряд наименований происшествия: «дурное дело» соотносится в речи с «тупым молчанием», «неправдой, выразившейся в беспорядках и хищениях», и наконец называется адвокатом «печальным и нежелательным явлением». Этот комплекс имен в речи противопоставляется адвокатом «правде», «чувству правды» и «уважению к закону», то есть наименования непосредственно преступления «преступное скопище» в тексте нет, а все варианты защитника сглажены, не похожи на юридические определения. Кроме того, оратор сопоставляет «закон» с «правдой», как с высшим законом, законом неписаным, и рассматривает в этом аспекте деяние подсудимых как «печальное и нежелательное явление».

Оратор под маской «повествователя» использует материалы дела, биографии подсудимых, за счет которых создает картину происшествия, для чего применяет разнообразные стилистические средства: градацию, антитезу, риторический вопрос. Синтаксис «повествователя» достаточно сложен: здесь

встречаются сложные предложения, деепричастные обороты, повторы, инверсии. Лексический состав разнообразен: присутствующая книжная лексика («потребности», «minimum'a удовлетворений») несколько «возвышает» общий тон фрагмента, существующего в рамках книжного стиля.

Ситуация суда, как правило не позволяет адвокату полностью исключить из речи термины и обороты юридического языка, они встречаются при квалификации деяния, совершенного подсудимым, когда защитник использует ораторскую маску «правоведа». Например, в речи по делу Горнштейна и других, обвиняемых в поджоге: «Здесь нет преступления, караемого ст. 1612 Уложения о наказаниях, - здесь наказание лежит в самом преступлении, как это имеет место при самоубийстве. В уголовном праве, - в той науке, которой мы руководствуемся, - такое преступление называется преступлением над негодным предметом». С одной стороны, оратор под маской «правоведа» ссылается на статью закона, использует специальную терминологию: «преступление караемое», «имеет место», «уголовное право», «преступление над негодным предметом», «самоубийство»; усложняет синтаксис предложения вставной конструкцией. С другой стороны, необходимо отметить, что применение этих средств выгодно дополняет содержание речи и высвечивает под иным углом зрения само преступление, поджог, которое сравнивается адвокатом с самоубийством и именуется «преступлением над негодным предметом». Это название при всей его терминологизированности в рамках риторического текста выступает едва ли не экспрессивным средством, поскольку «негодным предметом» именуется лесной склад.

Одним из критериев выделения ораторской маски является критерий стиля. В судебной защитительной речи оратор может использовать практически любой стиль, существующий в языке, от юридической разновидности официально-делового до литературно-художественного.

Ораторские маски можно рассматривать как фрагменты, несущие общую функцию в системе доказательства и вследствие этого имеющие тождественное наполнение, например, изложение фактов, юридическая оценка деяния и так далее. *Специфическое смысловое наполнение* - второй важный фактор при выделении маски в тексте.

Если рассматривать представленные в выступлениях Ф.Н. Плевако типы ораторских масок с этой точки зрения, то они делятся два класса. Одни – сугубо специальные, характерные для судебной защитительной речи; это «фактолог», «правовед», «защитник». Другие, общие для разных видов ораторской публичной речи: «проповедник», «гражданин», «повествователь», «обвинитель», две последние, на наш взгляд, важны собственно в защитительной речи, но их содержание по желанию оратора может быть изложено под другой маской, поэтому они по сути факультативны.

В судебной защитительной речи существуют необходимые для нее смысловые блоки. Так, адвокат должен представить суду изложение и оценку фактов, юридическую квалификацию происшествия, оспорить положения обвинения, дать характеристику подсудимому, то есть представить позицию защиты. Специальные ораторские маски помогают адвокату оформить это содержание так, чтобы аудитория, забыв на время, что все это защита, поверила правильности процессуальной позиции оратора.

Присутствие «проповедника» и «гражданина» в судебной защитительной речи мотивировано спецификой суда присяжных заседателей. Гласность процесса, состязательность сторон позволяют оратору в своей речи выводить рассматриваемое дело на высокий уровень обобщения, приводить в качестве аргументов тенденции развития общества или общественное мнение по какому-либо вопросу.

Под ораторской маской «фактолога» адвокат приводит или только напоминает аудитории факты дела. Вот эта маска в речи по делу Гилярова-Платонова и Дубенского, обвиняемых в диффамации: «Вот эти слова: «Если

пропорция натуральной повинности та же, то пристав получает два с половиной яйца с души, исправник полтора яйца и полицейское управление полтора»». Здесь оратор приводит цитату из статьи, подавшей повод к обвинению. В свете рассматриваемого дела это один из самых верных аргументов, потому что материал опубликован, факт неоспорим, делом обвинения и защиты является только интерпретация.

Собственно интерпретацией факта «занимается» «защитник». Под этой ораторской маской адвокат исследует факты, рисует картины происшествия или картины из жизни участников процесса с целью их характеристики. Например, в речи по делу М.Ц. Шидловской: «Свидетели первой супружеской жизни все в один голос говорят о скромности подсудимой. Связь Ковецкого с какой-то повивальной бабкой — факт. Факт и изгнание жены и попытка к разводу. Факт — побои и оставление жены и ребенка без всяких средств к существованию». Здесь оратор рисует картину жизни подсудимой и параллельно дает характеристику ее и ее первого мужа — Ковецкого. Картина их супружества статична, глаголы отсутствуют, в ситуации нет развития, действия, все это в прошлом, но это прошлое ужасно. Она — «скромная», он — состоит в некой «связи с повивальной бабкой», выгоняет ее, пытается добиться развода, оставляет ее и ребенка. Ковецкого негативно характеризует в данном случае не адвокат его бывшей жены, а его собственные поступки, также и Шидловскую называют «скромной» свидетели первой ее супружеской жизни. Оратор здесь не дает характеристик, он нарочито устраняется от этого и дает понять аудитории, что доверяет только фактам и показаниям третьих лиц.

Адвокат под маской «правоведа» занимается квалификацией события с точки зрения закона, поясняет его суть, интерпретирует определение, выдвинутое судом, объясняя его присяжным и т.п. Основная позиция, которую занимает здесь оратор, это позиция юриста. Например, в речи по делу о стачке рабочих на фабрике товарищества С. Морозова ораторская маска «правоведа» представлена следующим фрагментом: «Обратите

внимание на текст ст. 1358 и на соседку ее, на ст. 1359, сообразите отведенное им место в Уложении. Тогда не буду ли я прав, предложив следующий комментарий к закону, подлежащему применению по делу. Статья 1358 не ограничивает понятия стачки наличностью массового прекращения работ до срока, с целью повышения заработка; она требует, чтобы целью стачки, при данных условиях, было увеличение платы по договору, той платы, уменьшать которую, в свою очередь ст.1359 воспрещает хозяину. Речь идет о той плате, о которой, как об эквиваленте труда, говорят соответствующие статьи X тома и отделе о личном найме. Словом сказать, у стачки цель — увеличить до срока, вопреки договору и законам, ограждающим исполнение заключенных условий между работниками и работодателем, наемную плату». Это дело слушалось без участия присяжных заседателей, этим обуславливается специфичность данной маски. Оратор активно приводит и интерпретирует статьи Уложения о наказаниях, не приводя их полностью, а только ссылаясь на них, что возможно благодаря компетентности судей. Тем же фактом объясняется и сложность синтаксических конструкций, свойственная письменной речи. Адвокат находится среди равных – юристов и говорит с ними на их языке.

Ораторская маска «обвинитель» факультативна для судебной защитительной речи, хотя ее содержание также тесно связано с материалами дела. Данная маска применяется также для снижения образа истца, характеристики его или свидетеля как недобросовестного. Содержание ее, как правило, - показания участников судебного разбирательства. Например, в речи по делу Росковшенко и др., обвиняемых в подлоге векселей, это следующий фрагмент: «Росковшенко точно так же не извлекал выгоды из своих преступлений. Пользовались другие, - пользовались кредиторы, которые сознательно давали себя обманывать, чтобы только человеческую душу держать в залоге! Современные ростовщики, это - те пиявки, которые сосут вас; они хуже кредиторов Древнего Рима, бросавших своих должников в тюрьмы, физически мучивших их: наши ростовщики, это – те шейлоки,

которые за долг берут фунт человеческого мяса...». Собственно эта тирада защитника направлена против истцов по данному делу. Оратор создал воистину чудовищный образ кредиторов, нечестных уже по тому, что они «сознательно давали себя обманывать». Он осуждает также профессию и методы работы ростовщиков, сравнивая их с пиявками, пьющими человеческую кровь. Материалом для ораторской маски «обвинителя» в данном случае является общее знание о ростовщичестве. Такое снижение образа истца, служит для возвышения образа обвиняемого, для его оправдания. Так, адвокат старается вызвать жалость к своему подзащитному.

Ораторская маска «повествователя» содержит, главным образом, рассказ о жизни подсудимого, психологии его поступка, о собственно самом происшествии. Так, например, в речи по делу И.К. Чернобаева, обвиняемого в покушении на убийство студента С.Н. Батаровского, адвокат прямо заявляет, что событие, послужившее поводом к судебному разбирательству, и вся динамика его развития – «роман»: «Здесь нет героев, а просто в этом романе – трое несчастных, и весь вопрос в том, кто из них несчастнее». Далее оратор прослеживает ход событий, приведших к преступлению, описывает мотивы действий всех участников, дает им характеристики, осуждает. Иначе говоря, «повествователю» в данной речи подчинены маски «фактолога» и «обвинителя». Оратор объединяет все доступные и уместные материалы дела для «написания» своего романа и «описания» романа госпожи Чернобаевой и студента Батаровского.

Ораторские маски «гражданина» и «проповедника», наряду со специфическим содержанием, выделяются еще и за счет качественно иного уровня, на который выводят рассмотрение дела. Эти маски характерны для судебных речей конца 19 – начала 20 веков, потому что юристы-ораторы этого периода становились общественными деятелями.

Ораторская маска «гражданина» представляет в суде точку зрения прогрессивно настроенных людей или общественное мнение. Например, в речи по делу Севских крестьян: «Недавно окончились работы комиссии по

реформе крестьянских учреждений. Не было двух мнений ни у общества, ни у правительства: мелкие суды крестьянские были школой гражданского разврата, а не правосознания. Общественное мнение давно произносило свой приговор и о многих других, соприкасающихся с крестьянским бытом, учреждениях». Оратор приводит факт, о котором аудитория может не знать – это работа комиссии по реформе крестьянских учреждений; кроме того, он сообщает о мнении общества и правительства на этот счет, апеллирует к их авторитету. «Мелкие суды крестьянские были школой гражданского разврата, а не правосознания» - в этой фразе оратор сконцентрировал экспрессивные средства различных уровней языка: антитезу, в которой содержится резкое, уничижительное определение «крестьянских судов» – это «школа разврата», по контрасту с ним лексема «правосознание» приобретает, кроме книжной окраски за счет окружения новую, дополнительную выразительность. Эта фраза останется после прослушивания речи в сознании аудитории, за счет наличия в ней большого экспрессивного потенциала.

Ораторская маска «проповедника» обращена, как правило, к чувствам аудитории. Она несет в себе проповедь человеколюбия, милости к ближнему. Например, следующий фрагмент, представляющий ораторскую маску «проповедника» в речи по делу Севских крестьян: «Русские силы теперь гибнут массами. Будемте скупы на трату их, хотя бы в области правосудия. Оно еще требует жертв, алтари его, приспособленные к человеческому жертвоприношению, не убраны... Но закон дал вам, гг. судьи, широкое право на сокращение кары, на скупость в расходовании человеческой крови и слез. Поменьше их! Ведь за ними, за этими испуганными людьми, — десятки, живущие их трудами, будущие граждане страны. Не обездольте и этих и тех суровостью судейского слова и лишениями жизни». Адвокат расширяет рамки рассматриваемого дела за счет названия подсудимых, он использует расширенную в семантическом плане номинацию «русские силы». Это несет для аудитории, с одной стороны, семантику «родства», объединения по национальному признаку и в этом аспекте, возможно, вызовет жалость,

сострадание; с другой стороны, номинация «силы» может побудить аудиторию к нежеланию даром расходовать силы страны. Кроме того, здесь присутствуют призывы к судьям: он просит «сокращения кары, скупости в расходовании человеческой крови и слез, не обездольте ... суровостью судейского слова и лишениями жизни». Они свойственны только маске «проповедника», за которой скрывается защитник. В них содержатся книжные выражения, ассоциирующиеся в сознании аудитории с реальной проповедью священника. Поскольку русское общество того времени было в большинстве своем глубоко православным, книжная лексика и библейские метафоры, исконно принадлежащие церковному языку, были значимы для человека: ««правосудие» еще требует жертв, алтари его, приспособленные к человеческому жертвоприношению, не убраны; сокращение кары; не обездольте ... суровостью судейского слова». Под маской проповедника оратор воздействует на чувства аудитории, вызывая в ней жалость к подсудимым, сострадание к ним. Оратор здесь «проповедник», взывающий к состраданию и снисхождению.

Ораторские маски представлены в тексте фрагментами, которые характеризуются единством точки зрения на предмет, ценностной позицией, оценкой (с лингвистической точки зрения общим тоном, пафосом). Иными словами, маска – это такая позиция рассмотрения оратором дела, которая предполагает его определенную оценку и пафос ее выражения.

Проблема точек зрения в художественном произведении была исследована Б.А. Успенским. «Может прослеживаться определенная смена авторских позиций, соответственно можно говорить о различных оценочных точках зрения» [Успенский, 1970, с.17]. Такая смена позиций свойственна судебной защитительной речи. Оратор рассматривает дело с разных позиций: юриста - «правоведа», «фактолога», «защитника», «обвинителя», «повествователя»; и человека – «гражданина», «проповедника-гуманиста». Каждая из этих позиций представляет определенную оценку событий происшествия, в нашем случае актуальны юридическая и нравственная

(юриста или человека). П. Сергеич пишет: «Прежде всего судебный оратор обязан установить перед судьями, есть ли преступление в том, что было совершено, и какое именно. Это – уголовная задача» [Сергеич, 1999, с. 123], которая должна быть решена, по-мнению автора, прежде этической. Решать ее должен специалист – юрист в соответствии со своими знаниями в области права, это его основная функция в суде. Как неоднократно упоминалось, законное определение преступления - основная часть судебной речи. Маска «правоведа» представляет, на наш взгляд, наиболее рассудочную, логическую деятельность оратора, деятельность по квалификации противоправного действия.

Нравственная оценка - явление иного рода. В защитительной речи ее представление необходимо, поскольку «она в большинстве случаев только приближается в большей или меньшей степени к законной, а часто и прямо противоречит ей» [Сергеич, 1999, с. 125]. Оратор в суде присяжных становится нраво- и бытописателем своей эпохи, ведь всякое преступление, как правило, в той или иной степени, есть продукт действительности. Адвокату выгоднее выражать в речи оценку, «соответствующую высшему мировоззрению современного общества» [там же, с. 128], потому что он тем самым представляет позицию большинства, апеллируя таким образом к нему, и, кроме этого, он вызывает в слушающих лучшие, высшие чувства, то есть создает или трансформирует в нужную ему сторону образ аудитории.

Существует и другой «тип» нравственной оценки преступления. Оратор «может выступить перед судьями в качестве изобличителя распространенных заблуждений, предрассудков, косности или слепоты общества, идти против течения, отстаивать свои собственные, новые, неслыханные взгляды и убеждения» [там же, с. 129]. Оценка такого рода действует на аудиторию иначе, она, привлекая внимание в силу своей необычности, призывает согласиться, и тем самым стать на сторону прогресса, помочь осуществлению и становлению нового. Принимая такую оценку, слушающий характеризует себя как просвещенного человека, преобразователя общества, такая модель

поведения часто считается наиболее престижной в социуме. Сюда же, на наш взгляд, относится уничтожение оратором авторитета общественного мнения, таким образом он показывает, что большинство может ошибаться в оценке или часто менять ее.

Например, в речи по делу Е.Ф. Санко-Лешевича, обвиняемого в подстрекательстве к убийству Е.Ф. Шиманович, урожденной Санко-Лешевич: «Но что такое, господа, общественное мнение?.. Святейшему святых общественное мнение вчера провозглашало «Осанна», а на другой день уже – «Распни, распни его»!» Кажется, адвокат нашел самый сильный аргумент для уничтожения силы общественного мнения – распятие Иисуса Христа. Оратор подменяя понятие «общественное мнение» мнением толпы, что позволяет ему говорить о его непостоянности, стихийности его изменения.

Нравственную оценку деяния в судебной защитительной речи представляют ораторские маски «проповедника», «гражданина», «повествователя» и «обвинителя». «Повествователь», например, в речи по делу Чернобаева, обвиняемого в покушении на убийство студента С.Н. Батаровского, широко ее использует для снижения образа истца: «он не надевал ложной личины, той некрасивой маски, в которой щеголял доверитель гражданского истца с его подложными телеграммами и всякими уловками и ухищрениями. В этом отношении Чернобаев бесконечно перерос Батаровского. Он повел женщину в церковь, в семью, а ваш доверитель куда ее повел? В отдельный номер гостиницы! Как зову женщин после этого, вы сами, г. истец, знаете». Оратор с нравственных позиций сравнивает действия, которые прокурор ставит в вину подсудимому, с действиями пострадавшего, и в силу их невинности на фоне последних, снижает образ истца и авторитет обвинителя и обвинения в целом. Оценка осуществляется с общепризнанных, давно укрепившихся в обществе позиций, что повышает уровень доверия адвокату в аудитории, его позиция по данному вопросу едва ли не самая верная в глазах слушающих, потому что она всеми признана.

С нравственной оценкой напрямую связан пафос. Пафосом в данном случае мы считаем выражение чувства посредством языка и / или стремление оратора вызвать у слушающих эмоции, которые в риторике называют речевыми. «Речевая эмоция – это эмоция, которая наводится речью на аудиторию, в которую погружает аудиторию оратор, создавая речью вторую действительность» [Рождественский, 1999, с. 145]. В судебной защитительной речи адвокат должен быть очень осторожен в использовании пафоса: если его чувства покажутся слушающим искусственными, он станет смешон, если – навязчивыми и чрезмерными, - ему не поверят; оба указанные варианта ведут к провалу защиты.

П. Сергеич пишет: «... мне необходимо возбудить в вас *то настроение, которое в душе всякого нравственно развитого человека должно явиться отражением настоящего преступления*. Для этого надо изобразить им (слушателям. – Е.К.) такие факты, которые сами собой, без пояснения и увещания, должны зародить в них сострадание или негодование (выделено мной. – Е.К.)» [Сергеич, 1999, с. 280-281]. Автор здесь указал основу всего возможного судебного пафоса: чувство, которое выражает оратор, должно быть свойственно *«всякому нравственно развитому человеку»*, коллективность реакции на рассматриваемую ситуацию – залог успешного пафоса. Примером может служить представленный выше фрагмент защиты Чернобаева.

Для адвоката есть два пути выражения чувств в речи. «Он (оратор. – Е.К.) может прямо высказывать свои чувства и может делать вид, что старается заглушить их в себе или скрыть от слушателей» [Сергеич, 1999, с. 284]. Первый – требует широкого использования языковых средств эксперссивности. Так в указанном примере используются риторические вопрос и восклицание: «Он повел женщину в церковь, в семью, а ваш доверитель куда ее повел? В отдельный номер гостиницы!», средства более других повышающие общую тональность речи. Второй путь показать аудитории, что оратор сдерживает свои эмоции, скрывает их. Он как бы

доверяет слушающим самим пережить их или вызывает в них протест против спокойной оценки возмутительных фактов. Примером этого приема может служить ораторская маска «защитника» в речи по делу М.Ц. Шидловской. Адвокат приводит ряд фактов биографии подсудимой без всякой оценки: «Факт и изгнание жены и попытка к разводу. Факт — побои и оставление жены и ребенка без всяких средств к существованию». Он использует здесь «пафос фактов» [П. Сергеич, 1999], говоря о недостойном и жестоком обращении с женщиной и ребенком, оратор спокоен, не выражает никаких эмоций, никак не украшает факты языковыми средствами.

Итак, с точки зрения представляемой ораторской маской позиции, пафос и оценка целостны, едины. Это позволяет выделить каждую из них в речи.

Таким образом, по нашему мнению, критериями для выделения ораторских масок являются: *стиль, содержание и представление ей определенной социально-нравственной позиции*. Все они в сочетании являются моделью поведения и оценки, существующей в обществе в определенный период. Это единство предоставляет слушающему общение с его «современником» и в идеале единомышленником или интересным собеседником.

В рассмотренных речах Ф.Н. Плевако выделено семь типов ораторских масок: «фактолог», «правовед», «обвинитель», «защитник», «гражданин», «проповедник», «повествователь». Самым очевидным и естественным основанием при их классификации является, на наш взгляд, *критерий специфичности для судебной защитительной речи*. Все выделенные ораторские маски, таким образом, разделяются на два класса по сфере их бытования. Для первых – это публичная речь вообще («проповедник», «гражданин», «повествователь», «обвинитель»), для вторых – судебная речь («фактолог», «правовед», «защитник»). Такой подход позволяет более полно описать объект нашего исследования - судебную защитительную речь.

2.2. Специальные юридические ораторские маски.

2.2.1. Ораторская маска «фактолога».

Присутствие маски «фактолога» в судебной защитительной речи необходимо, потому что «прежде всего судебный оратор обязан установить перед судьями, есть ли преступление в том, что было совершено...» [Сергеич, 1999, с. 123]. Под этой маской адвокат приводит факты без их оценки, потому что она используется в речи, произнесенной в суде профессионалов. Им адвокат в наиболее простых с точки зрения интерпретации случаях может доверить оценку факта самого по себе, при некоторой его очевидности. Основная функция «фактолога» - изложение фактов, в качестве которых могут использоваться все выясненные, в ходе судебного разбирательства, обстоятельства или непосредственно улики.

Например, в деле Гилярова-Платонова и Дубеского, обвиняемых в диффамации, ораторская маска представлена следующим фрагментом: «Корреспонденция сообщает нам факт, в достоверности которого не может быть никакого сомнения, ибо он подтверждается документами, доказывающими, что сотские обходили селения и производили сборы частью деньгами, по полторы копейки и более с души, частью натурою, и именно яйцами». В качестве фактов здесь используются: материалы рассматриваемого дела и факты из судебного слушания. Адвокат сухо излагает факты, отмечая всякое сомнение и их достоверности. Эта маска появляется в начале основной части речи, и, следовательно, цель ее – представить бесспорную основу для всей защиты.

Кроме того, в той же речи адвокат еще раз использует ораторскую маску «фактолога»: «Если пропорция натуральной повинности та же, что в денежном сборе, то пристав получает два с половиной яйца с души, исправник полтора яйца и полицейское управление полтора». Это цитата из статьи, подавшей повод к обвинению ее автора в диффамации. Фактом в данном случае является улика, материальное свидетельство. Эта цитата приведена в начале рассмотрения адвокатом второй статьи, подавшей повод к обвинению во взяточестве истца по делу, то есть это опять же сильная позиция речи и защиты одновременно, поскольку данная улика бесспорная.

Стиль «фактолога» отличается определенной строгостью: сложные синтаксические конструкции, характерные для письменной речи, приближают его к юридической разновидности официально-делового языка. Во втором случае оратор вообще только зачитывает цитату из статьи, доводя, таким образом строгость маски «фактолога» до некоего абсолюта.

Итак, функция ораторской маски «фактолога» - приведение материалов дела. Во фрагментах такого рода отсутствует какая-либо оценка, оратора предстает строгим участником суда, он выбирает официально-деловой стиль. Цель использования этой ораторской маски – представление бесспорных фактов.

2.2.2. Ораторская маска «правоведа».

Ораторская маска «правоведа» основывается на специфике судебной защитительной речи и является неотъемлемой ее частью. «Оценка (деяния подсудимого. – Е.К.), то есть законное определение преступления, составляет чисто рассудочную деятельность в основании защиты лежит юридическая оценка события ...» [Сергеич, 1999, с. 124]. Цель «правоведа» - доказать состоятельность / несостоятельность обвинения по данной статье. Ораторская маска «правоведа» предстает в следующих разновидностях: закон интерпретируется с точки зрения самого закона; закон трактуется с позиций «здравого смысла»; закон толкуется с точки зрения общества. Основной функцией «правоведа» в судебной защитительной речи является анализ вменяемой по делу статьи.

«Образцовый» вариант ораторской маски «правоведа» представлен в речи по делу Гилярова-Платонова и Дубенского. Эта речь произнесена в суде профессионалов, где адвокат выстраивает свою речь на основаниях скорее логических, рациональных и может себе позволить уделить больше внимания рассмотрению собственно статьи, по которой судится его клиент; аудитории присяжных необходимо скорее объяснять суть закона и обращаться к здравому смыслу и эмоциям. «Когда обвинение бывает основано на 1039 и 1040 статьях, обвинитель и обвиняемый не пользуются

на суде равноправностью: жалующийся имеет право представлять всякого рода доказательств в подтверждение своего обвинения, подсудимый же обязан защищаться только письменными документами, следовательно, связан по рукам и по ногам. Высшая справедливость требует поэтому, чтобы центр, тяжести доказательств вполне был перенесен на обвинение; должно требовать от него, чтобы оно являлось на суд с неотразимыми доводами, — с такими доводами, которые с непреодолимою логикою доказывали бы виновность известного лица. Если вывод, на основании которого обвинительная власть строит свое обвинение, не обладает такою неотразимостью, которая исключает возможность всяких дальнейших предположений, словом, если этот вывод не есть единственный, — на что я указал в настоящем случае, — то, значит, обвинение расширено». Здесь адвокат, проанализировав статьи закона, рассматривает с этой точки зрения материалы дела. Закон интерпретируется с позиции законности как «высшей справедливости». В языковом плане данный фрагмент тяготеет к письменной речи, о чем свидетельствуют сложные предложения с придаточными времени, причины, условия, с вставными конструкциями, бессоюзные конструкции и др.

В речи, произнесенной адвокатом перед присяжными заседателями, например, по делу Е.Ф. Санко-Лешевича, ораторская маска «правоведа» предстает в ином виде. «О, я хорошо вижу и знаю, что обвинение делает свое настоящее, необходимое, государственное дело. Но как ни велика задача обвинения, - закон ставит между ним и его желаниями и убеждениями – суд! А что такое прокуратура, гг. общественные судьи?.. Это неустанный страж закона, неопускающий рук воин, недремлющее око, отыскивающее нарушителей прав и требующее им законной кары». «Правовед» в этой речи объясняет присяжным роль прокуратуры в государстве. Один из основных тезисов в данной речи – это отсутствие доказательств у обвинения, сомнительность его. Этот фрагмент, приведенный в начале выступления, создающий высокий образ

прокуратуры, контрастирует с содержанием всей речи. Оратор создает высокий образ прокуратуры и обвинения за счет риторического вопроса и восклицания, книжных сравнений и высокой лексики: «неустанный страж закона», «неопускающий рук воин», «недремлющее око, отыскивающее нарушителей прав и требующее им законной кары», семантика 'константности трудолюбия, внимания' в дальнейшем тексте трансформируется в чрезмерное излишнее усердие, результатом которого является обвинение невинных. Адвокат под маской «правоведа» использует высокий, книжный стиль, не мотивированный содержанием, и в принципе не свойственный, но имеющий место благодаря ситуации суда, общей линии защиты. Таким образом, экспрессия, используемая оратором в маске «правоведа», варьируется от тона дружеской беседы в речах, произнесенных для присяжных заседателей, до строго логического, без каких-либо отступлений от письменного языка в речах, произнесенных для коронных судей.

Кроме того, оратор часто под этой маской определяет суть закона в обществе, статус различных общественных институтов, разъясняет суть того или иного преступления. Некоторые из такого рода фрагментов представляют своего рода общие места судебной речи, они используются оратором по мере необходимости и с определенной степенью тождества встречаются в разных речах.

Таков, например, тоpos о роли суда или закона в обществе. В речи по делу Росковшенко и других: «Закон карает злую волю». В речи по делу М.Ц. Шидловской: «Закон должен преследовать подлог потому, что им вносится масса зла в жизнь..., а так как закон не может допускать, чтобы в обществе царила неправда, то он строго и справедливо карает злую волю... Но быть не может, чтобы закон карал деяния ничего общего со злом не имеющие». Таким образом, адвокат соотносит «закон» с «правдой», «справедливостью», он – на страже ее, борется со злом, неправдой, «карает злую волю». Создавая такое представление о законе и представляя рассматриваемое дело как уже

решившееся, достигшее финала или не вредящее кому-либо, оратор тем самым подводит присяжных к оправдательному вердикту. Кроме того, адвокат приводит примеры, иллюстрируя свое позицию, показывает, что в данном случае нет преступления, как это бывает и в других ситуациях: «я – человек, которому сказали, что ему заплатили вчера жалование фальшивыми деньгами. Но мне нужны деньги, и я решаюсь идти их менять. А потом оказывается, что мне дали самые настоящие деньги. В душе я – преступник: я имел твердое намерение разменять фальшивые деньги, но я – преступник только в душе, - я только душу себе испортил, только ее загрязнил...»

Также в речах Ф.Н Плевако существует топос «о подлоге». Имеется в виду, что оратор разработал общее место для рассмотрения подлога, здесь поясняется, почему он законен или незаконен (является «злом»), представлены примеры ненаказуемых подлогов, например, в речи по делу Росковшенко и других: «Составление подложного духовного завещания с корыстной целью, денежных документов, векселей и т.п. по закону признается подлогом и, несомненно, заслуживает строгой кары. Ну, а если я, например, принимаю к себе гувернантку, молодую девицу, у которой весьма странное имя – Голендуха (бывают такие случаи), и эта гувернантка, по странному кокетству или по чему-либо другому, делает в своем метрическом свидетельстве подчистку, прописывая вместо Голендухи другое более поэтическое имя – что скажите вы на это? Ведь закон с формальной стороны не делает различия; он как первый, так и второй случай признает подлогом, определяя за него строгое наказание». Адвокат, сравнивая эти два примера, обращается к здравому смыслу судей, которые должны оценить рассматриваемое дело как незначительный подлог, и вынести соответствующее решение. Кстати сказать, приведенный выше фрагмент продолжается примером – делом М.Ц. Шидловской, речь по которому также рассматривается в данной работе.

Содержанием топосов в «правовед» в судебной защитительной речи является, таким образом, практический опыт адвоката, его знания в области

юриспруденции. Так как они используются, как правило, в суде присяжных, их стиль – разговорный, создается тональность²⁵ дружеской беседы, доброжелательности, оратор старается, чтобы все было ясно, приводит примеры.

Таким образом, ораторская маска «правоведа» занимается оценкой юридической стороны деяния, описанием функций различных социальных институтов. Цель ее – пояснить для непрофессиональных судей роль закона, суть статьи обвинения и других смежных проблем и вопросов. Здесь представлены общие места, разработанные оратором в связи с содержанием этой маски. Стиль ее варьируется, в зависимости от ситуации от официально-делового до разговорного.

2.2.3. Ораторская маска «защитника».

Ораторская маска «защитника» имеет своей функцией изложение своей процессуальной позиции по данному делу: интерпретация действий подсудимого или других участников процесса, анализ их показаний, данных в суде; здесь же традиционно рассматривается достоверность оснований и выводов прокурора. Главной целью введения ее в речь является передача характера подсудимого или другого действующего лица происшествия, создание картины происшествия, с точки зрения защиты. В рамках маски «защитника» адвокат может характеризовать какие-либо действия подсудимого как типичные, обращаться к разуму, житейскому опыту, знанию психологии судей.

Стилем, характерным для «защитника», является разговорная речь, часто присутствуют вопросы и другие средства актуализации памяти аудитории.

Например, в речи по делу об убийстве присяжного поверенного С.Д. Старосельского ораторская маска представлена следующим фрагментом: «Вот все, чем располагает обвинение. Неужели же этого достаточно для постановки приговора, для решающего слова, которым заживо погребается

---

²⁵ Мы вслед за Т.В. Матвеевой считаем, что тональность вбирает в себя такие языковые явления, как эмоциональность, интенсивность, образность, волеизъявление [Матвеева, 1991, с. 15].

человек, - бессрочная каторга разве не могила? Нужны посильнее обоснования, попрочнее данные. На неподтвержденных оговорах, на заверениях сыскных чинов, что им признались подсудимые, останавливаться нельзя. Мало ли причин для последних быть ретивыми не в меру? Ведь им же грозило, по их же словам, неудовольствие начальства на нерозыск! Ведь они – люди, со своими страхами и интересами. Не разыщут – им грозит начальнический гнев. А за спиной жена, дети... А начальство распоряжается не всегда осмотрительно. По массе дел и интересов, ему не всегда время вдуматься в свои распоряжения. Может быть, они хорошо спрятали концы его... Но начальническое внимание было обращено на дело, быть может, в дурную минуту. Расстройство духа, даже печени, могло обусловить особенно скептическое отношение начальства к подчиненному, и он летит... Разве мы не знаем, что движение селезенки принимается нередко за движение мысли. Вот и силится малый чин исполнить свою задачу и часто со страха и боязни видит разгадку там, где о ней нет и помину».

Приведенный отрывок является, на наш взгляд, очень характерным для ораторской маски «защитника». Во-первых, с точки зрения содержания, он представляет оценку оснований защиты, всех материалов дела. Во-вторых, оратор обращается к аудитории с риторическими вопросами, диалогизирует речь, стремится всеми силами удержать внимание слушающих. Рассуждение о гнев начальства – своего рода обращение к общей памяти собравшихся, представление психологии «маленького человека». Адвокат создает сатирический образ «начальника», силу, почти стихийную, противопоставленную ему в обществе, начальник своего рода вершитель судеб подчиненных, «ему не всегда время вдуматься в свои распоряжения», он всегда занят «массой дел и интересов», его деятельностью руководят настроение и состояние печени, он существо иррациональное. Такой юмористический образ начальника позволяет оратору фактически уничтожить веру в показания пристава. Язык «защитника» простой,

разговорный; адвокат говорит простыми предложениями, использует риторические вопросы и восклицания, недосказанности, юмор.

Таким образом, ораторская маска «защитника» содержит в себе анализ материалов дела, ее цель – представить их в наиболее выгодном для защиты свете. Оратор использует в речи тональность душевной беседы друзей, разговорный стиль с элементами диалогизации монолога.

2.3. Общие ораторские маски, используемые в судебной защитительной речи.

2.3.1. Ораторская маска «гражданина».

Гражданская тематика присуща речам всех судебных ораторов конца XIX - XX веков. «Они понимали свои задачи широко, своею юридическою практикою они служили общественным интересам, прогрессивным целям развития общества, они были общественными деятелями в самом полном значении этого слова» [Михайловская, Одинцов, 1981, с. 7].

Ораторская маска «гражданина» основывается на конвенциональной социальной роли и появляется в речи благодаря потребности в ней оратора. Он, используя эту маску, включает в рассмотрение каждого данного дела «гражданина» в сознании аудитории. Под маской «гражданина» Ф.Н. Плевако включает использует материалы косвенно относящиеся к делу, создающие общественный фон для его рассмотрения, приводит «мнение», существующее по данному поводу. «Гражданин» апеллирует к «общей» (возможно и исторической) памяти аудитории, и следствием ее является коррекция образа аудитории. Основная функция этой маски – информирование о ситуации, ее изменении и оценка ее защитником. Эта последняя отличается критичностью, объективностью.

Например, в речи по делу А.Ф. Мордвина-Щодро и князя А.Д. Оболенского ораторская маска «гражданина» представляет слушателям ситуацию, объективно сложившуюся на аукционах. «По установившимся в джентльменских кружках обычаям, - а члены беговых и скаковых обществ не чужды качествам этих кружков, - на аукцион не пойдут пользоваться

несчастьем сочлена настоящие знатоки и ценители лошадей. Придут аукционисты и те темные барышники, которые умеют безнаказанно обращать публичную продажу в место открытых сделок на понижение, платя ничтожные цены за продаваемое и оплачивая халтурами и отходными мнимое отступление торгующихся от повышения цен. Все знают, что даже аукционы судебные не в силах бороться с силой зла, и утверждать, что аукцион, благодаря конкуренции покупателей, возвышает цену продаваемого до высшей цифры – значит свидетельствоваться в своей наивности. Нет, недаром люди залезают в долги, платят чудовищные проценты, чтобы достать денег на отсрочку, когда им грозит аукцион. Будьте уверены, что продаваясь с аукциона, по описи судебного пристава, Дрезденская галерея, то, чего доброго, спустят за сотни рублей Сикстинскую Мадонну...».

Адвокат приводит в качестве оправдания действий подсудимых факт, если не общеизвестный, то достаточно известный в кругах, так или иначе связанных с аукционами. Он объясняет их действия с позиций человека практического и здравого смысла. Оратор как «гражданин» осуждает эту ситуацию и бездействие властей, называя ее участников «темными барышниками», «силами зла», которые «безнаказанно» обращают аукцион «в место открытых сделок на понижение». Явный негатив в наименовании аукционистов и их деятельности свидетельствует об отношении оратора. Пример который он приводит, представляет ситуацию как доходящую до абсурда: Сикстинская Мадонна – величайшее произведение искусства, символ красоты и гармонии, - подают за «сотни рублей». Оратор укрепляет свою позицию тем, что называет «наивными» тех, кто думает об аукционах иначе. Непринятие его тезиса влечет за собой как бы автоматическое принятие на себя этой характеристики («наивность»), которая не делает чести человеку, не является социально престижной. Оратор во всей этой речи представляет собой беспристрастного, здравомыслящего исследователя, этим, на наш взгляд, объясняется и стиль представленной маски «гражданина». Сложные предложения с придаточными определительными,

изъяснительными, причины, времени, условия, осложненные деепричастным оборотом, вставными конструкциями свидетельствуют о стремлении оратора соответствовать письменному языку.

В этой маске используются различные экспрессивные средства: риторические вопросы, поддерживающие внимание, образные и оценочные элементы, создающие «картины», слова, нагруженные символическим содержанием вызывают ассоциации, создают фон речи.

Так, в заключении речи по делу об убийстве присяжного поверенного С.Д. Старосельского, адвокат воспроизводит траурную надгробную речь, как бы отдавая долг погибшему товарищу по работе. «Товарищ, спящий мирно в могиле, я служу тебе, как и все, здесь бьющиеся за правду, тою службою, в какой и ты видел благороднейшее употребление твоего призвания! И если невинный, доказав свою правоту, выйдет отсюда оправданный, а не осужденный, правда приговора и счастье спасенного от вечного позора, вызванного подозрением в тяжком убийстве, будет лучшей тризной, лучшим надгробным словом, лучшим памятником, какой воздвигнется тебе друзьями и соратниками твоими по бранному полю, - за честь!».

В этой речи «гражданин» прощается с погибшим товарищем, слово его торжественно, стиль высок. Адвокат использует известный жанр надгробной речи, отсюда обращение в начале фрагмента «товарищ, спящий мирно в могиле» и клятвенная интонация в заключении «за честь!». Книжная лексика, эпитеты, причастные обороты («спящий мирно в могиле», «бьющиеся за правду», «вечный позор», «тяжкое убийство», «тризна», «соратники по бранному полю») и восклицания возвышают общую тональность фрагмента, приводят его в соответствие с жанром.

Смысл приведения его в данной речи следует из ситуации суда. Суть дела словами Ф.Н. Плевако – «Убит присяжный поверенный – член той семьи, к которой принадлежу и я», судят подозреваемых в убийстве, в пособничестве, в подкупе убийц. Ф.Н. Плевако защищал обвиняемого в подкупе, «все обвинение построено было на косвенных уликах» [Плевако,

1993, с. 412]. Позиция адвоката в речи – невиновен, нет доказательств. Приведенный отрывок, видимо, представляет собой реакцию на речь прокурора, требующего наказания за убийство коллеги. Оратор с позиции «гражданина» говорит о том, что «правда», за которую боролся погибший, справедливое наказание должны стать «лучшей тризной, лучшим надгробным словом, лучшим памятником, какой воздвигнется тебе друзьями и соратниками твоими по бранному полю». Таким образом, адвокат в целях защиты использует под маской «гражданина» жанр надгробной речи с его патетикой и высоким стилем, вводя в проблему «закона как правды», «наказания как справедливости».

Таким образом, ораторская маска «гражданина» имеет целью выведение рассматриваемого дела на иной общественный уровень, с позиции истинного гражданина. Содержанием его может быть приведение социального контекста, фактов функционирования разного рода институтов, оценка сквозь эту призму материалов дела, использование мнения, сложившегося в обществе. Стил, используемый им, как правило тяготеет к высокому, книжному.

2.3.2. Ораторская маска «проповедника».

Ораторская маска «проповедника» основывается на конвенциональном типе социальной роли. Темой, которой касается здесь оратор, является проповедь сострадания и человеколюбия. Используя ее, адвокат выводит дело на более высокий уровень рассмотрения в культурном или общечеловеческом плане, это ее главная функция. Цель «проповедника» – воздействие на чувства судей. Он может, например, показать судьям, что человек, которого судят, не только подсудимый, он человек у него есть семья и, если не жаль его, то нужно пожалеть его родных. Характерно также использование лексики, свойственной проповеди или атрибутов православия как, пожалуй, самой авторитетной религии в России.

Так, в речи по делу Е.Ф. Санко-Лешевича маска «проповедника» представлена следующим фрагментом: «Господа! Не страшно, что человек

пострадает, страшно, что он пострадает напрасно... Вы, гг. присяжные заседатели, слуги общества, вы поклялись изучить дело по совести. Я только скажу вам: виновен Ефим Фотиевич Лешевич или не виновен – Бог его знает... Сомнение в виновности есть лучшее доказательство того, как много нужно подумать над тем материалом, который вам предложен... Отдаю его на суд ваш... Судите... Дай Бог вам разобраться в этом деле. Но я все же должен сказать вам, что у стариков Лешевичей есть уже один гроб – убитой дочери... Не дайте же старикам другого такого гроба!..»

Оратор как будто играет с аудиторией, расставляя множество ловушек в надежде, что кто-нибудь попадется. Фрагмент буквально заполнен ими. Высказывание «не страшно, что человек пострадает, страшно, что он пострадает напрасно», на наш взгляд, призвана вызвать протест слушающего, напрашивается перифраза «страшно, что человек пострадает, но еще страшнее, если он пострадает напрасно». Адвокат привлекает внимание, требует внутренней реакции на свои слова.

Дальше он напрямую обращается к ним, напоминая их роль «слуг общества» и клятву «изучить дело по совести», здесь оратор начинает актуализировать нравственный аспект оценки, который в русской ментальности неразрывно связан с православием. Он разворачивается мотивом высшего истинного знания, доступного лишь Богу «виновен... или не виновен – Бог его знает...», правда не известна, и найти ее здесь и сейчас нельзя. Адвокат как бы отдает дело на божий суд, вводя тем самым известное евангелическое противопоставление суда божьего и человеческого, с неоспоримой ущербностью и не истинностью последнего. «Проповедник» «говорит»: «Истина нам не известна, не судите и не судимы будете». В этом контексте показательна следующая фраза: «Сомнение в виновности есть лучшее доказательство того, как много нужно подумать над тем материалом, который вам предложен», оратор не настаивает на оправдании за недостаточностью улик, он просит «подумать». Адвокат говорит: «Отдаю его на суд ваш. Судите. Дай Бог вам разобраться в этом деле», а «проповедник» -

«Бог ему судья. Не судите. Не берите грех на душу». Здесь создан настолько сильный евангельский, православный контекст, что присяжные заседатели, на наш взгляд, не могли не оправдать подсудимого именно в силу их религиозного сознания.

Причем защита на этом не заканчивается, у адвоката есть еще один аргумент – апелляция к состраданию несчастным старикам – родителям убитой и подсудимого. Более сильного довода к чувствам, в абсолютно сильной позиции конца речи, наверное, нет. Оратор как будто долго не решался его высказать, боролся с этим желанием, о чем говорит противительный союз «но», употребленный во вторичной функции противопоставления не предложений в составе сложного, а мыслей в сознании говорящего. Он спорит с самим собой высказать или нет эту страшную просьбу. «Но я все же должен сказать вам, что у стариков Лешевичей есть уже один гроб – убитой дочери... Не дайте же старикам другого такого гроба!..». В этой фразе весь ужас ситуации, в которую попали «старика», и в милости присяжных судей облегчить ее своим решением. Оратор взывает к милосердию – одной из основных добродетелей христианина, продолжая тем самым линию «проповедника».

Стиль данного фрагмента отличается близостью к разговорной речи. Оратор использует простые предложения, недосказанность, выраженную в тексте многоточием, оборотами «Бог его знает», «дай Бог», свойственными этому стилю. Общий тон, пафос «проповедника» сохраняется здесь за счет апелляции к чувствам милосердия, сострадания, жалости. Вообще «ядром» этой маски в языковом плане является высокая и книжная лексика, библейские и книжные метафоры, обращения к суду, риторические вопросы и восклицания, и другие средства, повышающие общую тональность речи, такие примеры рассмотрены в других параграфах этой главы.

Таким образом, ораторская маска «проповедника» нацелена на возбуждение в аудитории эмоции жалости, сострадания к обвиняемым. Фрагменты такого рода содержат апелляцию к чувствам, как правило, за счет

обращения к христианскому, православному сознанию слушателей. Стил «проповедника» определяет использование библейских, евангельских метафор, высокой книжной лексики, православного пафоса.

2.3.3.Ораторская маска «повествователя».

Функцией ораторской маски «повествователя» является приведение необходимых для защиты биографических моментов из жизни подсудимого, его характеристики, описание его психологического состояния. Традиционно в судебной защитительной речи этому аспекту, рассмотрения дела отводится важное место. П. Сергеич пишет: «... для обвинителя и защитника имеет значение более всего психология человека, то есть исследование того, что переживал и передумал подсудимый прежде, чем сделаться преступником» [Сергеич, 1999, с. 102]. Целью использования «повествователя» является представление суду психологической картины преступления. Здесь адвокат может приводить факты, смысл которых заключается в воссоздании происшествия с точки зрения подсудимого, его переживаний. Эта маска несколько отличается от других тем, что она может охватывать большую часть речи, ее могут разделять другие маски, она как общий тон речи отмечает биографический момент, он оценивается другой маской, например, «обвинителя», «повествователь» приводит следующий эпизод, таким образом, прослеживается жизненный или психологический путь к преступлению. Эта маска несет в себе элемент нравственной оценки действий участников происшествия.

В речи по делу Чернобаева, обвиняемого в покушении на убийство студента С.Н. Батаровского, ораторская маска «повествователя» представлена следующими отрывками: «Человек молодой встретил молодую девушку и полюбил ее... Молодая женщина ждала, что человек поведет завоевывать мировое счастье, ждала блеска, силы, успеха от своего избранника и не удовлетворилась той небольшой частицей счастья, которая выпала на ее долю. Ей захотелось пококотничать, правда, без греха; с ее стороны наступило охлаждение, и место мужа занял другой... Была минута,

когда Чернобаев верил, что этот мир может вернуться (мир в семье. – Е.К.); это было после поездки в Киев. Он только начал верить после ее клятвы в восходящую звезду нового счастья, как вдруг эта сцена на площадке вагона... Между тем, они (жена Чернобаева и Батаровский. – Е.К.) могли стоять просто друг возле друга и он держал ее за талию. При виде их все рухнуло, все надежды были разбиты: над Чернобаевым насмехались, ему наступали на горло. Он выстрелил и причинил рану».

Оратор сообщает фрагменты биографии обвиняемого, выделяя с помощью глаголов прошедшего времени совершенного вида с семантикой активного субъекта и завершенности действия границы его жизни: «встретил и полюбил» и «выстрелил и причинил рану». Между этими рубежами лежит время, когда «Чернобаев верил..., он только начал верить» и «все рухнуло». Адвокат опускает в рассказе время разочарования и неверия, он оставляет его фантазии слушающих. Как только для подсудимого настало время, ознаменованное началом новой веры, здесь глагольная семантика протяженности во времени и начала, как бы намечают счастливый новый путь движения его жизни, - сцена на площадке вагона все рушит. Использование оратором глаголов безличной семантики «все рухнуло», «(надежды) были разбиты» подчеркивает независимость процесса от кого бы то ни было, все произошло само собой, стихийно. Он описывает психологическое состояние обвиняемого в момент преступления с помощью неопределенноличных глаголов несовершенного вида, со значением протяженности действия во времени: «(они) насмехались, наступали на горло», создается впечатление, что подсудимый защищался. Настала вторая граница жизни Чернобаева, «он выстрелил». Адвокат-«повествователь» раскрывает суду присяжных причину по которой произошло преступление, он не описывает психологически самый тяжелый период бытия подсудимого, полагаясь на фантазию и знание жизни аудитории.

Таким образом, ораторская маска «повествователя» видит своей целью представление событий, приведших к преступлению и его психологическую

мотивировку. Содержанием этой маски являются материалы рассматриваемого дела, биография участников происшествия и описание их возможных чувств. Стилль как правило приближается к художественному.

2.3.4. Ораторская маска «обвинителя».

Специфика маски «обвинителя» в том, что она прямо не предусматривается спецификой судебной речи, но часто используется адвокатом как прием, позволяющий защищать подсудимого благодаря обвинению третьего лица или сложившейся ситуации. Под этой маской оратор может выступать «обвинителем» как подсудимого, так и других участников судебного разбирательства или общества в целом. Цель использования данной маски – отведение обвинения от подзащитного либо подмена обвинения другим. Данная маска применяется также для снижения образа истца, характеристики его или свидетеля как недобросовестного. Иногда оратор обличает пороки участников процесса или общественной практики по какому-либо вопросу. Мнение адвоката может высказываться косвенно. Ораторская маска «обвинителя» отличается обличительным, оценочным характером. Здесь используются различные языковые средства от нарочито нейтрального рассуждения до пафоса риторических восклицаний, от официально-делового до стилия художественной литературы.

Например, в речи по делу Е.Ф. Санко-Лешевича ораторская маска «обвинителя» представлена следующим фрагментом: «Оговорила Дмитриева... Что за женщина? Сатанинский убийца с легкостью, с которой не каждый зарежет курицу для пирога, уничтожает жизнь молодой женщины. Убийце помогает в этом ужасном деле случайно пришедшая ее знакомая, девятнадцати летняя девушка, чтобы оказать тем приятельнице услугу и ... душит жертву. Главный убийца – Анастасия Дмитриева, совершив злое дело, не стесняется, для отвода глаз, спустя 5 – 10 дней, поднимать икону и – молиться! Есть воры, которые на Благовещанье служат молебны и начинают тем сезон воровства. Несомненно, это – религиозные люди, но религия у них

покрывает злодеяния. Такое понятие о божестве не оправдывается никакими соображениями. Такова Дмитриева в отношении к религии».

Е.Ф. Санко-Лешевич обвинялся в подстрекательстве к убийству, «обвинитель» здесь говорит о собственно убийцах. Процессуальная позиция адвоката – Е.Ф. Санко-Лешевич не виновен, его оговаривает подсудимая А. Дмитриева, то есть отчасти цель защитника – создать такой ее образ чтобы она могла оговорить клиента, представить ее лживой, жестокой, не боящейся ничего, способной на любое преступление.

Оратор использует различные средства для создания образа убийцы, нужного для оправдания его подопечного. Он тем самым создает фон для рассмотрения действий Лешевича, он как бы говорит, что все самые предосудительные его действия, хотя он в данном деле обвинен напрасно, в сравнении с поступками Дмитриевой невинны. Адвокат начинает ее характеристику вопросом «Что за женщина?», обращая внимание аудитории на то, что она, прежде всего, «женщина», акцентируя тем самым различия между существующим в коллективной памяти, сложившемся веками образом «женщины» и поступком, который она совершила – убийство. Этот контраст, своего рода антитеза, ставится и в текстовом пространстве: оратор спрашивает: «Что за женщина?», и отвечает: «Сатанинский убийца», «Главный убийца». Это сочетание нарушает все представления, за счет сопоставления слова и контекста, в котором оно употребляется, говорящий создает своего рода антифразис. Эпитеты: «сатанинский», «ужасное», «злое» не могут относиться к действиям женщины. Стиль этой маски приближается к публицистическому.

Кроме того, адвокат уличает подсудимую в кощунстве, святотатстве, лжи, упоминая о ее молитве перед иконой. Сравнивает ее с «религиозными» ворами, служащими молебам на Благовещанье. Также в качестве характеристики Дмитриевой оратор приводит участие в убийстве ее приятельницы, случайно пришедшей, помогающей душить жертву, чтобы

«оказать услугу». Называя преступление, жестокое убийство «услугой», защитник акцентирует жестокость, бесчеловечность «приятельниц».

В речи по делу Гилярова-Платонова и Дубенского, обвиняемых в диффамации, ораторская маска «обвинителя» представлена следующим фрагментом: «Да и, наконец, оскорбившийся исправник выбрал не совсем прямой путь для очищения своего будто бы опозоренного имени: прямее легче было бы путем исследования на месте, путем расспроса прикосновенных к делу лиц восстановить действительные факты, чем прямо обращаться к суду и возбуждать неосновательное обвинение, и притом против такого органа, как «Современные известия». Здесь оратор отвержен официально-деловому стилю, весь отрывок представляет собой одно сложное предложение с использованием вводной конструкции, причастными оборотами, словом речь оратора стилизуется под письменную речь. Об этом свидетельствует и использование оборотов, свойственных юридическому языку: «путем исследования на месте», «путем расспроса прикосновенных к делу лиц», «восстановить действительные факты». Кроме того, адвокат снижает образ истца за счет определения его действий как «неосновательного обвинения».

Таким образом, ораторская маска «обвинителя» преследует своей целью снижение образа истца или других участников процесса. Стиль его может варьироваться от официально-делового до публицистического. Содержанием для данной маски могут служить материалы дела, примеры из жизни или оценка действий какого-либо лица.

Выводы.

В главе определены три критерия выделения ораторской маски в речи.

Одним из них является критерий *стиля*. В судебной защитительной речи оратор может использовать практически любой стиль, существующий в языке, от юридической разновидности официально-делового до литературно-художественного, причем в применении практически к любой маске.

Специфическое смысловое наполнение - второй важный фактор при выделении маски в тексте. Ораторские маски можно рассматривать как фрагменты, несущие общую функцию в системе доказательства и вследствие этого имеющие тождественное наполнение, например: изложение фактов, юридическая оценка деяния и так далее.

Ораторские маски характеризуются единством точки зрения на предмет, ценностной позицией, оценкой (с лингвистической точки зрения общим тональностью, пафосом). Иными словами, маска – это такая позиция рассмотрения оратором дела, которая предполагает его определенную оценку и пафос ее выражения.

Таким образом, сочетание этих критериев позволяет выделить ораторскую маску в выступлении. Это единство предоставляет слушающему защитительную речь адвоката в суде как «общение» с его «современником» и в идеале единомышленником или интересным собеседником.

Основание для классификации ораторских масок, представленных в выступлении Ф.Н. Плевако, естественно следует из анализа критериев их выделения. Это – специфичность для данного типа публичной речи. Таким образом, выделяется два класса: ораторские маски, свойственные исключительно судебной речи; и вторые, присущие публичной речи вообще. Содержанием первых является представление и анализ материалов рассматриваемого дела, вторых – введение его в социальный, общественный контекст, оценка его с внеюридических, общечеловеческих, гражданских позиций.

В главе выделено семь типов ораторских масок. К свойственным судебной защитительной речи относятся: «фактолог», «правовед» и «защитник». К несвойственным рассматриваемому типу публичной речи причисляются: «гражданин», «проповедник», «попествователь» и «обвинитель».

«Фактолог» - ораторская маска, используя которую адвокат представляет аудитории важные с точки зрения защиты фактические материалы. Как

правило его язык нейтрален со стилистической точки зрения, единственный доступный ему пафос – это пафос фактов. Поскольку все факты, которые приводит адвокат в своей речи, уже знакомы аудитории, то изложение их объективно, использование риторических фигур направлено на управление вниманием присяжных или судей.

«Правовед» - ораторская маска, содержанием которой является анализ или пояснение, в зависимости от профессионализма / непрофессионализма суда, роли закона в обществе, статей закона, роли государственных учреждений и т.п. Речь «правоведа» как правило характеризуется использованием средств официально-делового стиля языка (сложные, осложненные синтаксические конструкции, лексические средства и обороты, свойственные данному стилю и т.д.). Под этой маской оратор отстаивает законность, справедливость. Цель «правоведа» доказать состоятельность / не состоятельность обвинения по данной статье. Так, ораторская маска «правоведа» предстает в следующих разновидностях: во-первых, закон интерпретируется с точки зрения самого закона; во-вторых, закон трактуется с позиций «здравого смысла»; в-третьих, закон толкуется точки зрения общества.

«Защитник» - ораторская маска, содержанием которой является изложение процессуальной позиции адвоката: анализ и интерпретация фактических материалов дела, показаний, данных участниками судебного разбирательства, исследование достоверности выводов прокурора. Он может использовать самые разнообразные языковые средства, их отбор зависит от материалов дела и состава суда. «Защитник» как правило апеллирует к знанию житейскому опыту, часто основывается на здравом смысле, бытовой логике.

«Гражданин» - ораторская маска, несвойственная судебной защитительной речи, но характерная публичной речи вообще. Эта маска используется для рассмотрения преступления в общем социокультурном аспекте, здесь оратор часто обращается к тенденциям развития современного

ему общества, к новым веяниям в общественном мнении или, наоборот, к истории, национальной психологии. Гражданский пафос, используемый этой маской, направлен на улучшение общества, достижения справедливости, обличает негативные явления в социуме. Ораторская маска «гражданина» обращается к языковым средствам высокого стиля: используется книжная лексика, риторические вопросы и восклицания, обращения к аудитории.

«Проповедник» – ораторская маска, которая используется адвокатом для акцентировки в рассматриваемом деле общечеловеческого плана, обобщения к которым здесь прибегает ритор самого высокого нравственного уровня, он обращается к ценностям высшего порядка. Адвокат апеллирует к лучшим человеческим качествам: способности к состраданию, человеколюбию, стремлению к высшей справедливости. Эту маску отличает высокий стиль (использование книжной лексики, библейских метафор, риторических вопросов и восклицаний). Оратор под маской «проповедника» просит о жалости и пощаде, ему свойственен общечеловеческий, гуманистический пафос.

«Повествователь» – ораторская маска, используемая для описания психологической стороны преступления, мотивации действий участников события, реконструкции переживаний подсудимого. Языковые средства, которые здесь применяет оратор – средства разговорной речи. Описание ситуаций предшествующих преступлению оценивается с общечеловеческой точки зрения, с позиции существующей в обществе морали и нравственности.

«Обвинитель» – ораторская маска, используемая адвокатом для снижения образа какого-либо участника преступления, судебного разбирательства (истца, сообщника и т.п.), или общества, которое не пытается искоренить пороки, которые в нем существуют. Ритор использует здесь различные языковые средства: книжную лексику и сравнения, риторические вопросы, обращения, прием иронии. «Обвинитель» характеризуется обличительным пафосом.

Третья глава посвящена рассмотрению композиционной организации судебной защитительной речи. Выявлению места и роли в ней ораторской маски.

Глава 3. Роль ораторской маски в тексте судебной защитительной речи.

Третья глава данной работы посвящена рассмотрению способов взаимодействия ее элементов судебной защитительной речи - ораторских масок и связок, ее целостной композиционной организации.

Цель заключается в рассмотрении роли ораторской маски в целом тексте. Следовательно, мы обратимся, во-первых, к композиции судебной защитительной речи, во-вторых, к образу оратора, который определяет выбор ораторских масок, необходимых для представления данного дела в суде; в-третьих, для наиболее полного анализа целостного текста, рассмотрим типы связочных элементов, встречающихся в нем, и в-четвертых, исследуем виды взаимодействия ораторских масок между собой, синтактику композиционной организации.

В структуру главы входят четыре параграфа. Первый посвящен рассмотрению проблемы связочных элементов текста. Во втором исследуется проблема композиции судебной защитительной речи в свете концепций образа оратора и ораторской маски. В третьем параграфе анализируется композиционная структура судебной защитительной речи с точки зрения функционирования в ней ораторских масок и связочных элементов. В четвертом – типы взаимодействия ораторских масок в рамках целостного текста.

3.1. Связки в судебной защитительной речи.

При рассмотрении судебной защитительной речи как целостной структуры встает вопрос о наличии элементов, не являющихся ораторскими масками, которые тем не менее встречаются в каждом из текстов. Основными отношениями при создании целостного текста, бесспорно, являются «отношения, работающие на цельность дискурса: выявление ядерных смыслов (фокусов) и точек зрения; отношения определяющие

связность текста» [Лукьянова, 2000, с. 67]. В судебной защитительной речи оратору необходимо создавать целостный текст, образ ратора из различных ораторских масок. Эти смысловые блоки требуют некой «прослойки», которая возьмет на себя функцию управления вниманием аудитории, то есть будет реализовывать проспективную и интроспективную функции. «Ретроспекция ... участвует в когезии (связности) текста... она выполняет в основном композиционную функцию. Проспекция как категория текста объединяет различные языковые формы отнесения содержательно-фактуальной информации к тому, о чем речь будет идти последующих частях текста» [Шевченко, 2003, с. 49]. Эти приемы позволяют организовать внимание слушающих и яснее представить взаимообусловленность смысловых блоков речи или связь с ситуацией в целом.

В судебной защитительной речи существуют элементы, выполняющие такие функции. Они служат «для связи, спайки или для удобного объединения композиционных частей, образов или других элементов» [Виноградов, 1981, с. 75], в нашем случае такими элементами, требующими средств для соединения, являются ораторские маски. В ораторской защитительной речи на фоне наиболее аргументативно значимых для говорящего, и, следовательно, выделенных им (экспрессивно или стилистически), проявляются элементы менее значимые²⁶, если судить с точки зрения содержания. Но с точки зрения композиции связки создают как бы каркас речи, проводя основную ее тему, они необходимы для структуры целого текста или важны как средство управления вниманием аудитории. Кроме того, П. Сергеич в книге «Искусство речи на суде» говорит о том, что «составные части речи должны быть отграничены резко друг от друга» [1999, с. 149]. Элементы такого рода создают паузу между значимыми частями, которая, на наш взгляд, нужна и самому оратору, чтобы отметить и для себя

---

²⁶ Ср. у Л.В. Щербы: «Мне кажется теперь, что слуховой образ поэта должен быть крайне неоднороден по своей яркости: некоторые элементы для него выступают с большей силой, и всякое малейшее отклонение в этой области он воспринял бы крайне болезненно; другие находятся в тени, а кое – что он почти что и не слышит и, при условии сохранения общей перспективы яркости, готов принять разное. Такое понимание отвечало бы тому, что мы наблюдаем вообще в языке, где мы всегда можем различить важное, существенное и, так сказать, «упаковочный материал»...» [Щерба, 1957, с. 32].

законченность мысли, фрагмента речи, ораторской маски. Такие элементы в данной работе называются связками.

Например, в речи по делу Волкова и Мосеев существует фрагмент: «Вот что я должен был сказать вам» - эта связка отсылает аудиторию ко всему вышесказанному, ко всей доказательной базе речи, являясь по сути паузой необходимой, с одной стороны, для оратора, чтобы он мог «собраться с мыслями» и продолжить выступление, с другой стороны, для аудитории, чтобы все вышесказанное закрепилось в сознании слушающих. Из семантики этой связки следует, что оратор закончил речь, но он продолжает ее, заостряя, таким образом внимание на последующем изложении, которое, вроде бы с его слов, необязательно в речи (все, что он должен был, он уже сказал), но значимо для адвоката.

Такие элементы мы называем техническими связками. Они служат для перехода от одной «подтемы» (точки зрения, ораторской маски) к другой. В этом случае она содержательно тяготеет к новой «подтеме», предсказывает ее появление. Это связки «... определяющие связность текста...» [Лукьянова, 2000, с. 67], обеспечивающие проспекцию и ретроспекцию в изложении. Они представляют собой своего рода «упаковочное средство». «Это функция слова (любой языковой единицы, обладающей внутренней формой. – Е.К.)» [Григорьев, 1979, с. 132], которое становится им благодаря утрате своей внутренней формы в каждом данном случае.²⁷ Технические связки «упаковывают» разные смысловые блоки судебной защитительной речи. «В языке постоянно имеются более или менее «пустые места», то есть места, не имеющие существенного значения, по крайней мере, для говорящего» [Щерба, 1957, с. 39].

Существует другой вид связок, например, в речи по делу о стачке рабочих на фабрике товарищества С. Морозова фрагмент: «Вопрос вертится около стачки». Этим высказыванием оратор обращает аудиторию

---

²⁷ Под внутренней формой в данном случае понимаются «... те контексты (употребления. – Е.К.), которые отобраны длительной культурной традицией...» [Григорьев, 1979, с. 115].

непосредственно к предмету речи и к сути рассматриваемого дела. Четкая формулировка предмета речи позволяет оратору сориентировать слушающих, чему способствует использование простой синтаксической конструкции с употреблением метафоры «вопрос вертится». Она содержит в себе значение того, что вопрос стачки – основной, главный в рассматриваемом деле. Этот вид связки – тематическая, она создает цельность речи, актуализирует основную тему речи, и «возвращает» аудиторию к непосредственному предмету речи с учетом новых фактов, развития темы. Такие связки «работают на цельность дискурса (речи – Е.К.): выявление ядерных смыслов и точек зрения...» [там же, с. 67]. Тематическая связка возвращает к основной теме речи, иногда к ее варианту, подтеме. В речи по делу И.К. Чернобаева основная тема речи заявлена во вступлении: «Ни о героях, ни о легендах я не буду говорить. Здесь нет героев, а просто в этом романе – трое несчастных, и весь вопрос в том, кто из них несчастнее». Ее вариации в виде тематических связок представлены следующими фрагментами: «Я думаю, что самый несчастный не занимает места потерпевшего, а сидит здесь на этой скамье». Далее Ф.Н. Плевако приводит аргументы в поддержку положения о том, что подсудимый является несчастной жертвой обстоятельств, то есть основную тему речи оратор проецирует на личность преступника. Следующая трансформация темы – в выводе об оценке личности потерпевшего: «Таков второй герой, который, конечно, тоже несчастен, ибо человек, падающий от недостатка внутренних сил, - несчастный человек». Тема речи развивается, таким образом, за счет психологической характеристики истца, его несчастье адвокат видит в его нравственной слабости. Третья подтема, открывающаяся тематической связкой – тема героини: «А вот и сама героиня. И она несчастна». Ее несчастье, с одной стороны, как и ее мужа (подсудимого) в ситуации, в которую она попала, а с другой стороны, как и у ее второго избранника, - в слабости ее натуры.

Итак, в речи по делу И.К. Чернобаева основная тема речи предстает в трех разновидностях, каждая из которых либо вводится, либо заканчивается тематической связкой. Каждая из них позволяет оратору вводить самостоятельный блок оценок действий участников процесса, сохраняя при этом целостность восприятия текста. Тематические связки создают, таким образом, каркас речи, который заполняется ораторскими масками.

Маска-связка «участника суда»²⁸, которая по большей части выполняет не масочную, а связочную функцию. Действие ее направлено на обеспечение цельности коммуникации. Ее функция – органическое введение в ситуацию суда речи оратора, который представляет здесь свою процессуальную позицию, воздействует на образ аудитории, дает оценку рассматриваемому делу и описывает занимаемое им место в ходе слушания. Маска-связка «участник суда», приводимая в заключении речи, как правило, содержит выводы, здесь оратор отмечает принципиальные для дела темы, влияя на образ аудитории. Состав суда диктует стиль рассматриваемого элемента текста, который варьируется от эмоционального, разговорного стиля дружеской беседы до строго логического, юридического. Основным критерием выделения данной связки является функция – соотнесение речи с ситуацией, в которой она произносится. Например, в речи по делу Севских крестьян: «Гуманное обвинение обезоружило меня, многосторонне рассмотревшие дело мои молодые товарищи – обобрали меня. Как адвокату мне не остается ничего сказать». В приведенном фрагменте простота синтаксических конструкций и использование разговорной лексики: «обезоружило», «обобрали», создают стиль непринужденной беседы, который, как и содержание речи, обусловлен ситуацией суда: «гуманное обвинение» и наличие большого состава адвокатов позволили Ф.Н. Плевако

---

²⁸ Вообще маска-связка «участник», в нашем случае суда, представлена в двух вариантах: 1) формальном и 2) реальном. Первый из них представляет собой использование вторичной функции этой маски, то есть представление «себя» участником, тогда как слушающие знают кто ты и то, что ты участвуешь в данной ситуации как тот-то. Это ситуация адвоката в судебной защитительной речи. Реальный тип маски-связки «участника» предстает в первичной функции – функции представления себя тогда, когда это действительно необходимо (например, в ситуации журналист на пресс-конференции: «Иванов Иван Иванович, газета «NN»»).

говорить по поводу, а не по сути дела, о чем он и заявляет в начале речи, пользуясь маской-связкой «участник суда».

В рассмотренных речах встречается отсутствие технической связки, которое ознаменовывает переход от заданной темы к изложению факта, воспринимается как значимая пустота. Например, в речи по делу Гилярова-Платонова и Дубенского: «Напечатанная в номере «Современных известий» статья, которую цитировала перед вами обвинительная власть, далеко не дает нам права сделать из нее тот вывод, который развил перед вами прокурор». Здесь адвокат заявляет основную тему речи, свою процессуальную позицию. В следующем за этим фрагменте, он начинает приводить факты: «Корреспонденция сообщает нам факт, в достоверности которого не может быть никакого сомнения...». Эти фрагменты, следующий один за другим, содержательно не связаны между собой: в первом – оратор отрицает как правильный вывод прокурора, во втором – говорит о достоверности факта, изложенного в статье. Возникает пустота, пауза – связка, в которой должна находиться техническая связка на данного отрезка речи, что-то семантически близкое к «для подтверждение нашего мнения, рассмотрим следующие факты». При ее отсутствии аудитории необходимо концентрироваться для восполнения опущенной связи, что позволяет оратору привлечь и удержать внимание слушателей при изложении одного из основных аргументов. Существование такого явления компенсируется за счет существующих рамок текста, наличие связи такого рода обуславливается целостностью ситуации суда.

Вербально не выраженные связки встречаются редко в силу своей специфики «невывраженности». Судебная защитительная речь должна исключать всякую непреднамеренную недоговоренность. Тем не менее «значимая пустота» присутствует тогда, когда восстановление опущенной связки полностью компенсируется в рамках коммуникации. Так, например, в речи по делу М.Ц. Шидловской опущена связка между частями о двоемужестве и о подлоге. Оратор заканчивает рассмотрение первого паузой,

то есть он не вербализует переход ко второй части речи, а сразу говорит: «Что касается документа о рождении ...» Сама эта фраза предполагает предыдущей: «Это то, что касается дела о двоемужестве...» – в качестве финальной по делу о двоемужестве, но ее отсутствие полностью компенсируется: 1) информированностью аудитории о наличии двух обвинений подсудимой; 2) формулировкой «что касается...», предполагающей переход к новой теме; 3) смысловой незначимостью той формулы, которую опустил оратор. Последний из факторов собственно и позволяет оставить «значимую пустоту» вместо незначимой единицы. Кроме того, такая пауза привлекает внимание к последующей речи, ставя ее в сильную позицию текста, равную начальной.

Таким образом, в судебной защитительной речи выделены две разновидности связочных элементов: вербально выраженные (технические, тематические, маска-связка «участника суда») и вербально не выраженные. Первые создают цельность, связность речи, ее тематический каркас или организуют цельность коммуникации, вторые – служат паузой. Связки, как правило, не являются чистыми «упаковочным материалом». Они только характеризуются в данной работе как «не-маски», связующие элементы. Связки выполняют функции проспекции и ретроспекции, работают на создание связности и цельности речи, управляют вниманием аудитории. Выделение связочных элементов позволяет, на наш взгляд, более полно и подробно описать композиционную организацию судебной защитительной речи, поскольку, таким образом, исследуются не только ораторские маски – смысловые элементы текста, он и вспомогательные, создающие его тематический каркас и связность.

3.2. Некоторые направления изучения композиции судебной защитительной речи.

В современной риторике существует несколько подходов к изучению композиции риторического текста. Одним из них является представление ее как реально-речевой, внешней структуры, что за чем и как излагается

[Михайличенко, 1994]. Такое представление традиционно в риторике, истоки его лежат в трудах Аристотеля. В этом аспекте Н.Н. Кохтев выделяет в судебной защитительной речи пять частей: зачин, вступление, основную часть, заключение и концовку. Каждая из этих частей имеет свои функции. Зачин имеет контактоустанавливающую и перспективную функции, вступление раскрывает психологический и содержательный аспекты речи, основная часть делится на анализ фактической и юридической сторон дела, и характеристику подсудимого. В заключении подводятся итоги, повторяются тезисы, закрепляется впечатление от речи. Концовка содержит этикетные формулы, призывы и пожелания. Таким образом, внешняя композиция оперирует большими текстовыми фрагментами, которые характеризуются определенной функцией и определенным подбором материала.

Судебная защитительная речь, как правило, имеет строгую внешнюю организацию. Деление на вступление, основную часть и заключение проводится легко, их границы четкие. Зачин представлен либо этикетными формулами, например: «Господа судьи! Господа присяжные заседатели! Господа судьи и присяжные заседатели!», либо отсутствует. В одной из рассматриваемых нами речей, по делу о стачке, Ф.Н. Плевако прибегает к другому варианту зачина: «Я защищаю Волкова и Мосеенка», адвокат представляет себя судьям таким образом, чтобы его речь соотносилась в сознании судей и аудитории именно с его подзащитными. Необходимость такого зачина обусловлена характером преступления, стачка – массовое выступление рабочих против заводской администрации, в рассматриваемом случае к суду были привлечены семнадцать человек, Ф.Н. Плевако защищал двоих. Зачин такого рода обладает перспективной функцией, то есть раскрывает часть содержания речи, тогда как этикетные формулы привлекают внимание аудитории и устанавливают контакт с ней.

Вступление речи адвоката, в исследованных текстах, как правило, содержит маску-связку «участник суда». Она позволяет оратору связать его речь с общим контекстом слушания дела, представляет процессуальную

позицию адвоката, его взгляды на судебную деятельность в целом, и роль присяжных в частности. Иногда оратор представляет свои ожидания, так, например, в речи по делу В. Росковшенко: «Того, что видели и слышали вы здесь, того, что выяснено показаниями свидетелей и чистосердечным признанием самого подсудимого, было бы совершенно достаточно для суда формального. Преступление совершилось, факты бесспорно установлены – и все тут. Но законодатель, отдавая человека на ваш суд, на суд общественной совести, суд общественного мнения, имел в виду другие цели. Он хотел, чтобы вы оценили по достоинству все мельчайшие детали, мельчайшие обстоятельства, сопровождающие преступление». В данном фрагменте, представляющем типичную маску-связку «участник суда», оратор встраивает свою речь в ход всего рассмотрения дела, он отсылает присяжных к информации, которую они получили в ходе слушания. Кроме того, он моделирует образ аудитории, предлагает ей отказаться от формального суда, как самого простого решения проблемы, здесь все ясно. Он ориентирует присяжных на то, что они должны занимать не строго законную – формальную точку зрения, а судить по совести, выразить общественное мнение, а для этого разобраться в деталях дела и психологических мотивах подсудимого. Таким образом, роль маски-связки «участник суда» - наметить аудитории судей варианты другого, чем у прокурора, решения проблемы, показать им другие модели поведения в ситуации, продемонстрировать, что адвокат видит другую их ипостась – суд общественного мнения, общественной совести, то есть, оратор моделирует необходимую ему аудиторию. Кроме того, в зависимости от материалов дела во вступлении может моделироваться образ подсудимого; так, в речи по делу М.Ц. Шидловской – это образ несчастной женщины, в речи по делу И.К. Чернобаева – это образ несчастных людей и т.д..

В судебной защитительной речи во внешней структуре композиции могут быть опущены зачин и вступление, что создает эффект стремительного начала, оратор сразу переходит к основной части своего выступления, делая

его более динамичным. Такой прием используется для защиты, когда она строится на жесткой оппозиции к речи прокурора, и не позволяет ей померкнуть в памяти аудитории. Кроме того, такое начало привлекает внимание аудитории и ставит основной аргумент адвоката в сильную позицию начала текста.

В основной части судебной защитительной речи адвокат задействует весь необходимый арсенал ораторских масок в зависимости от специфики дела и ситуации суда. Основная часть речи заключает в себе практически все, выделенные нами маски: «фактолог», «защитник», «правовед», «обвинитель», «гражданин», «проповедник», «повествователь». Таким образом оратор представляет здесь всю содержательную, фактуальную и психологическую стороны рассматриваемого дела. Каждая маска в соответствии со своей функцией представляет определенный аспект преступления. Выделение такого текстового блока не позволяет подробно исследовать процесс формирования образа оратора и аспекты взаимодействия ораторских масок и связочных элементов.

В заключении представлены различные ораторские маски: «защитника», «правоведа», «повествователя» и «гражданина». Такое разнообразие объясняется разнообразием функций этой части речи. Масками «защитника» и «правоведа», как правило, подводятся итоги, «повествователь» и «гражданин» закрепляют впечатление. В речи по делу А. Маруева, например, заключение представлено ораторской маской «защитника»: «Итак, только два убеждения можно вынести из дела: или подсудимый невиновен, или виновность сомнительна. Но то и другое ведет к необходимости оправдания. Третьего рода убеждение, думаем, невозможно. И можно ожидать, что с вашим приговором кончится для подсудимого неволя и засияет ряд светлых, свободных дней...» В данном случае представлен вывод по речи адвоката, подведение основного итога его рассуждений, который подкреплен противопоставлением «неволи» и «свободы», рубежным моментом между которыми станет приговор судей, открывающий перед

подсудимым «ряд светлых дней». Оратор в концовке речи заостряет внимание судей на важности, судьбоносности их решения, закрепляя таким образом впечатление от речи.

Концовка направлена на акцентирование образа аудитории, оратор представляет свои ожидания и призывает судей к справедливости. Как правило, в концовке представлена маска-связка «участник суда», благодаря которой сопрягаются начало и конец речи, она опять же служит переходом от выступления оратора к дальнейшему разворачиванию судебного слушания. Также здесь используются маски «гражданина» и «проповедника», то есть те, которые дают возможность оратору показать дело с точки зрения гражданской или гуманистической, выводя тем самым его на высший уровень обобщения. В речи по делу В. Росковшенко адвокат опускает заключение, возможно из-за того, что его прерывает реплика судьи о том, что «никто не позволил себе издеваться над подсудимым», и переходит к концовке, которую представляют маски «участника суда»: «Подчиняюсь... Тем лучше! Я очень рад, что из уст председателя встречаю опровержение того, что мне, по-видимому, послышалось...» и маски «проповедника»: «Итак, вы, значит, видели здесь совершенно искренние слезы, а в Писании сказано есть: «блаженны плачущие – они утешатся!..»» Оратор подкрепляет свой вывод высказыванием из Евангелия, апеллируя таким образом к законам высшим, нежели человеческие. Он акцентирует в образе аудитории ее религиозность, стремление руководствоваться этими высшими законами, что гарантирует оправдание подсудимого.

Итак, анализ внешней композиции судебной защитительной речи показал, что, как правило, она имеет пять основных частей: зачин, вступление, основную часть, заключение и концовку. Нарушения этой структуры (отсутствие зачина, вступления, заключения или концовки) мотивируется целями оратора и ситуацией судебного слушания. Но такой анализ речи не позволяет в полной мере рассмотреть структуру образа оратора, систему взаимодействия ораторских масок и связочных элементов,

что, на наш взгляд, и составляет в полном смысле композиционную организацию судебной защитительной речи.

Иной аспект рассмотрения композиционной организации риторического текста представлена в работе Т.Г. Хазагерова и Л.С. Шириной «Общая риторика». В ней исследуется коммуникативный аспект, роль композиции заключается, по мнению авторов, в «управлении вниманием адресата» с помощью определенной организации языковых и аргументативных средств в речи. Такое рассмотрение данной проблемы объясняется тем, что авторы обращают внимание на убеждающий аспект ораторской речи. Элементами композиции являются в этом смысле тропы, фигуры речи и доводы. Такой подход также, на наш взгляд, не позволит рассмотреть предмет нашего исследования достаточно полно, поскольку ораторская маска, как правило, включает в себя систему доводов и языковых средств.

Еще один взгляд на проблему композиции представляют работы Н.В. Панченко [2000], в которых различаются понятия композиции и диспозиции, что позволяет всесторонне рассмотреть ораторскую речь с позиций внешней и внутренней организации. «Композиция понимается как закономерное мотивированное интенцией автора и материалом динамическое развертывание содержания во взаиморасположении и соединении элементов текста различного ранга и целесообразное их соотношение в тексте как целом. Диспозиция же в свою очередь является одним из этапов композиционного построения риторического текста, на котором происходит организация в единое целое содержания речи. Единицами диспозиции являются части риторического текста, на которые он расчленяется на основании выполняемых каждой частью функций» [Основы общей риторики, 2000, с. 76-77]. Такой подход позволяет наиболее полно рассмотреть композиционную организацию ораторской речи, поскольку он объединяет все позиции изучения данной проблемы. В рамках этого подхода возможно исследовать взаимодействие различных элементов текста на разных уровнях. Так одним из вариантов может быть подход Т.Г. Хазагерова, Л.С. Шириной –

рассмотрение композиционной организации аргументативных и выразительных средств. Другим вариантом может быть исследование «точек зрения» в рамках семиотики композиции Б.А. Успенского, который называл такой уровень рассмотрения художественного текста «глубинным». Аналогичный подход может быть применен для любого текста, не только художественного, имеющего уровни выражения и содержания, то есть «двуплановые» [Б.А. Успенский]. Судебная защитительная речь, как и всякая другая риторическая, является таковой. При исследовании автор выделяет три уровня рассмотрения композиционной организации: «семантический уровень исследует отношения описания к описываемой действительности, синтаксический уровень исследует внутренние структурные закономерности описания, наконец прагматический уровень исследует отношение описания к человеку, для которого оно предназначается» [Успенский, 1995, с. 163].

В этом аспекте необходимо отметить одну из принципиально важных черт ораторской маски: она, представляет собой социальный тип, стиль, модель речевого поведения и является еще и носителем точки зрения, эта ее черта проистекает из представления маской целостного типа, с его ценностями, идеалами, речевыми характеристиками. Как уже неоднократно отмечалось, набор ораторских масок позволяет адвокату представить либо разные аспекты рассматриваемого дела либо представить его с точки зрения разных масок.

Нас интересует композиционное расположение ораторских масок в тексте речи, обусловленное единством образа оратора, то есть «синтактика композиционного построения» - рассмотрение «отношения разных точек зрения (ораторских масок – Е.К.), участвующих в произведении (судебной защитительной речи – Е.К.), безотносительно к действительности. Здесь может ставиться вопрос о функциональном значении использования той или иной точки зрения (ораторской маске – Е.К.)» [Успенский, 1995, с. 164]. Этот аспект мы рассматривали во второй главе данной работы.

Ораторская маска, как уже отмечалось, является элементом при формировании образа оратора, который складывается из их совокупности, каждая из них добавляет свою специфическую черту, они предстают гранями образа оратора. И.Ю. Качесова в статье «Коммуникативно-деятельностный аспект аргументации» описывает процесс становления текста так: «На первом этапе субъект 1 (автор аргументативного текста) по имеющимся моделям создает некоторый образ текста (Т 1). На втором этапе данный текст проходит корректировку: образ текста трансформируется в когнитивную модель, сущностью которой является механизм приобретения текстом 1 аргументативных характеристик. Данный этап преобразований назовем межтекстом ..., так как его основное свойство заключено в принципиальной возможности качественного преобразования информации. В процессе изменения появляется текст 2, который передается субъекту 2 (аргументативному оппоненту). Механизм преобразований: текст 1 → межтекст → текст 2 – нами рассматриваются в качестве внешнего когнитивно-деятельностного механизма порождения аргументативного текста» [Качесова, 1999, с. 80]. Аналогичным, на наш взгляд, является процесс порождения судебной защитительной речи.

Стимулом для него служит приглашение адвоката на защиту. В ходе предварительного расследования он изучает материалы дела, беседует с участниками события, послужившего поводом к подаче иска. Таким образом, формируется знание о предмете, на основе которого складывается процессуальная позиция адвоката по делу, которую он представляет в суде, и которую в свою очередь репрезентирует образ оратора. Образ адвоката в ходе судебного слушания должен быть непротиворечив, то есть оратор не может давать противоречивых оценок или характеристик, если хочет быть убедительным. Поэтому не могут кардинально различаться элементы, из которых образуется его образ, ведь он формируется в процессе всего слушания дела, до произнесения заключительной речи. На момент завершения речи образ его уже сложился как пафос, то есть «эмоционально-

волевой аспект образа ратора. Мысль-воление образует замысел высказывания...» [Волков, 2003, с. 18]. Так, на наш взгляд, заканчивается первый этап порождения, создается некоторый образ текста [И.Ю. Качесова, 1999].

На втором этапе совокупность информации по делу сортируется, трансформируется и выстраивается с позиции образа оратора. Отбираются ораторские маски как определенная форма подачи информации, определяется место, которое она будет занимать в речи. Смысловые блоки обретают языковую оболочку и, как следствие, наполняются оценочностью. Этнос и логос образа ратора формируется на этом этапе, они вырисовываются из совокупности языка и оценок, точек зрения – ораторских масок. Логос рассматривается в данном случае, как «интеллектуальный аспект образа ратора» [Волков, 2003, с. 18]. Использование различных масок позволяет оратору расширить возможности демонстрации его интеллектуального потенциала: владение языковыми, образными и аргументативными средствами; что, бесспорно, добавляет положительных характеристик образу оратора и придает большую достоверность речи. Кроме того, оценка, которую несет в себе ораторская маска, если она соответствует нравственным идеалам общества, целям и интересам аудитории вообще и присяжных заседателей в частности, укрепляет образ оратора и, следовательно, тем самым придает большее значение его мнению в аудитории. «Судебный оратор, давая в заключительной речи юридическую интерпретацию рассмотренных доказательств и предлагая свою версию дела, должен обязательно учитывать наиболее распространенные стереотипы поведения, морали, нравственности, коммуникации и опираться на них. В идеале ситуация должна быть представлена так, чтобы присяжные восприняли ее как универсальную соответствующую их представлениям о морали и нравственности, модель поведения человека» [Пищальникова, 1998, с. 47]. Таким нам видится процесс порождения судебной защитительной речи в аспекте создания его образа оратора и использования ораторской маски.

Для исследования взаимодействия ораторских масок необходимо рассмотреть композицию текста. Образ оратора проявляется на этом уровне текста, как и на всяком другом, так как он является определяющим фактором при построении судебной защитительной речи, и в его компетенции находится расположение масок. «В композиции целого произведения (речи – Е.К.) динамически развертывающееся содержание ... раскрывается в смене и чередовании разных функционально-речевых стилей, разных форм и типов речи, в своей совокупности создающих целостный и внутренне единый «образ автора (оратора – Е.К.)»» [Виноградов, 1959, с. 253]. Образ оратора является «фокусом целого», первичной точкой, основой текста, может быть, даже не осознаваемой его автором, позицией создающего текст при его целостном выстраивании и, в итоге, становится ощущением, впечатлением от речи. Образ оратора представляется организующим началом, силой, дающей реальную жизнь маскам, потенциально в виде «семени» существующим в культуре. Он отбирает необходимые для своего создания маски, материал речи наполняет их содержанием, после чего опять же выстраивает их в речи, уже полные конкретного содержания (материала, содержания и автора текста). Ораторские маски задают свою тональность и стиль, в рисунках и перегибах которого предстает для воспринимающего образ оратора, который для судебной аудитории определяется набором и формами взаимодействия ораторских масок, то есть их «жизнью» в тексте, которая выражается в сплетении, слиянии их, либо в совместной или причинной обусловленности их друг другом, либо в полной их независимости. В разнообразии взаимоотношений ораторских масок в речи проявляется вторая сторона их «жизни», конкретная реализация в ситуации общения.

Итак, в судебной защитительной речи выделяется два уровня композиционной организации: внешняя и внутренняя. Первая – традиционно состоит из пяти частей: зачина, вступления, основной части, заключения и концовки. Нарушения этой структуры (отсутствие зачина, вступления, заключения или концовки) мотивируется целями оратора и ситуацией

судебного слушания. Анализ речи на этом уровне не позволяет в полной мере рассмотреть структуру образа оратора, систему взаимодействия ораторских масок и связочных элементов, что, на наш взгляд, и составляет в полном смысле композиционную организацию судебной защитительной речи. Исследование композиции на внутреннем уровне позволяет рассмотреть взаимодействие ораторских масок и связочных элементов в структуре текста, то есть образ оратора, который в процессе порождения судебной защитительной речи является исходным по отношению к ораторским маскам, он определяет их набор для создания целостного текста речи. В процессе восприятия образ оратора складывается из представленных масок и остается общим впечатлением от речи. Он - «фокус целого», идейная основа расположения и использования ораторских масок - придает тексту целостность и единство.

3.3. Образ оратора в судебных защитительных речах Ф.Н. Плевако и его композиционная организация

Структура композиционной организации текста судебной защитительной речи, как уже отмечалось, определяется образом оратора. Оратор отбирает из совокупности ораторских масок, существующих в культуре, необходимые ему в связи с целевой установкой по данному делу. Их сочетание и составляет в результате прослушивания всей речи образ оратора, который вырисовывается в гранях, заданных маской оценок и точек зрения. Внутренняя композиция риторического текста определяется этим положением вещей. Рассмотрение ее соотношения с внешней композицией (диспозицией) проявит дополнительные функции ораторских масок в структуре текста.

Рассматривая речь по делу о стачке, необходимо отметить тот факт, что она произносилась перед профессиональными судьями. Это обстоятельство, на наш взгляд, определяет отбор и использование ораторских масок и формирование определенного образа оратора в данной речи.

Доминирующими в ней ораторскими масками являются «правовед» и «гражданин». Оратор представлен аудитории в образе адвоката–законника и гражданина, борющегося в большей степени за социальную справедливость и справедливость в суде, нежели за своих подзащитных. Нашу мысль подтверждает то, что оратор упоминает своих подзащитных лишь в начале и в конце речи, в основной же ее части они не упоминаются.

Внешний композиционный уровень текста представлен в данном случае традиционно. Начинается речь зачином, который разрывается вступлением. Данный факт объясняется дистанцированностью в рамках речи средств, обеспечивающих контактоустанавливающую и перспективную функции. «Я защищаю Волкова и Мосеев» - эта фраза представляет аудитории адвоката и целью ее является установление контакта с нею. Далее в тексте следует маска-связка «участник суда», раскрывающая его психологический и содержательный аспекты, то есть представляющая собственно вступление. А вторую функцию зачина выполняет тематическая связка «вопрос вертится около стачки». Таким образом, элементы внутренней композиции наполняют текстовые фрагменты диспозиции содержательно.

Речь о стачке начинается маской-связкой «участник суда». Здесь оратор объясняет свою точку зрения на дело, позволяет себе говорить о вещах, являющихся базой обвинения, освещающих рассматриваемое дело, но, однако, не являющихся самой сутью его. «Но так как им приписывается главенство в настоящем процессе, то на суждение о виновности их решающее значение имеет общий фон дела, нами сегодня рассматриваемого, а далее отсюда же следует и то, что суждение ваше должно отрешиться от лучей, падающих на настоящий вопрос из другого, имеющего быть решенным, более важного и серьезного обвинения, предъявленного против рабочих Никольской Мануфактуры». Рассуждение и мотивировка (пояснение содержания) речи оратором построены с опорой на логику. Ритор использует сложные предложения с обилием придаточных и причастных оборотов, речь представляется размеренной и спокойной. Сложность синтаксических

конструкций в речи «участника суда» объясняется опорой на рационально-логическое мышление судей, которым в первую очередь адресована речь. Язык этой маски-связки изобилует юридическими терминами и оборотами: «Им приписывается главенство в настоящем процессе, суждение о виновности, судебные задачи, улики, дело». Таким образом, определяются рамки рассмотрения дела.

Граница маски «участник суда» проводится тематической связкой. Так оратор заканчивает своеобразное вступление, он пояснил аудитории свою роль в процессе и намерения, и выходит из этого пространства непосредственно на границу между масками, в связующий их слой. Тематическая связка: «Вопрос вертится около стачки» - не связанная с маской «участника суда» ни тематически, ни формально, обращена к следующей технической связке. Маски «участник суда» и «правовед» в данном случае расположены в разных смысловых плоскостях. Маска «участника суда» ориентирована по большей части на ситуацию суда в целом, тогда как «правовед» – на рассмотрение материалов дела.

Основной аспект рассмотрения дела, заявленный тематической связкой, конкретизируется технической связкой и предвосхищает появление ораторской маски «правоведа». Тематическая связка определяет предмет, являющийся наиболее интересным для адвоката, с точки зрения целевой установки (в данном случае это – стачка). Техническая связка определяет аспект его рассмотрения «правоведом»: «познакомимся прежде всего с законом, нормирующим понятие о ней (стачке. – Е.К.)... это тем более необходимо, что определение, данное прокурором понятию о наказуемой стачке, будучи верно, не исчерпывает, однако, всех признаков воспрещенного деяния, необходимых для вменения». Здесь оратором выделяются две подтемы в его речи: во-первых, знакомство с законом; во-вторых, понятие о наказуемой стачке. Таким образом, оратор конкретизирует предмет, определенный тематической связкой, акцентируя внимание на важном для защиты аспекте его рассмотрения. «Наказуемая стачка» имеет

основной характеристикой, с точки зрения «правоведа», «воспрещенность деяния», актуализируется момент «наказуемости, незаконности». Адвокат задает основной вектор защиты, своеобразный лейтмотив всей речи. Таким образом, начинается основная часть речи с рассмотрением юридической стороны дела.

Техническая связка в данном случае стилистически смыкается с ораторской маской «правоведа». Оратор использует сложные синтаксические конструкции: «Это тем более необходимо, что определение, данное прокурором понятию о наказуемой стачке, будучи верно, не исчерпывает, однако, всех признаков воспрещенного деяния, необходимых для вменения», причастный оборот: «законом, нормирующим понятие о ней», что в данном случае является признаками письменной речи, к которой тяготеет юридический язык. Кроме того, здесь появляется специальная юридическая лексика «воспрещенные деяния, необходимые для вменения», «прокурор». Так, ораторскую маску «правоведа» вводит в текст речи о стачке техническая связка, которая также задает подтемы, своего рода лейтмотивы речи: исследование закона о стачке и определение границ ее наказуемости.

Далее в пространстве ораторской маски «правоведа» адвокат развертывает темы, заданные в связках. Тема исследования закона развивается следующим образом: «обратите внимание на текст ст. 1358 и на соседку ее, на ст. 1359, сообразите отведенное им место в Уложении. Статья 1358 не ограничивает понятия стачки наличностью массового прекращения работ до срока, с целью повышения заработка; она требует, чтобы целью стачки было увеличение платы по договору, той платы, уменьшать которую, в свою очередь ст.1359 воспрещает хозяину». Оратор рассматривает понятие стачки, выделяя ее основную характеристику, которая определяет в свою очередь все рассмотрение данного дела. Этой специфической чертой является незаконность требования рабочими повышения договорной платы, как и снижение ее со стороны работодателя.

Тема наказуемости стачки развивается следующим образом: «Господствующий мотив к наказуемости стачки это — обман, облеченный в форму насилия, обман, состоящий в том, что рабочий хочет уничтожить данное условие во время его исполнения и прибегает к способу, рассчитанному на принуждение хозяина к невыгодному для себя изменению договора». За счет актуализации тем, заданных в связках, оратор создает связность речи, подчеркивая их, он помогает аудитории запомнить речь, облегчает ее восприятие.

Сконцентрировав внимание на вопросах стачки и ее наказуемости, оратор в подтверждение своих мыслей, изложенных под маской «правоведа», переходит в пространство «фактолога». Это осуществляется посредством технической связки: «к этой мысли вас приведет и ряд резко поставленных примеров, намеренно доводящих вопрос до невозможности распутаться в деталях его». Она также является границей между масками. Техническая связка в данном случае одной своей частью: «к этой мысли вас приведет» ретроспективно обращена к «правоведу», на что указывает местоимение «этой»; другая ее часть: «ряд резко поставленных примеров» суть проспекция следующего содержания речи, то есть маски «фактолога», эта часть связки собственно и вводит ее в текст.

Кроме того, ораторские маски «правоведа» и «фактолога» в судебной защитительной речи с точки зрения их значимости, убеждающей силы равны, но в данном случае «фактолог», призван поддерживать положения, приводимые «правоведом», и становится, таким образом, подчиненным ему. Все примеры, которые использует оратор, говорят о «беззаконных действиях хозяина», поддерживая тем самым тему наказуемости стачки. Так в данной речи представлен анализ фактической стороны дела, одного из смысловых блоков основной части диспозиции.

В ораторскую маску «фактолога» вплетается также голос «гражданина», он интерпретирует факты, приведенные им, со своей точки зрения. Его анализ отличается ироничностью и окрашен пафосом риторических

вопросов. Такое смешение, вкрапления общественной проблематики позволяет оратору «подготовить» аудиторию судей–профессионалов к введению в речь полноправной, самостоятельной маски «гражданина». Оратор под этой маской говорит о злоупотреблениях работодателя и бесправию рабочего, продолжая тем самым тему наказуемости стачки. В подведении промежуточного итога сливаются голоса «правоведа» и «гражданина»: «полагаю, что закон охраняет законные интересы хозяина против беззакония рабочего, а не берет под свою защиту всяческого хозяина, во всяческом его произволе, против всяческого, хотя бы и законного прекращения работ».

Здесь «гражданин» говорит от первого лица «полагаю», выражая таким образом свое мнение, но к нему должны присоединиться вся аудитория, ратующая за справедливое отношение в обществе. «Правовед» говорит о законе: «закон охраняет законные интересы... против беззакония». Это голос «правоведа» от общества, что и позволяет ему слиться с «гражданином», требующим справедливости к рабочим. Это ведет к невозможности четкого разграничения этих масок на данном отрезке текста. С появлением сплетения масок «правоведа» и «гражданина» можно говорить о подчиненности масок «фактолога» и «гражданина» этому слиянию. Их функция заключается здесь в подтверждении высказанных положений доводами из других областей: фактов дела и пафосом «гражданина». Ораторская маска «гражданина» в первом случае проявляется на фоне маски «фактолога», а во втором в слиянии с маской «правоведа». В обоих вышеуказанных случаях она предвосхищает свое самостоятельное появление.

Следующая за «сплавом» масок «гражданина» и «правоведа» техническая связка соединяет в себе тему «наказуемости» стачки, которую развил выше «правовед» от общества, сближаясь тем самым с маской «гражданина», и кроме того, позволяет оратору перейти к «чистой» маске «гражданина». Тема речи последней - «изучение духа тех актов, которыми законодательная власть высказала свое отношение к быту фабричного».

Здесь оратор косвенно продолжает развивать тему наказуемости стачки, показывая разные виды притеснений рабочих, несправедливость в быту фабричных. Маска «гражданина» самостоятельна и независима в данном случае от других, ее появление мотивировано самой спецификой рассматриваемого дела. Ограничивает маску «гражданина» техническая связка, в которой подводится итог изложенному выше. «Вот путь, принятый законом. Он таков, что, опираясь на него, можно утверждать, что в фабричном быту существуют злоупотребления сильных, нимало не стесняющихся условиями о ряде и о плате».

Темы, заданные технической связкой в начале речи, были рассмотрены оратором с различных точек зрения («фактолога», «правоведа», «гражданина») и исчерпались полностью. Адвокат исследовал тему с различных позиций и привел ряд «общих», основных положений о стачке и ее наказуемости, касаясь рассматриваемого дела минимально. Оратор построил теорию защиты по делу о стачке вообще.

Подведение итогов по вышеизложенному позволяет адвокату перейти к новому аспекту дела и обратиться к материалам дела. Появление новой темы было подготовлено всею предшествующею речью. Новая тема вводится тематической связкой: «суду, поэтому, предстоит задача не выводить непременно из всякой забастовки ее наказуемость, а рассмотреть предварительно вопрос о том, в чем заключается цель ее». Эта связка мотивирована всей речью и синтаксически связана с технической связкой, ей предшествующей. Подробнее оратор рассматривает тему роли суда под маской «фактолога». «Гражданин» и «фактолог» здесь связаны причинно-следственной связью, то есть маска «фактолога» подчинена всей предыдущей речи, и маске «гражданина» в частности.

Новая маска присоединяется технической связкой: «так и в данном случае», в этом фрагменте речи маска «фактолога» представлена в «чистом» виде, без каких бы то ни было элементов другой маски. Она имеет четкие границы, которые задаются технической связкой: «вот что я должен был

сказать вам», которая не зависит, ни от какой либо маски и несет на себе функцию паузы, ее легко можно опустить. Но кроме этого, эта связка должна была «завершать» речь благодаря семантике «все уже сказано», но оратор продолжает речь, привлекая посредством паузы внимание аудитории. Активизировав ее таким образом, он вводит пространство, значимое в данной речи из – за совмещения наиболее важных для защиты масок «правоведа» и «гражданина». Два эти поля как части сложносочиненного предложения. С введением этих масок в речи вновь появляется тема наказуемости стачки, связанная в данном случае с мотивом «закона – беззакония». В этом пространстве «правовед» говорит о «воле закона», «смысле закона», а «гражданин» ставит судьям конкретные вопросы для решения дела, ответы на которые, кроме решения дела, проявят гражданскую позицию суда. Решив тем самым одну из задач адвоката, оратор выводит аудиторию из пространства «правоведа» и «гражданина» на границу, созданную тематической связкой, относящейся ко всей речи в целом, и закольцовывавшей ее: «вышесказанное определяет положение в деле Мосеевка и Волкова» (см. в начале речи: « Я защищаю Волкова и Мосеевка»). Адвокат вернулся непосредственно к делу своих подзащитных, которых он упоминал лишь в самом начале речи.

Закольцовывает речь еще и повторное использование маски-связки «участник суда» в финале речи: «Если это преступная стачка — сугубо преступно и их участие, раз оно доказано. Если же это — протест против бесправного произвола, протест, который вызвал со стороны власти и фабричной администрации отсылку Шорина и уничтожение штрафов, то с ненаказуемостью протеста не наказуемы и те, чей голос был громче, чьи природы отзывчивее и на чужую неправду и на несчастье своего ближнего...» В этой маске присутствуют повторы, закрепляющие мысль оратора в сознании аудитории, он как будто использует последний шанс сказать свое слово в защиту подсудимых, он настойчиво повторяет сказанное, старается усилить негодование по отношению к хозяину фабрики, и еще раз сделать

упор на то, что решение по делу проявит гражданскую позицию суда. Здесь же оратор дает характеристику подсудимым: они «те, чей голос был громче, чьи натуры отзывчивее и на чужую неправду и на несчастье своего ближнего», то есть так реализуется третья составляющая основной части диспозиции.

Под маской-связкой «участника суда» оратор подводит итоги всей речи, упоминая все ее темы: определение понятия стачки («преступная стачка»), ненаказуемой стачки с мотивами законности действий рабочих («протест против бесправного произвола», «ненаказуемость протеста»), связывая их на этот раз с делом и характеристиками его подзащитных. Таким образом закрепляется впечатление от речи, то есть реализуется функция заключения. Концовка оратором в рассматриваемой речи опущена.

Итак, в речи по делу о стачке представлены различного рода взаимоотношения масок. Так, особняком стоит маска-связка «участник суда», в силу своей функциональной специфики соединяясь с другими только рамками речи, находясь с ними в «бессоюзной» связи. Она проявляет целевую установку оратора по делу. Маска-связка «участника суда» и тематическая связка «закольцовывают» речь и позволяют оратору тем самым рассуждать об общих гражданских, юридических аспектах стачки в течение большей части речи, а затем вернуться и спроецировать все вышесказанное на защиту подсудимых. Маска «фактолога» легко приспосабливается к соседним за счет связок или позволяет другим сочетаться с собой в одном пространстве, как в случае с маской «гражданина». Маска «правоведа» является наряду с маской «гражданина» доминирующей. Эта маска из-за использования ее разновидности «правовед» от общества легко сочетается вплоть до полного слияния с «гражданином». Аналогично обстоит дело и с ораторской маской «гражданина», которая в свою очередь очень гибка и легко приспосабливается к окружающей текстовой среде (о чем говорит слияние с маской «правоведа», и их равноправное соседство, в другом случае

подчиненность маске «правоведа» как в сочетании с маской «фактолога» и др.).

Маски «правоведа» и «гражданина», являясь основными в речи по делу о стачке, наиболее активно формируют для аудитории образ оратора. Адвокат предстает перед аудиторией как лицо, отстаивающее справедливость и законность, не отдающее предпочтений ни истцу, ни обвиняемым. На факты дела он смотрит прежде всего как здравомыслящий человек и от судей требует «разобраться в причинах стачки».

3.4. Типы взаимодействия ораторских масок в тексте.

При рассмотрении вариантов взаимоотношений между ораторскими масками в речах Ф.Н. Плевако нами выделены следующие типы: соположение, соподчинение, смешение, примыкание. Тип взаимодействия не зависит от сущности маски, он определяется исключительно образом оратора в данном деле, в нюансах соположения элементов которого возникают его дополнительные характеристики. Академик В.В. Виноградов, рассуждая о художественном произведении, писал: «В композиции динамически развертывающееся изображение мира раскрывается в смене и чередовании разных форм и типов речи, разных стилей, синтезируемых в образе автора и его создающих» [Виноградов, 1971, с. 181]. Также, на наш взгляд, складывается образ оратора судебной защитительной речи из ораторских масок, различные варианты их связи в тексте подчеркивают преимущество, главенство одной из них перед другой.

3.4.1. Соположение как тип связи ораторских масок.

Соположение представляет собой такой тип взаимодействия, при котором ораторские маски равнозначны для оратора при создании его образа, их пространства не пересекаются в тексте, представляя разные аспекты дела. Например, в речи по делу о диффамации две части соединяет тематическая связка: «затем обвинение приводит нам напечатанную в том же номере «Современных Известий» передовую статью, из которой усматривает, что редактор обвиняет полицейские чины Судогородского уезда во взятках, в

незаконных поборах». Она, с одной стороны, направлена на создание цельности текста, об этом свидетельствует логическая связка частей речи «затем». Оратор основывается только на речи прокурора, дискредитируя его доводы, и как следствие, тема полемики с обвинением является сквозной для всей речи, где оратор касается материалов дела. При построении речи адвокат указывает с начала посылку противника, а потом свои доводы и факты, их подтверждающие. Так и здесь оратор приводит опорное положение прокурора в связке, а дальше под маской «фактолога» цитирует статью, подавшую повод к обвинению и анализирует ее. Следующая связка нужна оратору для приведения в речь определения взятки, разнородность приводимых им доводов заставляет его выходить на границу пространства и развернуть тему, находящуюся там, но еще не затронутую в речи «фактолога». Тематическая связка: «наконец, что такое взятки, в которых будто бы редактор обвиняет исправника?», здесь оратор только обращается к теме, которая присутствует в речи с самого начала. Эти тема и связка, вводящая ее, подготовлены всей речью и органически в нее входят отчасти благодаря вводному «наконец». Кроме того, в этом вопросе оратор продолжает за счет иронии снижать образ истца, в данном случае иронию создает введение в вопрос сочетания «будто бы» несущего в себе удвоенное сомнение, содержащееся в семантике слова «будто» и в частице «бы», создающей форму условного наклонения. Покинув, таким образом, пространство «фактолога» и сменив на границе тему речи, оратор привносит в нее точку зрения «правоведа», приводя юридическое определение взятки. Эта тема выходит из рамок рассматриваемого дела до государственного масштаба проблемы «незаконных поборов» и, таким образом, появляется пространство «гражданина», который вводится технической связкой: «а что у нас существуют такие поборы, это известно всякому». Эта фраза является связующим звеном между «фактологом» и «гражданином». С первым она состоит скорее в формальных отношениях, благодаря указательному местоимению «такие», а со вторым содержательно, тематически через

обращение к «всеобщему» знанию «это известно всякому». В данном случае маски в речи сосуществуют как части сложносочиненного предложения. Они связаны, но не соподчинены, они равны и одинаково значимы для оратора, представляя разные аспекты рассматриваемого дела. Роль участвующих здесь связок представляется структурно близкой роли сочинительных союзов в сложносочиненном предложении.

3.4.2. Подчинение как тип связи ораторских масок.

Другим типом взаимоотношений ораторских масок в судебной защитительной речи является подчинение. Этот тип представляет собой соположение масок неравноправных в изложении, одна из которых дополняет содержание другой. Очень яркий пример такого типа представлен в речи по делу Чернобаева, обвиняемого в покушении на убийство студента С.Н. Батаровского. Здесь ораторской маске «повествователя» подчинены «фактолог», «обвинитель», «защитник». Такое положение мотивировано образом оратора, который представляет собой скорее повествователя жизненной драмы, чем защитника в классическом понимании этого слова, он в своем рассказе мастерски сочетает реальные факты события, послужившего поводом к судебному преследованию, с определением психологических мотивов действий «героев». Все маски используются оратором для описания «романа», который произошел в жизни участников судебного расследования. Для достижения этой цели адвокат привлекает все возможные средства: психологические описания взаимоотношений в любовном треугольнике, мотивировки поступков, интимизацию повествования и гражданский пафос. Рассмотрим небольшой фрагмент, представляющий позицию «повествователя» в этой речи: «Нет, г. Батаровский не герой: это хилая натура. Человек, который лжет целых полтора года перед обманываемым мужем; по милости которого молодые люди, которым еще доучиваться нужно, вовлекаются в роль каких-то почтарей, посредников между любовником и чужою женой, - такой человек не является носителем твердых нравственных убеждений». В этом фрагменте оратор сочетает упоминание

фактов события и характеристику потерпевшего, снижая за счет отрицательной оценки поступков его образ в целом. Такого рода описание и оценка поступков приводятся «повествователем» по отношению к каждому из «героев романа», то есть разные ораторские маски фактически подчинены одной, более значимой для защиты подсудимого.

Еще одним вариантом подчинения масок может являться, пример из речи по делу Е.Ф. Санко-Лешевича: «Еще до подарка этих двух с половиной десятины дочери Лизе старик Лешевич подарил сыну Ефиму три десятины земли, на что и выдал ему купчую, каковую вам, здесь же на суде, и представил он, Ефим Лешевич. Где же здесь кровная обида в разделе между братом и сестрой? Я ее не вижу. Но допустим, что неравномерно разделил их отец, - все же Ефим Лешевич далек от Каина, ибо у отца осталось еще много земли и имущества, которые он мог при своем, как говорят давлении на отца получить в свою пользу». Здесь ораторская маска «защитника» подчинена «фактологу», дополняет ее содержание, он поясняет отсутствие мотива к убийству, как минимум в материальном аспекте, он показывает очевидную бессмысленность преступления, мотивированного финансовыми разногласиями. Таким образом, здесь мы видим подчинение на смысловом уровне. Каждая маска в данном случае представляет собой отдельный довод, в первом случае это приведение факта, во втором опора на житейскую логику и здравый смысл, за счет чего создается образ защитника, основывающегося на фактах дела, что характеризует его как непредвзятого, объективного исследователя причин преступления.

3.4.3. Примыкание как тип связи ораторских масок.

Взаимодействие ораторских масок как примыкающих друг к другу широко распространено в речах Ф.Н. Плевако. Особенность этого типа связи в том, что маски свободно соположены в речи, их не соединяют связочные или смысловые элементы, они свободны друг от друга. Образ оратора здесь складывается как будто из элементов коллажа, самостоятельная маска «повествователя» рядом с маской «гражданина», характеризующие образ

оратора как способного видеть за единичным бунтом крестьян специфическую черту всего народа. Так происходит, например, в речи по делу Севских крестьян: за маской «повествователя» выступает «гражданин», продолжающий тему «всплеска» страстей в крестьянах. Связь здесь «бессоюзная», возникающая между этими масками в контексте всей речи на основе сквозных тем. Мотивированно ее появление ситуацией суда: Ф.Н. Плевако не был единственным защитником в данном процессе, речь его была завершающей в ходе судебных прений, и в такой ситуации было целесообразно отметить лишь то, на что другие участники процесса не обратили внимания, то есть использование примыкания оправдано ситуацией произнесения речи. «Некоторое время чувство самосохранения внушало утайку, замалчивание, но правда взяла свое. Стоило не с кулаками, увеличивающими страх, а со спокойными словами обратиться к ним, и они понесли навстречу и признание, и раскаяние, и все взятое незаконно... Русская национальная черта сказала: тишь, молчаливое страданье и взрыв на мгновенье...» Пространство «гражданина» является здесь подобием вывода, объяснения поступка подсудимых. Вообще две эти темы могут быть без связки соположены друг другу только в рамках данного текста. Кроме того, в этой речи к маске «проповедника» примыкает также «гражданин». В данном случае бессоюзие оратору необходимо для привлечения внимания благодаря смене тональности и стиля изложения. Переход от пафоса «проповедника» к спокойствию «гражданина» и далее при таком же бессоюзии снова к «проповеднику» - такой тональный скачек позволяет оратору создать напряжение в речи, «гражданин» здесь выступает как пауза в тональности, которая повышается вновь «проповедником» до кульминационной точки, в которой концентрируются риторические восклицания, своеобразный апогей пафоса в речи: «Русские силы теперь гибнут массами. Будемте скупы на трату их, хотя бы в области правосудия. Оно еще требует жертв, алтари его, приспособленные к человеческому жертвоприношению, не убраны...» - оратор здесь повышает тональность

речи за счет высокой книжной лексики и библейских метафор. Далее он сводит ее до нейтральной: «Недавно окончились работы комиссии по реформе крестьянских учреждений. Не было двух мнений ни у общества, ни у правительства: мелкие суды крестьянские были школой гражданского разврата, а не правосознания. Общественное мнение давно произносило свой приговор и о многих других, соприкасающихся с крестьянским бытом, учреждениях. Да и здесь мы слышали, что, борясь с неправдой, выразившейся в беспорядках и хищениях, служители «дисциплины», забыв то, о чем раздалось слово сверху, опозорили время и веру пашу в новую пору жизни свистом розог...» Так постепенно оратор повышает общую тональность фрагмента. Далее следует резкий всплеск: «И это после 18 февраля 1905 года! Учить правде следует правдою же! Учить уважению к закону – примерами! А где они!». Здесь оратор актуализирует в судьях функцию воспитателей, заостряя внимание на теме «учения». Здесь примыкания ораторских масок позволяет оратору то повышать, то понижать тональность речи, акцентируя, таким образом, для аудитории ее значимые аспекты.

3.4.4. Слияние как тип связи ораторских масок.

Слияние представляет собой такой тип взаимодействия, при котором ораторские маски смешиваются в текстовом фрагменте до полной невозможности их разделить, чему способствует их тематическая или стилистическая близость. Такое сплетение представлено в речи по делу о стачке, в которой «гражданин» слился с «фактологом», что стало возможным благодаря тому, что последний представляет точку зрения «фактолога», но оценивает приводимые факты с позиций общественных. Маски здесь соединяются на основе близости темы. Этот фрагмент по зло-ироническому пафосу риторических вопросов на тему социального угнетения напоминает публичную политическую речь. Присутствует здесь и голос «правоведа», который оценивает факты с точки зрения законности. «Фабричная администрация, вопреки общему закону и условиям, не отапливает

заведения, рабочие стоят у станка при 10 – 15 градусах холода. В праве они уйти, отказаться от работы при наличии незаконных действий хозяина или должны замерзнуть геройской смертью, буде не переживут срока договора? Хозяин вопреки договору, дает не условленные работы, рассчитывает не по условию, а по произволу, должны ли рабочие тупо молчать, или могут врозь и вместе отказаться от работы не по обязательному условию?» Таким образом, в приведенном фрагменте сливаются воедино голоса «правоведа» (он говорит о незаконности действий хозяина), «гражданина» (его здесь пафос и ирония) и «фактолога» (он приводит собственно факты). Такое слияние позволяет оратору совмещать оценку, пафос и представление фактов, с воздействием на аудиторию в силу концентрации на сравнительно небольшом участке текста большого количества аргументативных средств. Образ оратора в слиянии масок приобретает характеристики гражданина-обличителя социальной несправедливости.

Итак, в рассмотренных нами речах Ф.Н. Плевако присутствуют следующие типы взаимодействия ораторских масок: соположение, подчинение, примыкание и слияние. Каждый из них позволяет приобретать образу оратора дополнительные характеристики наряду с теми, которые несут собственно ораторские маски. Соположение масок приносит образу отдельные, самостоятельные качества, наличие связки, являющейся необходимой характеристикой этого типа, подчеркивает равноправие точек зрения, равную ценность их для оратора. Подчинение демонстрирует аудитории тот факт, что у оратора есть определенные приоритеты, что, одни блоки оценок зависят от других. Примыкание придает образу оратора коллажность за счет соположения независимых оценок, которые несут ораторские маски и между которыми отсутствует связь. Слияние позволяет ораторскому образу создавать такой сплав оценок и характеристик, который в отдельности не может дать ни одна маска.

Выводы.

В третьей главе рассмотрена композиционная организация судебной защитительной речи. Выявлены два уровня композиции рассматриваемого нами типа риторического текста: внешняя и внутренняя. Первая – традиционно состоит из пяти частей: зачина, вступления, основной части, заключения и концовки. Нарушения этой структуры (отсутствие зачина, вступления, заключения или концовки) мотивируется целями оратора и ситуацией судебного слушания. Анализ речи на этом уровне не позволяет в полной мере рассмотреть структуру образа оратора, систему взаимодействия ораторских масок и связочных элементов, что, на наш взгляд, и составляет в полном смысле композиционную организацию судебной защитительной речи.

При исследовании внутреннего уровня композиции рассмотрены различные типы взаимодействия ораторских масок в рамках риторического текста. На этом уровне основа организации – образ оратора. Он является центральным стержнем, на котором образуется текст выступления, в соответствии с ним выстраиваются ораторские маски в речи. Он является исходным моментом при порождении судебной защитительной речи, в нем реализуется целевая установка рассмотрения дела адвокатом. В процессе восприятия речи образ оратора складывается из ораторских масок, использованных ритором, и остается в сознании слушателя ощущением от речи.

Ораторская маска в аспекте композиции судебной защитительной речи рассматривается как элемент образа оратора. Основу образа в риторическом тексте создают доминирующие маски, все другие придают ему дополнительные характеристики. Также некоторые черты приносят сочетания ораторских масок, которых в рассмотренных нами речах выделено четыре типа: соположение, подчинение, примыкание и слияние. Например, в речи по делу о стачке оратор представлен аудитории в образе адвоката – законника и гражданина, борющегося скорее за социальную справедливость

и справедливость в суде, нежели за своих подзащитных. Для создания такого образа ритор использует деловой стиль «правоведа» в сочетании с высоким гражданским пафосом.

В речи по делу Севских крестьян оратор предстает прежде всего гражданином, болеющим за свою страну. Его угнетает традиционная в обществе несправедливость по отношению к крестьянам и их многовековое подавление. Он в рамках ситуации проповедует милосердие и человечность, требует жалости, сострадания и снисхождения. Сочетание ораторских масок «повествователя», «гражданина» и «проповедника» позволяет оратору нарисовать перед аудиторией картины угнетения и несправедливости, сопоставить их бунт с историей государства и «русской национальной чертой». В результате рождается образ гражданина, знающего беды народа, и поэтому находящего оправдание его действиям, даже противозаконным, и способного простить и пощадить крестьян.

Выявлены два типа элементов связующих ораторские маски. Первый тип – вербально выраженные – включает в себя: тематические и технические связки и маску-связку «участник суда». Второй тип – вербально невыраженные связочные элементы, присутствующие в качестве значимой пустоты.

Маска-связка «участник суда» позволяет оратору вписать речь в ситуацию исследования дела в суде. Здесь адвокат представляет свою целевую установку при рассмотрении данного преступления, соотносит речь с речами других участников разбирательства. Функция тематических связок заключается в создании цельности речи, они несут через весь текст выступления основные темы речи, представляют подтемы. Они необходимы для управления вниманием аудитории, помогают облегчить восприятие содержания речи. Технические связочные средства организуют связность судебной защитительной речи.

Эти элементы, как правило, не являются чистым «упаковочным материалом», они только характеризуются в данной работе как «не-маски». В

конкретной речи иногда даже «упаковочный материал» приобретает значимые функции. Так, например, функцию паузы, точки, в отдельном тексте такой элемент может привлекать внимание аудитории, восстанавливать «связь» оратором и слушающими. Кроме того, адвокат в речи может концентрировать внимание на связке за счет стилистических средств для привлечения внимания. Также ритор может возлагать на связочный элемент функцию предвосхищения содержания речи.

Связки выполняют функции проспекции и ретроспекции, создают связность и цельность речи, управляют вниманием аудитории. Выделение связочных элементов позволяет более полно и подробно описать композиционную структуру судебной защитительной речи, поскольку таким образом исследуются не только ораторские маски – смысловые элементы выступления, но и вспомогательные элементы, создающие его тематический каркас и связность.

Заключение.

В современной науке сильны тенденции к объединению гуманитарных дисциплин на основе интереса к говорящему человеку. Максимально полно описать этот объект и продукт его деятельности – текст – в рамках отдельного научного направления уже не представляется возможным. Поэтому для исследования речи судебного ратора в аспекте ораторской маски нам потребовалось прибегнуть к сопряжению материала, накопленного в филологии, риторике, семиотике, социальной психологии и театрологии. Благодаря сочетанию различных аспектов рассмотрения явления маски нам удалось представить, на наш взгляд, достаточно полное понимание феномена ораторской маски.

Судебная защитительная речь как речь публичная отражает культурную ситуацию общества, в котором она существует. Функционирование ораторских масок репрезентирует основные социокультурные типы значимые, престижные для носителей культуры. В судебной защитительной речи присутствуют варианты этих типов в их текстовой реализации. На наш взгляд, это только одно из возможных воплощений типа такого рода.

Ораторские маски – сложившиеся в культуре общества типы, характеризующиеся наличием специфических речевых и ценностных характеристик, – являются элементами, во взаимодействии которых в судебной защитительной речи формируется образ оратора.

Принципиально важно отметить следующие характеристики маски: во-первых, социальная обусловленность, соотнесенность с определенным периодом времени и типичность, во-вторых, из совокупности этих черт появляются узнаваемость и признаваемость ораторской маски в речи вообще и в судебной защитительной речи в частности. Феномен маски формируется в обществе, опирается на различные типы, существующие в нем, и социальные роли, и, следовательно, в зависимости от этого функционирует в различных ситуациях. Ораторская маска предстает перед нами как знаковое пространство, отражающее определенный ценностный слой культуры.

Судебный оратор, намечая такие пространства в своей речи, «проводит» по ним аудиторию, опираясь на культурную компетенцию судей.

Ораторская маска обладает тремя функциями: во-первых, это маскировка, во-вторых, перевоплощение, в-третьих, отождествление, что позволяет оратору не показаться фальшивым, неестественным человеком.

Кроме того, ораторскую маску характеризует стиль, мотивированный определенным типом поведения – той или иной социальной ролью. В культурном пространстве формируется связь типа и стиля, признаваемая коллективом ценностью. Вследствие этого ораторская маска узнается членами общества, потому что каждый из них обладает в силу своей социальности «культурной компетенцией».

Основным результатом работы является выявление в ораторской маске кроме языкового аспекта, театрального и социокультурного, если рассматривать участие оратора в судебном процессе как своего рода «гражданское “актерство”» [В.В. Виноградов]. Кроме того, определено соотношение понятий образа оратора и ораторской маски.

В работе определены три критерия выделения ораторской маски в тексте. Одним из них является критерий *стиля*. Выяснилось, что в судебной защитительной речи оратор может использовать практически любой стиль, существующий в языке, от юридической разновидности официально-делового до литературно-художественного, причем в применении практически к любой маске.

Кроме того, ораторские маски можно рассматривать как фрагменты, несущие общую функцию в системе доказательства и вследствие этого имеющие тождественное наполнение, например: изложение фактов, юридическая оценка деяния и так далее. *Специфическое смысловое наполнение* - второй важный фактор при выделении маски в тексте.

Третьим критерием является *единство точки зрения* на предмет, ценностной позиции, оценки (с лингвистической точки зрения общим пафосом), представленной ораторской маской. Иными словами, маска – это

такая позиция рассмотрения оратором дела, которая предполагает его определенную оценку и пафос ее выражения.

Таким образом, все три критерия в сочетании позволяют выделить ораторскую маску в риторическом тексте.

В работе описаны два класса ораторских масок: маски, свойственные судебной защитительной речи и не свойственные ей, – и семь типов масок. Свойственные – это «правовед», «защитник» и «фактолог», не свойственные – «повествователь», «гражданин», «проповедник» и «обвинитель».

Кроме того, выделены два типа связочных элементов текста: во-первых, вербально выраженные: тематические связки несут основные темы и мотивы во всей речи (придавая ей тем самым целостность), технические связки (создают связность речи) и маска-связка «участник суда»; во-вторых, вербально не выраженные элементы. Связки выполняют функции проспекции и ретроспекции, работают на создание связности и цельности речи, управляют вниманием аудитории. Выявление в тексте судебной защитительной речи ораторских масок и связочных элементов позволяет более полно описать структуру внутренней композиционной организации выступления.

Внешний уровень организации состоит из пяти частей: зачина, вступления, основной части, заключения и концовки. Изменения этой структуры обусловлено целями оратора и ситуацией судебного слушания. Анализ речи на уровне внешней организации не позволяет в достаточной степени исследовать интересующую нас прежде всего структуру образа оратора, систему взаимодействия ораторских масок и связочных элементов. Исследование композиции на внутреннем уровне позволяет рассмотреть взаимодействие ораторских масок и связочных элементов в структуре текста, то есть, образ оратора.

Образ оратора – первооснова создания текста судебной защитительной речи, он организует все средства, необходимые для реализации целевой

установки адвоката. Он индивидуален, тогда как ораторская маска социальное, внешнее для оратора. Именно эта социальность и позволяет адвокату использовать ее в речи, это то общее, что есть у аудитории и ратора. В выступлении ораторские маски подчинены образу ратора, они отобраны для того, чтобы представить необходимые характеристики образа.

Также дополнительные характеристики образ оратора приобретает в различных типах взаимодействия ораторских масок. Выделяются соположение, подчинение, примыкание и слияние. Соположение масок акцентирует равноправие точек зрения, равную ценность их для оратора. Подчинение демонстрирует аудитории определенные приоритеты, существующие у ратора. Примыкание придает образу оратора некоторую независимость оценок, которые несут ораторские маски. Слияние позволяет ораторскому образу создавать такой сплав оценок и характеристик, который в отдельности не может дать ни одна маска.

В связи с понятием ораторской маски модель риторической коммуникации: Оратор ↔ Речь ↔ Аудитория, на наш взгляд, трансформируется, и представляется в итоге следующим образом: Оратор <→ Маска ↔ Аудитория. Такая замена происходит из-за того, что оратор, использующий маску, предстает перед аудиторией равным маске, которая в свою очередь влияет и на речь, также становящейся маской – речевой маской. В этом смысле проблема общения – это проблема взаимодействия масок коммуникантов.

Перспективами исследования является анализ материала с позиций лингвокультурологии, с выявление ценностных ориентаций общества, проявляющихся в судебной защитительной речи, возможно сопоставительное исследование речей 19 и конца 20 – начала 21 вв., произнесенных в суде присяжных заседателей, сопоставление ценностных ориентаций российского общества этих периодов. Может представлять исследовательский интерес рассмотрение ораторских масок в современных

судебных речах или описание других риторических жанров с точки зрения ораторских масок.

Библиография:

1. Авдеев А.Д. Происхождение театра. – Л.- М.: Искусство, 1959. - 267 с.
2. Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 192 с.
3. Анарина И.Г. Японский театр Но. - М.: Наука, 1984. – 213 с.
4. Андреев В.И. Деловая риторика. – М.: Народное образование, 1995. – 208 с.
5. Андреева Г.М. и др. Современная социальная психология на Западе. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 271 с.
6. Андреева Е.С. Диалектика текста. Опыт логико-лингвистического синтеза. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 96 с.
7. Аннушкин В.И. История русской риторики. – М.: Academia, 1998. – 413 с.
8. Апресян Г.З. Ораторское искусство. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 280 с.
9. Аристотель Риторика // Античные риторики. – М.: Изд-во МГУ, 1978.- 352 с.
10. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования. – М.: Просвещение, 1990. – 300 с.
11. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Вестник Академии наук СССР, Серия литературы и языка, Т. 40. – 1981, № 4. С. 356 – 367.
12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
13. Асмолов А.Г. Психология личности. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 367 с.
14. Бабенко Л.Г., Васильев Е.В., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – Екатеринбург, 2000.
15. Балвант Г. Театр и танец Индии. – М.: Искусство, 1963.- 164 с.
16. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 394 с.
17. Балли Ш. Язык и жизнь. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 232 с.

18. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1993. – 182 с.
19. Баранов В.М., Александров А.С. Риторика и право // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул. 2002. – 263 с. С. 113 – 124.
20. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1989. – 616 с.
21. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с.
22. Бахтин М.М. Из записей 1970-1971г.г. // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с. С. 373 – 378.
23. Бахтин М.М. К вопросам самосознания и самооценки // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. - СПб.: Азбука, 2000. – 336 с. С. 241 – 248.
24. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – 336 с. С. 227 – 231.
25. Бахтин М.М. Проблема автора // Вопросы философии, 1977, № 7, с. 148-160.
26. Бахтин М.М. Проблема текста ...// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с. С. 299 – 317.
27. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная смеховая культура Средневековья и Ренессанса. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
28. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
29. Бонеецкая Н.К. «Образ автора» как эстетическая категория // Контекст 1985. – М.: Наука, 1986. – 296 с. С. 257 – 263.

- 30.Бонеекая Н.К. Проблемы методологии анализа «образа автора» // Методология анализа литературного произведения. – М.: Наука, 1988. – 350 с. С. 61 – 71.
- 31.Брандес М.П. Стилистика текста. – М.: Прогресс – Традиция; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
- 32.Бурман А.Д. Театр и драматургия в традиционной культуре Бирмы. – М.: Наука, 1991.- 304 с.
- 33.Бутакова Е.С. Антропологичность деятельностной парадигмы в современной риторике как интеграционной речеведческой дисциплине // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 147 с. С. 6 – 7.
- 34.Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. - Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 576 с.
- 35.Вербальная и невербальная опоры пространства межфразовых связей. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 256 с.
- 36.Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М.: Высшая школа, 1971. – 239 с.
- 37.Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М.: Художественная литература, 1959. – 653 с.
- 38.Виноградов В.В. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 360.
- 39.Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
- 40.Виноградова Т.Ю., Якушин С.Ю. Основы моделирования публичной речи в суде. Казань: Изд-во Казанского госуниверситета, 1993. – 160 с.
- 41.Владимиров Л.Е. *Advocatus miles*. Пособие для уголовной защиты. – СПб.: Типография М. Волковича, 1911. – 230 с.
- 42.Владимиров Л.Е. Защитительные речи и публичные лекции. – М.: Издание П.В. Калининского, 1892. – 186 с.
- 43.Владимиров Л.Е. Суд присяжных. – Харьков: Университетская

- типография, 1873. – 257 с.
44. Волков А.А. Основы риторики. М.: Академический Проект, 2003. – 304 с.
45. Волков А.А. Словесность в школьном образовании // Предмет риторики и ее преподавание. Сб. – М.: Добросвет, 1997. – с. 15 – 20.
46. Волошинов В.Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Риторика. 1995. - № 2. С. 9 – 30.
47. Волошинов В.Н. Философия и социология гуманитарных наук. – СПб.: Аста-пресс ITD, 1995. – 388 с.
48. Волькенштейн Ф.А. В дореволюционных судах. Речи защитника. М.-Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1924. – 309 с.
49. Ворожбитова А.А. Лингвориторические основы профессиональной риторики // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 147 с. С.25 – 27.
50. Ворожбитова А.А. Методологический статус лингвориторической парадигмы как отражение современных тенденций филологической науки // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века. – СПб – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – с. 46 – 55.
51. Ворожбитова А.А. Непрерывное лингвориторическое образование как условие и продукт его модернизации // Риторика в модернизации образования. Материалы докладов участников Восьмой междунар. конф. по риторике (Москва, 2-4 февраля 2004 г.). – М.: Изд-во МПГУ, 2004. - 295 с. С. 49 - 52.
52. Ворожбитова А.А. Риторизация образования как необходимое условие повышения речемыслительной культуры российского общества // Риторика в системе гуманитарного знания. Тез. VIII Междунар. конф. По риторике. – М.: Изд-во МПГУ, 2003. - 396 с. С.66 – 69.
53. Гайда И.В. Китайский традиционный театр сицзюй.– М.: Наука, 1971.– 127 с.

54. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
55. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. статей по языкознанию. Проф. Московского университета акад. В.В. Виноградову в день его 60-летия. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – 372 с. С. 103 – 124.
56. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 144 с.
57. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
58. Глинский Б. Русское судебное красноречие. – СПб.: Типо-Литография Н. Естифеева, 1897. – 106 с.
59. Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика – 2: Русский язык в естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул. 2000. – 273 с. С.9 – 45.
60. Голев Н.Д., Лебедева Н.Б. Три лингвистические экспертизы по одному делу (к вопросу о вариативности презумпций экспертов) // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. трудов. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. - 263 с. С. 14 – 29.
61. Головня В.В. История античного театра. – М.: Искусство, 1972. – 399 с.
62. Гольдинер В.Д. Защитительная речь. – М.: Юридическая литература, - 1970. – 167 с.
63. Григорьев В.П. Поэтика слова. – М.: Наука, 1979. – 343 с.
64. Гридин В.Н. Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 628 с. С. 591.
65. Губаева Т.В. Прагматика речевого общения в правовой сфере // Разновидности текста в функционально-стилевом аспекте. Пермь, 1994. С. 261 – 268.

66. Гундзи М. Японский театр Кабуки.- М.: Прогресс, 239 с.
67. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Вестник Академии наук СССР, Серия литературы и языка, Т. 40. – 1981, № 4. С. 368 – 376..
68. Дживилегов А.К. Итальянская народная комедия. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962.- 288 с.
69. Еникеев М.И., Кочетков О.Л. Общая, социальная, юридическая психология. Краткий энциклопедический словарь. – М.: Юридическая литература, 1997. – 448 с.
70. Жизнь // Биология. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – 864 с. С.202.
71. Зарецкая Е.Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. – М.: Дело, 1998. – 480 с.
72. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 369 с.
73. Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество. – М., 1996.
74. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия. – М.: Юристъ, 1999. – 384 с.
75. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. - М.: Юристъ, 1997.-
76. Иванова С.Ф. Говори!: уроки развивающей риторики. – М.: Школа – Пресс, 1997. – 400 с.
77. Иванчикова Е.А. Категория «образа автора» в научном творчестве В.В. Виноградова // Известия АН СССР серия литературы и языка, т. 44, 1985, № 2.
78. Иванчикова Е.А. Категория «образа автора» в научном творчестве В.В. Виноградова // Известия АН СССР СЛЯ т. 44, 1985. № 2. С. 123-134
79. Исаков В.Б. Язык права // Юрислингвистика – 2: Русский язык в естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. Барнаул. 2000. – 273 с. С.72 – 90.

80. Кабуки. – М.: Искусство, 1965.- 204 с.
81. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
82. Караулов Ю.Н. Языковая личность // Энциклопедия «Русский язык». – М.: Большая российская энциклопедия. Дрофа, 1998. – 703 с. С. 675.
83. Качесова И.Ю. Коммуникативно-деятельностный аспект аргументации // Человек – коммуникация – текст. Вып. 3. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – 223 с. С. 78 – 84.
84. Клюев Е.В. Риторика. – М., 1999.
85. Ковтунова И.И. Вопросы структуры текста в трудах академика В.В. Виноградова // Русский язык. Текст как целое и компоненты текста. Виноградовские чтения XI. – М.: Наука, 1982. – 176 с. С. 4 – 10.
86. Кони А.Ф. Искусство речи на суде // П. Сергеевич Искусство речи на суде. – Тула: Автограф, 1999. – 320 с. С. 3 - 14
87. Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864г. в России. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1989. – 183 с.
88. Кохтев Н.Н. Ораторская речь: стиль и композиция. - М.: Изд-во МГУ, 1992. – 174 с.
89. Кохтев Н.Н. Риторика. – М.: Просвещение, 1994. – 207 с.
90. Кохтев Н.Н. Структура ораторской речи // Культура русской речи. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 1998. – 560 с. С.129 – 139.
91. Кузнецова Е.А. Интерпретация юридического текста (факта) как проблема точки зрения (к проблеме субъективности) // Юрислингвистика – 3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. трудов. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. - 263 с. С. 165 – 172.
92. Кузнецова Е.А. К проблеме образа человека в судебной речи (на материале речей Ф.Н. Плевако) // Язык. Время. Личность. Материалы

- Международной научной конференции. - Омск: Изд-во Омск. гос. ун-т, 2002. - 560 с. С. 240 – 245.
93. Кузнецова Е.А. К проблеме понимания «ораторской маски» // Текст: структура и функционирование: Сборник научных статей. Вып. 6. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. - 184 с. С. 95 -100.
94. Кузнецова Е.А. О специфике речи в суде присяжных и преподавании судебной риторики // Риторика в системе гуманитарного знания. Тез. VIII Междунар. конф. По риторике. – М.: Изд-во МПГУ, 2003. - 396 с. С. 168 – 170.
95. Кузнецова Е.А. Образ оратора в современной риторике // Профессиональная риторика: Проблемы и перспективы. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. - 147 с. С. 5 – 6.
96. Кузнецова Е.А. Ораторская маска в судебной защитительной речи (культурологический аспект) // Текст: структура и функционирование: Сборник научных статей. Вып. 7. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. - 334 с. С. 135 – 140.
97. Кузнецова Е.А. Ораторская маска как свое – чужое в монокультурной коммуникации // Лингвокультурологические проблемы толерантности: Тез. докл. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 24-26 октября 2001 г. - Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2001. - 403 с. С. 80 – 82.
98. Кузнецова Е.А. Экспрессивность ораторской маски в судебной защитительной речи // Человек – коммуникация – текст. Вып. 5. - Барнаул: Изд-во: АГУ. 2002. - 251 с. С. 76 – 80.
99. Кузнецова Е.А. Юридическая риторика как необходимая составляющая подготовки юриста // Риторика в модернизации образования. Материалы докладов участников Восьмой междунар. конф. по риторике (Москва, 2-4 февраля 2004 г.). – М.: Изд-во МПГУ, 2004. - 295 с. С. 135 -137.

100. Кузнецова Е.А., Панченко Н.В. Эксперессивность судебной защитительной речи // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. - Барнаул: Изд-во: АГУ, 2000. - 320 с. С. 153 -157.
101. Кузьмин Е.С. Основы социальной психологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. – 174 с.
102. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. – Екатеринбург – Омск, 1999. – 268 с.
103. Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – 441 с.
104. Культура русской речи. Уч-к для вузов. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 1999. – 560с.
105. Курбатов В.И. Логика. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 319 с.
106. Леви-Строс К. Путь масок. – М.: Республика, 2000. – 399 с.
107. Левитов Н.Д. Теория ролей в психологии // Вопросы психологии, 1969, № 6. – с. 150-158.
108. Ломовский В.Д. О судебной речи. – Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1990. – 63 с.
109. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений в 11-ти т. Т. 7. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 996 с.
110. Лотман М.Ю. Риторика // Лотман М.М. Избранные статьи в 3-х т. Т. 1. – Таллин: Александра, 1992. – 480 с. С. 168 – 178.
111. Лотман М.Ю. Театральный язык и живопись // Лотман М.Ю. Избранные статьи в 3-х т. Т. 3. – Таллин: Александра, 1993. – 480 с. С. 310 – 320.
112. Лотман М.Ю. Текст и структура аудитории // Лотман М.Ю. Избранные статьи в 3-х т. Т. 1. – Таллин: Александра, 1992. – 480 с. С. 161 – 169.
113. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек –Текст – Семиосфера – История. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.

114. Лукьянова Н.А. Лингвистическая интерпретация текста как способ моделирования фрагмента языковой картины мира. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – 306 с.
115. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск: Наука, 1986. – 227 с.
116. Львов М.Р. Риторика. – М., 1995.
117. Ляховецкий Л.А. Характеристики известных русских судебных ораторов. СПб.: Санктпетербургская электропечатня, 1902. – 128 с.
118. Майорс Д. Социальная психология. – Санкт –Петербург, Москва, Харьков, Минск: Питер, 1998. – 685 с.
119. Марунова И.Б. Древний театр кхмеров. – М.: Наука, 1980.- 144 с.
120. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Автореферат на соискание уч. ст. д-ра филол. наук. – Свердловск: Типолаборатория ун-та, 1991. – 34 с.
121. Матвеевко Е.А. Судебная речь. – Минск: Высшая школа, 1972. – 254 с.
122. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста. – Ростов-на-Дону, 2003. – 337 с.
123. Минеева С.А. Риторический текст как диалог // Риторический текст как инструмент диагностики предметных знаний и личностного развития учащихся. – Пермь: ЗУУНЦ, 2001.- 86 с. С.74 – 82.
124. Михайличенко Н.А. Риторика. – М.: Новая школа, 1994. – 96 с.
125. Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Искусство судебного оратора. – М.: Юридическая литература. – 1981. – 176 с.
126. Михальская А.К. Основы риторики. – М.: Дрофа, 2001. – 496 с.
127. Михальская А.К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. – М.: Издательский центр «Academia», 1996. – 192 с.

128. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – 172 с.
129. Народный театр. - М.: Советская Россия, 1991. – 544 с.
130. Некрасова М.П. Судебная речь. – Калининград: Изд-во Калининградского госун-та, 1990. – 68 с.
131. Немировский В.Г. Социология личности. – Красноярск: Красноярский университет, 1989. – 196 с.
132. Николаева Т.М. Единицы языка и теория текста // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987.
133. Николаева Т.М. Метатекст и его функции в тексте // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987.
134. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
135. Новичихина М.Е. О некоторых особенностях судебной речи // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 147 с. С. 42 – 44.
136. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистика текста. – М.: Прогресс, 1978. – 497 с.
137. Новое в зарубежной лингвистике. Лингвостилистика. – М.: Прогресс, 1980.
138. Одинцов В.В. Стилистика текста. – М., 1980.
139. Опарин А.И. Жизнь, ее природа, происхождение и развитие. – М.: Наука, 1968. – 173 с.
140. Осипов К.А. Вопросы защитительной речи. Свердловск, 1968. – 75 с.
141. Основы общей риторики. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – 110 с.
142. Основы теории текста. - Барнаул: Изд-во Алтайского госуниверситета, 2003. – 181 с.
143. Павлова Л.Г. Спор, дискуссия, полемика. – М.: Просвещение, 1991.

144. Падучева Е.В. Семантические исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
145. Панченко Н.В. Композиционное построение риторического текста // Человек – коммуникация – текст. Вып. 4. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – 320 с. С. 116 – 126.
146. Панченко Н.В. Проблема рамок текста как композиционная проблема // Человек – коммуникация – текст. Вып. 5. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – 251 с. С. 86 – 94.
147. Пищальникова В.А. Психолого-юридическое содержание судебного процесса и судебных речей в суде присяжных заседателей. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – 79 с.
148. Платон. Сочинения: В 3-х т. – М., 1970. Т. 1-2.
149. Плевако Ф.Н. Избранные речи. – М.: Юридическая литература, 1993. – 544 с.
150. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.
151. Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989.
152. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. – Киев, 1998.
153. Предмет риторики и ее преподавание. Сб. – М.: Добросвет, 1997.
154. Присяжные заседатели // Большой юридический словарь. – М.: ИНФРА – М, 1997.- 790 с. С. 553.
155. Проблемы экспрессивной стилистики. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского госуниверситета, 1996. – 100 с.
156. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М.: Наука, 1990. – 135 с.
157. Рождественский Ю.В. Теория риторики. - М.: Добросвет, 1999. – 482.
158. Розова С.С. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука, 1986. – 224 с.
159. Роль-амплуа // Современный словарь по психологии. – Минск: Элайда, 2000. – 704 с. С. 407.

160. Романенко А.П. (а) Образ советского ратора // Вопросы стилистики: Межвуз. Сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1998. Вып. 27. – 202 с. С. 33-51.
161. Романенко А.П. (б) О разграничении поэзии и прозы // Предмет риторики и проблема ее преподавания. – М.: Добросвет, 1998. С. 64-68.
162. Романенко А.П. Риторика и типы культуры // Риторические дисциплины в новых государственных образовательных стандартах. М.: МПГУ, 2002. – 134 с. С. 93-94.
163. Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 212 с.
164. Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ратора. Автореферат дисс. На соискание степени д.ф.н. Саратов, 2001. – 44 с.
165. Романенко А.П. Типы советской культуры и язык // Вопросы стилистики: Межвуз. Сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999. Вып. 28: Антропоцентрические исследования. – 296 с. С. 29-48.
166. Россельс В.Л. Судебные защитительные речи. – М.: Юридическая литература, 1966. – 116 с.
167. Русская разговорная речь. - М.: Наука, 1983. - 238 с.
168. Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX в. – Тула: Автограф, 1997. – 815 с.
169. Рыжков В. Жизнь // Философская энциклопедия т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – 575 с. С. 131 – 135.
170. Святки. Сб. – М.: ЗАО РИФМЭ, 1997. – 128 с.
171. Сергеич П. Искусство речи на суде. – Тула: Автограф, 1999. – 320 с.
172. Серова С.А. Зеркало просветленного духа «Хуан Фань-чо».- М.: Наука, 1979.- 224 с.
173. Синтаксис текста. – М., 1979. – 368 с.

174. Сиротинина О.Б. Риторика как составляющая системы наук об общении // Предмет риторики и ее проблема ее преподавания. – М.: Добросвет, 1998. – 186 с. С. 50 – 55.
175. Сквородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – 256 с.
176. Смолярчук В.И. Гиганты и чародеи слова. - М., 1984. – 272 с.
177. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1981. – 560 с.
178. Солганик Г.Я. Стилистика текста. – М.: Флинта, Наука, 1997. – 256 с.
179. Сопер П. Основы искусства речи. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 448 с.
180. Сословное представительство // Большой юридический словарь. – М.: ИНФРА – М, 1997.- 790 с. С. 645
181. Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 312 с.
182. Стернин И.А. О русском коммуникативном идеале // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 147 с.
183. Суд присяжных в России: громкие уголовные процессы, 1864 – 1917 гг. – Л.: Лениздат, 1991. – 510 с.
184. Судебные прения // Большой юридический словарь. – М.: ИНФРА – М, 1997.- 790 с. С. 670.
185. Судебные речи знаменитых русских адвокатов. – М.: Проспект, 1997. – 392 с.
186. Телия В.Н. Экспрессивность // Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая российская энциклопедия. Дрофа, 1998. – 703 с. С. 637 – 638.
187. Тимофеев А.Г. Судебное красноречие в России. Критические очерки. – СПб., 1900.- 178 с.

188. Трипольская Т.А., Шпильман М.В. Языковая маска как коммуникативная стратегия языковой личности // Проблемы интерпретационной лингвистики. Новосибирск, 2002. - 164 с. С. 63-74.
189. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – 575 с.
190. Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.
191. Фадеева А.А. Морально-этический вопрос риторического текста // Риторические дисциплины в новых государственных образовательных стандартах. – М.: МПГУ, 2002. – 134 с. с. 111 – 112.
192. Федорченко И.А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В.В. Виноградова. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. – Новосибирск, 2002. – 246 с.
193. Флоренский П.А. У водоразделов мысли. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – 448 с.
194. Формановская Н.И. Высказывание и дискурс как основные единицы общения // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 520 с. С. 18 – 19.
195. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика: Курс лекций и словарь риторических фигур. – Ростов-на-Дону.: Изд-во Ростовский госуниверситет, 1994. – 190 с.
196. Человек – Текст – Культура. – Екатеринбург, 1994. – 253 с.
197. Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991.- 214 с.
198. Чувакин А.А. Заметки об объекте современной филологии // Человек – коммуникация – текст. Вып. 3. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – 223 с. С. 3 – 10.

199. Чувакин А.А. Модель риторической коммуникации // Профессиональная риторика: проблемы и перспективы. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – 147 с. С. 4 – 5.
200. Шевченко Н.В. Основы лингвистики текста. М.: «Приор-издат», 2003. – 160 с.
201. Шибутани Т. Социальная психология. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 541 с.
202. Шпет Г.Г. Психология социального бытия. – М. – Воронеж: Институт практической психологии; НПО «Модэк», 1996. – 492 с.
203. Шром Н. Стратегии взаимодействия Автор-Читатель в художественной коммуникации. Феномен авторской маски // Риторика в современном обществе и образовании: Сборник материалов III – V Международных конференций по риторике. – М.: Флинта: наука, 2003. – 328 с. С. 253 – 260.
204. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М., 1957. – 188 с.
205. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике т.1. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – 182 с.
206. Югай Г.А. Общая теория жизни. – М.: Мысль, 1985. – 256 с.
207. Яковлева Е.А. Риторика как базовый компонент в сфере высшего образования // Риторика в современном обществе и образовании: Сборник материалов III – V Международных конференций по риторике. – М.: Флинта: наука, 2003. – 328 с. С. 12-19.
208. Яковлева Е.А. Риторика как теория мыслеречевой деятельности (в применении к анализу художественных текстов, урботекстов и актуальных номинаций). Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени Д.Ф.Н. Уфа, 1998. 97 с.
209. Яковлева Е.А. Риторические стратегии говорящего в современном полиэтничном городе (на примере Уфы) // Риторика в

системе гуманитарного знания: Тезисы VII Международной конференции по риторике 29-31 января 2003 г. М., 2003. 396 с. С. 392 - 395.

Приложение 1.

ДЕЛО О СТАЧКЕ РАБОЧИХ НА ФАБРИКЕ ТОВАРИЩЕСТВА САВВЫ МОРОЗОВА

Дело это слушалось в заседании Владимирского Окружного Суда 7 февраля 1886 г. без участия присяжных заседателей. Обвинял товарищ прокурора Товарков. Защищали присяжный поверенный Ф. Н. Плевако, Н. П. Шубинский и Коптев.

7 января 1885г. рабочие фабрики Товарищества забастовали. Стачка продолжалась несколько дней и ознаменовалась в первый день крупными уличными беспорядками, а позднее столкновением рабочих с войсками.

Еще задолго до января 1885 года среди рабочих Никольской Мануфактуры возникло глухое недовольство. Причиной его было уменьшение на 25% заработной платы и строгость штрафов за недоброкачественную работу. Особенною строгостью по взиманию штрафов отличался ткацкий мастер Шорин.

Во главе рабочих стали Петр Анисимович Моссенюк и Василий Сергеевич Волков.

Прекращению работ предшествовало несколько собраний, которыми руководили эти рабочие. 7 января, когда работы прекратились, толпа несколько тысяч человек двинулась по местечку, перебила стекла в фабричных зданиях и в квартирах главных служащих, разгромила квартиры директора прядильного отделения Лотарева и вышеупомянутого ткацкого мастера Шорина. После приезда губернатора между администрацией фабрики и рабочими начались переговоры, которые ни к чему не привели.

Стачка закончилась вмешательством казаков, действовавших нагайками, и высылкой в административном порядке около шестисот рабочих.

33 человека были привлечены к суду мирового судьи по обвинению в буйстве в публичном месте, а 17 человек с Моссеенком и Волковым во главе были преданы суду Владимирского Окружного Суда без участия присяжных заседателей по обвинению в буйстве и стачке, т. е. по ст. 1358 Уложения о

наказаниях и ст. ст. 37 и 38 Устава о наказаниях, так как прославившейся в русском общественном движении ст. 269¹ Уложения о наказаниях в то время еще не существовало.

Из числа 17 подсудимых двое были оправданы, остальные приговорены к аресту, в том числе Мосеенок и Волков, приговоренные к аресту па три месяца.

Речь в защиту рабочих Мосеенка и Волкова

Я защищаю Волкова и Мосеенка.

Но так как им приписывается главенство в настоящем процессе, то на суждение о виновности их решающее значение имеет общий фон дела, нами сегодня рассматриваемого, а далее отсюда же следует и то, что суждение ваше должно отрешиться от лучей, падающих на настоящий вопрос из другого, имеющего быть решенным, более важного и серьезного обвинения, предъявленного против рабочих Никольской Мануфактуры: то дело решите не вы, и, поэтому, пока нет по нему установленных фактов, справедливость требует отрешиться от этого дела.

Раз ради удобства дело разорвано на две самостоятельные судебные задачи, то позвольте и подсудимым воспользоваться данным обстоятельством в свою пользу и бороться только с ныне обследованными уликами, по поводу ныне рассматриваемого дела.

Вопрос вертится около стачки.

Познакомимся прежде всего с законом, нормирующим понятие о ней. Это тем более необходимо, что определение, данное прокурором понятию о наказуемой стачке, будучи верно, не исчерпывает, однако, всех признаков воспрещенного деяния, необходимых для вменения.

Обратите внимание на текст ст. 1358 и на соседку ее, на ст. 1359, сообразите отведенное им место в Уложении. Тогда не буду ли я прав, предложив следующий комментарий к закону, подлежащему применению по делу.

Статья 1358 не ограничивает понятия стачки наличностью массового прекращения работ до срока, с целью повышения заработка; она требует, чтобы целью стачки, при данных условиях, было увеличение платы по договору, той платы, уменьшать которую, в свою очередь ст.1359 воспрещает хозяину. Речь идет о той плате, о которой, как об эквиваленте труда, говорят соответствующие статьи X тома и отделе о личном найме.

Словом сказать, у стачки цель — увеличить до срока, вопреки договору и законам, ограждающим исполнение заключенных условий между работниками и работодателем, наемную плату.

Подтверждение моей мысли я вижу и в мотивах к закону о наказуемости стачки во французском Code penale. Я знаю, что мы должны русское дело разрешить русскими законами; но так как ст. 415 Code penale есть почти образец, для нашей ст. 1358 и начертана она в стране, ранее нас вступившей на путь машинного и капиталистического производства, а, следовательно, имевшего опыт богаче нашего, — то для изучения природы стачки и мотива к ее наказуемости рассмотрение ст. 415 Code penale будет очень полезно.

Господствующий мотив к наказуемости стачки это — обман, облеченный в форму насилия (*fraude et violence*), обман, состоящий в том, что рабочий хочет уничтожить данное условие во время его исполнения и прибегает к способу, рассчитанному на принуждение хозяина к невыгодному для себя изменению договора.

Вот отправная точка ст. 415 Code penale: несомненно, она же руководила и русским законодателем. Если бы здесь преследовалась самая форма протеста, как противная строго нашей жизни, недолюбливающей всяческих мер, облеченных и массовое, мирское, демонстративное требование, то место статьи было бы во главе о шуме, и нарушении тишины и спокойствия, в главах, преследующих полицейские и общегосударственные цели; наш же закон поместил ст. ст. 1358 и 1359 в рубрику нарушения фабричного устава, т. е. устава не карательного, а нормирующего частные, гражданские правоотношения, насколько она нуждается в содействии общей власти.

К этой мысли вас приведет и ряд резко поставленных примеров, намеренно доводящих вопрос до невозможности распутаться в деталях его.

Фабричная администрация, вопреки общему закону и условиям, не отапливает заведения, рабочие стоят у станка при 10 – 15 градусах холода. В праве они уйти, отказаться от работы при наличии незаконных действий хозяина или должны замерзнуть геройскою смертью, буде не переживут срока договора? Хозяин вопреки договору, дает не условленные работы, рассчитывает не по условию, а по произволу должны ли рабочие тупо молчать, или могут врозь и вместе отказаться от работы не по обязательному условию?

Полагаю, что закон охраняет законные интересы хозяина против беззакония рабочего, а не берет под свою защиту всяческого хозяина, во всяческом его произволе, против всяческого, хотя бы и законного прекращения работ.

Всякое сомнение в том, что закон не отдает в жертву рабочего до недозволения ему какого бы то ни было протеста даже против бесправия в действиях хозяина, устраняется при изучении духа тех актов, которыми законодательная власть высказала свое отношение к быту фабричного.

1 июня 1882 г., установив правительственную фабричную инспекцию, закон, по выражению одного из знатоков дела, «вносит ныне свет в темный промышленный быт, энергически охранявший себя от постороннего глаза».

За ним явился ряд положительных правил и проектов, из которых видно, что, настаивая на необходимости твердого и решительного принципа «исполнения законных договоров рабочего с работодателем обеими сторонами», законодатель, однако, устанавливает необходимость правительственного надзора с целью охранения интересов слабейшего из договаривающихся — рабочего от злоупотреблений сильнейшего, хотя бы под благовидною формой свободного договора.

Осуждается «благодетельный», под контролем хозяина, забор провизии из особо устроенных фабричных лавок; воспрещается добровольный расчет с

фабричными купонами чуть не XX столетия; нормируется излишняя свободная, конкуренция детского и женского труда с мужским, и заботе хозяина о зарботке фабричного путем непрерывной, день и ночь непрерывающейся работы положен предел.

Вот путь, принятый законом. Он таков, что, опираясь на него, можно утверждать, что в фабричном быту существуют злоупотребления сильных, нимало не стесняющихся условиями о ряде и о плате.

Суду, поэтому, предстоит задача не выводить непременно из всякой забастовки се наказуемость, а рассмотреть предварительно вопрос о том, в чем заключается цель ее.

Так и в данном случае фабричные оспаривали не договор, а нарушение договора, предъявляли на распрос губернатора претензии на произвольную цифру штрафов, состоявшую не в том, что табель была велика, а в том, что под предлогом штрафа списывалась цена с куска, не подлежавшего штрафу.

Что это так было, лучшим доказательством служит то, что власти, приехавшие восстановить порядок, убедили администрацию снять штрафы и что администрация сама удалила истинную причину стачки—главного мастера Шорина, наводившего своим произволом в штрафах уныние и смуту в умах рабочих.

Вот что я должен был сказать вам.

Во всяком случае, чтобы ваше решение было плодотворно для подсудимых и указывало бы им волю закона, я прошу вас точно и твердо ответить нам, — и дать тем спорному мнению возможность дойти до высшей, интерпретирующей смысл закона судебной инстанции, — запрещено ли законом всякое массовое прекращение работ или только прекращение, нарушающее договор рабочих с хозяином с целью добиться изменения его в интересах забастовавших? Закон стоит на страже и обороне нарушенного условия или запрещает рабочему поднять голос против всяческого произвола, идущего от фабричной администрации?

Придерживаясь иного взгляда, по-моему, усвоенного законодателем даже в былую крепостническую пору нашей истории, я убеждаю вас, гг. судьи, разобраться в причинах стачки: если эти люди отказывались от должного и добивались не должного путем стачки они нарушили закон; если они отказывались от не должного и добивались должного — их забастовка вне сферы наказуемости.

Вышесказанное определяет положение в деле Мосеенка и Волкова.

Если это преступная стачка — сугубо преступно и их участие, раз оно доказано. Если же это — протест против бесправного произвола, протест, который вызвал со стороны власти и фабричной администрации отсылку Шорина и уничтожение штрафов, то с ненаказуемостью протеста не наказуемы и те, чей голос был громче, чьи натуры отзывчивее и на чужую неправду и на несчастье своего ближнего...

ДЕЛО М.Ц. ШИДЛОВСКОЙ, ПО ПЕРВОМУМУЖУ КОВЕЦКОЙ, ОБВИНЯЕМОЙ В ДВОЕМУЖЕСТВЕ

28 февраля 1886 г. в заседании Витебского Окружного Суда рассматривалось дело о жене подполковника Шидловской, по первому мужу Ковецкой.

13 ноября 1883 г., в церкви погоста Телятники, Витебского уезда, дворянка Мария Цезаревна Ковецкая, урожденная Стульчинская, вступила в брак с преподавателем кадетского корпуса, подполковником Влад. Шидловским.

Перед венчанием Ковецкая представила метрическую выпись о смерти своего первого мужа, дворянина Мечислава Александровича Ковецкого, выданную 27 октября 1882 г. за № 642 из книг Бозговецкого приходского костела ксендзом Игнатием Симановичем.

Между тем по собранным впоследствии справкам оказалось, что, как подполковник Шидловский и священник телятниковской церкви Рачинский, так и поручители по невесте введены в заблуждение, так как выяснилось, что

дворянин Ковецкий, бракосочетавшийся с девицей Марией Цезаревной Стульчинской 28 июня 1874 г., хотя и разошелся вот уже более 5 лет со своей женой, но жив и состоит в настоящее время на службе в Петербурге, и что ни Бозговецкого костела, ни ксендза Игнатия Симановича, ни фольварка Крумы, в котором будто бы умер 9 июня 1880 г. Мечислав Александрович Ковецкий, вовсе не существует.

Кроме того, из Полоцкой духовной консистории 9 августа 1883 г. за № 4701 выдано было Марии Ковецкой метрическое свидетельство о рождении и крещении ее, в котором оказался переправленным год рождения—1854 на 1859, причем, как это видно из показаний свидетелей, титулярного советника Тихомирова, крестного Петра Смирнова и др., Мария Ковецкая совершила этот последний подлог, чтобы не показаться жениху слишком старой.

Совместно с присяжным поверенным Цитовичем подсудимую защищал Ф. Н. Плевако.

После 10-минутного совещания присяжные заседатели вынесли подсудимой оправдательный вердикт.

Речь Ф. Н. Плевако в защиту Шидловской

Дело так просто, что, право, трудно что-либо прибавить к тому, что сказано моим сотоварищем по защите.

Подберу кое-какие крупички.

Полное страданий прошлое несчастной женщины было бы материалом для речи даже в том случае, если бы она признала те факты, которые ей приписываются. Судьи, люди живые, не могли бы не отнестись к ней со всевозможным состраданием и снисхождением.

К счастью, одно из преступлений, приписываемых этой женщине, до очевидности вымышленно: оно было нужно другим, а не подсудимой, и все, чем мы располагаем, говорит за нашу мысль.

Мы знаем, что первый муж подсудимой выгнал ее из дому. Предлог, о котором он впервые заявил здесь, до очевидности ложен: 24-летний мужчина, неужели он не мог распознать беременную женщину на 9-м месяце от

девушки?.. Свидетели первой супружеской жизни все в один голос говорят о скромности подсудимой. Связь Ковецкого с какой-то повивальной бабкой — факт. Факт и изгнание жены и попытка к разводу. Факт — побои и оставление жены и ребенка без всяких средств к существованию.

Словом гонения подсудимой кому-то были нужны, кому-то права ее и ее имя мешали.

И вот, когда старые средства не удались, то придумали новое и решительное: прислали покинутой жене весть о ее свободе.

Что бы ни сделала эта женщина с полученным документом, она попадает в руки правосудию. Живи она по этому документу, ее стали бы обвинять за проживание по подложному виду; выйди она замуж, как она сделала, — двойное преступление налицо.

Что не она виновата, ясно из всего следственного материала.

Документ ею получен, когда она не думала выходить замуж, а второго мужа вовсе не знала. Что она верила документу это - видно из ее обращения к адвокату за советом о получении вдовьей части,

Свойство документа также наводит на догадку о враждебной руке, улавливавшей подсудимую в сети. Как известно документ оказался выданным из несуществующего прихода несуществующим ксендзом. Спрашивается, какая цель у подсудимой составлять документ, выдающий себя при первом испытании?

Лицо, совершающее подлог, стремится подделаться под истину, а здесь, наоборот, все сделано, чтобы тотчас опорочить свое дело. Я думаю, что в этом была цель — цель сторонней руки, облегчающей себе работу по изобличению того, кто будет пользоваться документом: доказывать подлог путем сличения руки — это все-таки работа и, до известной степени, риск, а при несуществовании прихода и ксендза — факт подлога очевиден. Не ясно ли, что документ шел от человека, которому было важно не помочь, а погубить подсудимую.

Что касается документа о рождении, где подсудимая поправила себе год рождения, чтобы показаться моложе, следует иметь в виду следующее.

Закон должен преследовать подлог потому, что им вносится масса зла в жизнь: присваиваются незаконные права, освобождаются от обязанностей; а так как закон не может допускать, чтобы в обществе царил неправда, то он строго и справедливо карает злую волю, подлогом достигающую противозаконных выгод.

Но быть не может, чтобы закон карал деяния, ничего общего со злом не имеющие.

А для того, чтобы выделить злонамеренные подлоги от безразличных, мы должны спросить себя о цели подделки.

Перед вами две подчистки: в обеих две девушки переменили себе имена; но в одной это сделано с целью назваться именем своей покойной сестры и получить по завещанию то, что было назначено ей, но что за смертью ее ранее завещательницы должно перейти к законным наследникам. Это наказуемый подлог.

А другая девушка сделала то же самое потому, что ей дано крайне неблагозвучное имя: ей стыдно подруг, и она переделывает неблагозвучное имя какой-нибудь Голендухи, в более приятное — Глафира. Прав эта перемена никаких не дает, кроме права похвалиться звучным именем, неужели и это преступление?

Подсудимая, мне кажется, сделала то же самое: она, изменив себе года, позволила себе самую обычную женскую слабость: она, подобно тем, кто румянами, белилами и красками молодят себе лицо, кожу и волосы, помолодила себя путем “юридической косметики”.

Итак, все это дело в одной своей части есть дело чужой РУКИ, а в другой, не имея преступного характера, едва ли может быть караемо.

Разрешить это дело не трудно, и мне ни к чему словами у красноречия вымалывать у вас снисхождения и милостивого суда.

Истина здесь ясна и легко доступна; она не требует долгой, тяжелой работы; она поддается самому быстрому вниманию, лишь бы судья был стоек в правосудии.

А так как я, как и вся земля, верую в ваше правосудие, то с моей стороны будет благоразумно ограничиться этими немногими словами.

ДЕЛО ГИЛЯРОВА-ПЛАТОНОВА И ДУБЕНСКОГО, ОБВИНЯЕМЫХ В ДИФФАМАЦИИ

Дело это слушалось в заседании Московской Судебной Палаты 30 января 1875 г. без присяжных заседателей.

Обоих обвиняемых защищал присяжный поверенный Ф. Н. Плевако.

В № 256 «Современные Известия» была напечатана корреспонденция из Судогодского уезда Владимирской губернии; в корреспонденции этой, между прочим, сообщалось следующее: «Вызванный губернатором становой пристав рассказал ему о притеснениях, а вместе добавил, что, по собранным сведениям, в уезде, кроме яичного, существуют еще денежные сборы, о которых закон умалчивает, а именно: в пользу судогодского полицейского управления по 1 ½ коп. серебра с каждой души, в пользу становых приставов по 2 1/2 коп. с души и, наконец, в пользу исправника 1¹/₂, коп. Сколько всего собирают яиц и денег в пользу судогодской полиции, всякий может высчитать, сообразив, что в судогодском уезде число жителей более 30000».

Далее, в том же номере «Современных Известий» в передовой статье, между прочим, было напечатано следующее: «Это — курьез не из обыкновенных. Мы говорим о яичном сборе в Судогодском уезде. Жаль, что корреспондент не объяснил, по скольку же яиц с души собирается на каждую из полицейских особ. Если пропорция та же, что в денежном сборе, то выходит, что становой пристав получает 2 ½ яйца с души, исправник 1¹/₂, яйца и полицейское управление 1 ½. Но нет это невозможно! Ну, случится —

три души в семействе? В, каком виде представит оно следующую с него половину яйца?

Судогодский уездный исправник Агокас, находя, что означенными статьями опорочены его честь и доброе имя, как должностного лица, просил прокурора Московской Судебной Палаты возбудить против редактора и корреспондента упомянутой газеты надлежащее преследование по обвинению в преступлении, предусмотренном ст. 1039 Уложения о наказаниях.

На судебном следствии обвиняемые, признавая себя авторами статей, отрицали желание опозорить исправника.

Оба обвиняемые были оправданы.

Речь в защиту обвиняемых

Напечатанная в номере «Современных Известий» статья, которую цитировала перед вами, обвинительная власть, далеко не дает нам права сделать из нее тот вывод, который развил перед вами прокурор.

Корреспонденция сообщает нам факт, в достоверности которого не может быть никакого сомнения, ибо он подтверждается документами, доказывающими, что сотские обходили селения и производили сборы частью деньгами по 1¹/₂; коп. и более с души, частью натурою, и именно яйцами.

Сообщение этого факта при его достоверности, никоим образом не может быть поставлено в вину ни корреспонденту, сообщившему его, ни редактору, напечатавшему сообщение.

Но обвинительная власть утверждает, что будто корреспондент не только написал, что сбор совершается, но и утверждал, что этот сбор достигает своего назначения.

Я не думаю, чтобы можно было сделать из корреспонденции такого рода вывод.

Прежде всего мы видим из циркуляра станового пристава, разосланного по волостным правлениям, что полиция с своей стороны принимала меры для прекращения этого сбора; следовательно, читатель корреспонденции должен был понять, что здесь говорится о таких сборах, которые существуют

независимо от желания тех лиц, в пользу которых они собираются. Затем, в корреспонденции нет указаний на то, что исправник знал что-либо об этих сборах или чтобы он приказывал собирать их.

Таким образом, личность исправника не задевается указанною корреспонденцией ни с которой стороны; откуда же, спрашивается, исходит обвинение, что корреспондент и редактор возводят на исправника поступок, от которого страдает его доброе, как выражается он, честное имя?

Обвинение это основывается единственно на том месте корреспонденции, которое говорит, что после того, как становой пристав разослал циркуляр по волостным правлениям, запрещающий сотским собирать, а крестьянам давать яйца, собираемые на имя станового, он заметил, что ему по службе не так-то повезло и что исправник стал к нему часто придирается. И вот из этого-то места обвинение сделало тот вывод, что исправник обвиняется во взятках, где его доброе и частное имя страдает.

Но такой вывод слишком поспешен и потому неверен.

Только тот вывод мы имеем право назвать верным, далее которого нельзя сделать никакого другого предположения. Если исправник обижается разглашением события, совершившегося в районе его власти, из этого еще нельзя заключать, что оглашенное событие включает в себе опозорение его честного имени. Не одни ретивые исправники, но и люди, выше их стоящие, не любят разглашать какое-либо событие, какое-либо упущение, происшедшее в пределах их власти и выплывшее наружу, и часто бывают в претензии на подчиненных за оглашение того, что должно быть шито и крыто.

В корреспонденции, подавшей повод к обвинению, удостоверяется только тот факт, что исправник не был доволен действиями станового пристава, который, вместо того, чтобы обратиться к нему за помощью против зла, вздумал сам раскрывать и уничтожать злоупотребление и таким образом давать ему ненужную огласку, помимо своего ближайшего начальства и, быть может, не совсем согласного с его вы водами.

Вот, по-моему, тот вывод, который можно сделать из указанной корреспонденции.

Затем обвинение приводит нам напечатанную в том же номере «Современных Известий» передовую статью, из которой усматривает, что редактор обвиняет полицейские чины Судогодского уезда во взятках, в незаконных поборах.

Вот эти слова: «Если пропорция натуральной повинности та же, что в денежном сборе, то пристав получает 2 1/2 яйца с души, исправник 1 1/2 яйца и полицейское управление 1 1/2».

Но обвинительная власть забывает, что в упомянутом месте редактор рассуждает предположительно; он делает из факта только условный вывод, говоря, что если упомянутые сборы остаются в руках старшин, то обогащаются они; а если ли яичный доход идет в полицию, то такому-то приходится столько-то, такому-то столько.

Наконец, что такое взятки, в которых будто бы редактор обвиняет исправника?

Взятка есть вымогательство от известного лица; если человек изобличается в том, что не предпринимает только достаточных мер к устранению незаконных поборов, совершаемых его именем, то в этом еще нет обвинения во взятках; а что у нас существуют такие поборы, это известно всякому. Целые фаланги ходоков и мироедов, собирая на разные мнимые расходы сумму, кладут в свои карманы общественные деньги. Но кто же будет обвинять редактора и корреспондента за то, что они выводят такие факты наружу?

Затем, я не могу не обратить внимания еще на одну сторону дела.

Когда обвинение бывает основано па 1039 и 1040 статьях, обвинитель и обвиняемый не пользуются на суде равноправностью: жалующийся имеет право представлять всякого рода доказательства в подтверждение своего обвинения, подсудимый же обязан защищаться только письменными документами, следовательно, связан по рукам и по ногам.

Высшая справедливость требует поэтому, чтобы центр, тяжести доказательств вполне был перенесен на обвинение; должно требовать от него, чтобы оно являлось на суд с неотразимыми доводами, — с такими доводами, которые с непреодолимою логикою доказывали бы виновность известного лица. Если вывод, на основании которого обвинительная власть строит свое обвинение, не обладает такою неотразимостью, которая исключает возможность всяких дальнейших предположений, словом, если этот вывод не есть единственный, — на что я указал в настоящем случае, — то, значит, обвинение расширено.

Мелочное самолюбие весьма легко оскорбляется и выводит обвинение в оскорблении, в опозорении своего честного имени там, где для этого нет никаких оснований.

Да и, наконец, оскорбившийся исправник выбрал не совсем прямой путь для очищения своего будто бы опозоренного имени: прямее и легче было бы путем исследования на месте, путем расспроса прикосновенных к делу лиц восстановить действительные факты, чем прямо обращаться к суду и возбуждать неосновательное обвинение, и притом против такого органа, как «Современные Известия».

Будучи газетой очень распространенной по количеству, весьма обширной и разнообразной по программе, серьезной по направлению, «Современные Известия» не имеют ничего общего с теми газетами-сплетницами, которые имеют только то сходство с органами печати, что воспроизводятся типографическими средствами и на писчей бумаге. Редакция этой газеты, конечно, сумеет пользоваться сообщением и корреспонденцией, не нарушая интересов истины и доброго имени тех, чья вина еще подлежит сомнению.

В своей передовой статье редактор говорит не более как гадательно; он исчисляет только возможности, — что, если действительно незаконно существующими поборами пользуются, то положение страны печально; если исправники берут — дурны наши исправники; если поборы не достигают

своего назначения, то они остаются в руках старшин и сотских, от чего не легче простолюдину; если же этого нет, то, значит, все обстоит благополучно.

Ввиду этих обстоятельств я не погрешу против истины, если скажу, что обвинения исправника во взятках в указанной корреспонденции нет, а есть только указание на такой факт, который часто встречается в жизни и совершенно доказан обстоятельствами дела; но на этом основании обвинять моих клиентов по строгому праву не приходится.

ДЕЛО СЕВСКИХ КРЕСТЬЯН, ОБВИНЯЕМЫХ В УЧАСТИИ В ПРЕСТУПНОМ СКОПИЩЕ

В июне и июле месяцах 1905 года на выездной сессии Харьковской Судебной Палаты в особом ее присутствии, с участием сословных представителей рассматривалось несколько однородных дел, возникших на почве так называемых аграрных беспорядков.

Первым из них слушалось дело о разграблении крестьянами имения барона Мейендорфа при селе Погребях, Севского уезда.

Этот процесс должен был служить введением в целую серию других аналогичных дел и установить точки зрения сторон и самой Палаты на общий характер крестьянского движения.

В качестве одного из защитников крестьян в процессе участвовал Ф. Н. Плевако.

Крестьянские беспорядки в имении барона Мейендорфа были простым отголоском того, что происходило по всему уезду, и не были вызваны никакими специальными причинами. Формы, в которые вылилось в данном случае общее раздражение крестьян, также не заключали в себе никаких особенностей.

Вечером 18 февраля, т. е. приблизительно на десятый день с начала погромов в уезде, большая толпа крестьян подошла к амбарам барона

Мейендорфа, сбила замки и расхитила около 3000 пудов зерновых хлебов, несколько десятков пудов шерсти и кое-какое другое имущество.

Прибытие властей и войск, сопровождавшееся сечением крестьян, мало содействовало обнаружению виновных. Только дознание, произведенное позже и не сопровождавшееся никаким насилием, обнаружило 29 участников погрома, которые не только чистосердечно во всем признались, но возвратили и все имущество, похищенное в день погрома.

30 июня 1905 г. дело по обвинению этих 29 крестьян в преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 269 Уложения о наказаниях, слушалось особым присутствием Харьковской Судебной Палаты под председательством Старшего Председателя Палаты Соллертинского.

Все обвиняемые признали себя виновными. Судебное следствие установило, с одной стороны, отсутствие ближайших и местных поводов к погрому, с другой, — крайне тяжелое экономическое положение крестьян, обусловленное недостаточным земельным наделом, отсутствием на месте заработков и общими правовыми и культурными условиями.

Прения сторон по необходимости приняли характер дебатов об имущественном и правовом положении крестьянской массы. В них уже чувствовались настроения, развивавшиеся в обществе в промежутке между 18 февраля и 17 октября 1905 г. и намечались контуры будущих программ и партий.

Представителем «гуманного обвинения, обезоружившего» защиту, был товарищ прокурора В. И. Сокальский. Ссвские беспорядки, в его глазах, «лишь отдельный эпизод картины, заставляющей страдать всякое сердце, любящее свою родину», и естественный результат той культурной и экономической беспомощности, на которую до последнего времени было осуждено крестьянство. Настаивая на необходимости снисходительного отношения к крестьянам, обвинитель, однако, не допускал оправдательного приговора, так как «полная безнаказанность подорвала бы в крестьянах чувство порядка и явилась бы гибельною для них самих».

Слушание дела продолжалось с 9 часов утра до 11 часов ночи. Приговором Палаты, постановленным после часового совещания, 4 обвиняемых оправданы, 23 приговорены к 8 месяцам и 2 — к 2 месяцам заключения в тюрьме с лишением всех особенных прав и преимуществ.

Речь Ф. Н. Плевако в защиту подсудимых

Гуманное обвинение обезоружило меня, многосторонне рассмотревшие дело мои молодые товарищи — обобрали меня. Как адвокату, мне не остается ничего сказать.

И я хочу просить вас, гг. судьи, позволить мне преобразиться в одного из подсудимых, стать между ними и говорить не за них, а от лица их, их словами, их думами и чувствами.

Сами они не смогут этого: частью безучастные, не уразумевающие того, что происходит между ними, частью испуганные — они немые.

Но внутри их гнездится одно чувство, чувство изумления самими собой: как это могло случиться, что они из мирного, терпеливого, судьбой забитого и вседозволенного люда вдруг превратились в бушующую, все уничтожающую толпу, чтобы через несколько дней опять превратиться в наивных, покорных, кающихся, добродушно отдающих все взятое мужиков?

Они просят вас и себе и им самим объяснить эту непонятную для них муть, ослепившую их.

Были они, как вы знаете, не день, не год, а рядами поколений работниками, не покладавшими рук; они были довольны экономией, где они работали; они не имели обид от нее и не частили своими жалобами у судей и у земских начальников; они не искали у судьбы большого, умеряя свои потребности почти до невозможного минимума удовлетворения.

Набежала волна. Не от них она и не от отдельных соблазнитель. В воздухе, точно перед грозой, затомило, в ушах зазвучали неведомые звуки, во сне — беспокойные видения. И они — как лицо, потерявшее на минуту самообладание, увлеклись, забылись, разошлись.

За вспышкой настало раздумье, сознание ужаса своих дел и последствий.

Некоторое время чувство самосохранения внушало утайку, замалчивание, но правда взяла свое. Стоило не с кулаками, увеличивающими страх, а со спокойными словами обратиться к ним, и они понесли навстречу и признание, и раскаяние, и все взятое незаконно...

Русская национальная черта сказалась: тишь, молчаливое страдание и взрыв на мгновение...

И хорошее, как подвиг, и дурное, как проступок, у смиренного и безответного, что пятно на лице, как-то случайно, на час-другой, не в смысле природного дефекта, а набегом, мутью, заразой.

Русский человек даст порой Минина, порой Пугачева, порой Пожарского, порой Разина.

А между этими именами — десятилетия и столетия молчания и мертвой зыби...

Да, дурное дело, совершенное ими, сегодня им чуждо, как и нам.

Их надо пощадить насколько возможно.

Русские силы теперь гибнут массами. Будемте скупы на трату их, хотя бы в области правосудия. Оно еще требует жертв, алтари его, приспособленные к человеческому жертвоприношению, не убраны...

Но закон дал вам, гг. судьи, широкое право на сокращение кары, на скупость в расходовании человеческой крови и слез.

Поменьше их! Ведь за ними, за этими испуганными людьми, — десятки, живущие их трудами, будущие граждане страны. Не обездольте и этих и тех суровостью судейского слова и лишениями жизни.

Вспомните, что подсудимым негде было научиться правде. Наоборот, чувство правды убивалось у них всеми средствами и заменялось чувством тупого молчания.

Недавно окончились работы комиссии по реформе крестьянских учреждений. Не было двух мнений ни у общества, ни у правительства: мелкие суды крестьянские были школой гражданского разврата, а не

правосознания. Общественное мнение давно произносило свой приговор и о многих других, соприкасающихся с крестьянским бытом, учреждениях.

Да и здесь мы слышали, что, борясь с неправдой, выразившейся в беспорядках и хищениях, служители «дисциплины», забыв то, о чем раздалось слово сверху, опозорили время и веру пашу в новую пору жизни свистом розог... И это после 18 февраля 1905 г.!

Учить правде следует правдою же! Учить уважению к закону — примерами!

А где они!..

Скажите же в вашем приговоре, мягком и человечном, что поднять народ может свет, а не тьма, что пока узки двери в школу и широки в тюрьму, — люди, вроде судимых ныне, подобны слепорожденным: спотыкаясь, они не столь виновны, как зрячие.

Скажите, что нечего искать подстрекателей для объяснения подобных печальных и нежелательных явлений в отдельных лицах. Подстрекатель нашего бедного люда — ставни, загораживающие доступ света в убогие дома его.

Не будьте же строги и защитите их от несчастья...

Приложение 2.

Образ оратора в речи по делу М.Ц. Шидловской.

Дело М.Ц. Шидловской, обвиняемой в двоемужестве и подлоге, слушалось с участием присяжных заседателей. Это обстоятельство является основной характеристикой речи.

Образ этой речи – это образ дружеской беседы, в которой адвокат – обаятельный собеседник. Он, основываясь на здравом смысле и житейской логике, защищает подсудимую – *«несчастную женщину»*. Оратор обращается к аудитории уверенный в ее поддержке. Преступление в его речи предстает совокупностью недоразумений. Таков образ оратора, он как бы желает во всем разобраться сам и помочь в этом присяжным.

Речь начинается маской-связкой «участника суда»: *«Дело так просто, что, право, трудно что-либо прибавить к тому, что сказано моим сотоварищем по защите. Подберу кое-какие крупички»*, – которая задает тему *«дело так просто»*, это установка оратора, «закинутая» как приманка для аудитории. В данном случае перед нами предстает зачин речи, окрашенный в интимно-дружеские тона. Об этом нам позволяет говорить присутствие в речи разговорной лексики и оборотов: вводное слово «право», форма «сотоварищ» по защите, «крупички». Кроме того, Ф.Н. Плевако выражает свое отношение к делу: оно «просто» и «трудно что-либо прибавить» к сказанному. Оратор не собирается защищать, он «подбирает кое-какие крупички». По тональности этой маски складывается впечатление дружеской беседы и полной уверенности оратора в том, что он выиграет дело.

Маска-связка «участник суда» посредством «бессоюзной» связи примыкает к маске «защитника», которая несет в себе в данной речи гуманистический пафос. Они никак не связаны в рамках речи. Пространство «защитника» ограничивает тематическая связка, задающая тему всей речи о двоемужестве: *«оно (преступление. – Е.К.) было нужно другим, а не подсудимой»* это своеобразный лейтмотив всей речи, основная мысль оратора

на которой держится вся защита, она скрепляет все маски воедино. Но кроме тематики связность создает техническое средство: *«все, чем мы располагаем, говорит за нашу мысль»*. Посредством этой связки включается в речь маска «фактолога», которая за счет семантического повтора (в связке «мы располагаем» = «мы знаем, имеем», в маске «мы знаем») сливается с технической связкой. Маской «фактолога» приводятся факты – описания ситуаций из жизни подсудимой. К мотиву невиновности эти факты имеют косвенное отношение, но оратор, закончив их изложение, возвращает аудиторию к основной теме при помощи тематической связки: *«словом, гонения подсудимой кому-то были нужны, кому-то права ее и ее имя мешали»*, за которой следует ораторская маска «защитник», соединяющийся с «фактологом» средствами сочинительной связи. Описание жизненных ситуаций дискредитирует образ первого мужа подсудимой, таким образом адвокат намекает на то, что лицо, скрывающееся неопределенным местоимением «кому-то» – это бывший муж. Так создается вторая основная тема речи, которая не активизируется оратором, но присутствует как мотив противника подсудимой, становящегося иногда злым ее роком, висящим над нею: *«придумали новое и решительное (средство. – Е.К.), прислали весть о ее свободе»*. Употребление здесь оратором неопределенно-личных глагольных форм, позволяет ему отвлекать внимание аудитории от совершителя действия, не акцентировать внимания на нем, подчеркивать неопределенность этого лица.

Так, оратор под маской «защитника», пользуясь точкой зрения здравого смысла, проводит в речи две основные темы: 1) виновна не подсудимая; 2) виновен кто-то другой, причем первая им акцентируется за счет выражения в тематических связках; вторая остается в тени, на уровне подтекста за счет ее представления исключительно в ходе рассуждений и приведения фактического материала.

Следующая тематическая связка вновь актуализирует основную тему: *«что не она виновата, ясно из всего следственного материала»*. Далее

тема невинности уходит в тень, проявляется косвенно в риторическом вопросе: *«спрашивается, какая цель у подсудимой составлять документ, выдающий себя при первом испытании»*. Но тема «другого» действующего лица актуализируется здесь все чаще: *«свойство документа также наводит на догадку о враждебной руке, улавливавшей подсудимую в сети»*. Выделенная здесь метафора, также не проясняя личности «другого», ярче, чем предыдущие средства, выражает мысль оратора. Он как будто готовит аудиторию к встрече с этим «другим», используя прием обманутого ожидания, поскольку прямых обвинений в адрес первого супруга в речи так и не последовало. Метафора в силу своей образности остается в сознании слушателя, закрепляет мысль оратора в памяти аудитории. О значимости этого положения для оратора говорит и повтор приведенной выше метафоры: *«цель сторонней руки, облегчающей себе работу по изобличению того, кто будет пользоваться документом»*. В данном высказывании еще больше подчеркивается злонамеренность действий составителя документа.

Итак, обе эти темы развивались на протяжении речи и в финальной фразе по делу о двоемужестве они сливаются: *«не ясно ли, что документ шел от человека, которому было важно не помочь, а погубить подсудимую»*. Это высказывание соотносится с приведенными картинками из супружеской жизни подсудимой, таким образом, выстраивается оппозиция: подсудимая – Ковецкий, ее первый муж. Это противопоставление подтверждается притеснениями подсудимой в браке и после него (в ситуации с поддельным документом). Оратор продолжает тему «другого» и косвенно соотносит его с первым мужем обвиняемой.

Таким образом, первая часть речи по делу М. Ц. Шидловской о двоемужестве содержит в себе две ораторские маски: «защитник» и «фактолог». Тем самым создается образ здравомыслящего, спокойно рассуждающего адвоката, беседующего с аудиторией о фактах рассматриваемого дела. Структура первой части представляется пространством, в котором существуют две темы: 1) невинности

подсудимой; 2) другого. Это пространство делится на две части, которые взаимно противопоставлены оппозицией действующих лиц, участников ситуации. «Защитник» рассматривает это дело как дело несчастной женщины, что позволяет нам сказать о том, что оратору не чужды жалость и сострадание к подсудимой, но это, однако, не мешает ему рассматривать дело с позиции здравого смысла.

В речи по делу М.Ц. Шидловской адвокат исследует два преступления: двоемужество и подлог, вторая часть речи вводится технической связкой: *«что касается документа о рождении, где подсудимая поправила себе год рождения, чтобы показаться моложе, следует иметь в виду следующее»*. Использование ее позволяет оратору перейти ко второму делу и ввести аудиторию в него, актуализировав основные его черты: 1) *«поправила год рождения»*; 2) *«чтобы показаться моложе»*, то есть суть дела и причину его появления. Вся техническая связка направлена к делу о подлоге. Речь по делу о двоемужестве как бы прерывается, создавая паузу, которая привлекает внимание аудитории, актуализирует восприятие последующей речи, а значит, техническая связка попадает в своего рода сильную позицию текста. На наш взгляд, именно поэтому оратор не использует в связке термин «подлог», заменяя его на формулировку «поправила год рождения». Кроме того, оратор сразу оговаривает причину этого поступка, акцентируя наивность подсудимой и ее деяния. То есть адвокат, рассчитывая на повышение внимания аудитории, сразу же раскрывает свою позицию в рассматриваемом деле.

Далее вступает ораторская маска «правоведа»; в его речи задаются темы «закона как справедливости» и «неправды, зла», с которыми борется закон. Эти положения поясняются простыми, доступными примерами. Здесь адвокат с точки зрения здравомыслящего человека толкует суть закона о подлоге и закона вообще с ориентацией на неподготовленность аудитории. В приведенных адвокатом примерах противопоставлены *«злонамеренные подлоги»* и *«безразличные»*. Здесь оратору остается только поставить

рассматриваемое дело в ряд *«безразличных подлогов»*. Адвокат сводит дело о подлоге до дела о «женской слабости», которое автоматически не может преследоваться справедливым законом. Подводя итоги, оратор акцентирует *«дело чужой руки»* как наиболее для него значимую тему в первом деле, а во втором – отсутствие *«преступного характера»*.

Итак, в речи по делу о подлоге присутствует только маска «правоведа», как отдельное пространство, независимое от других, существующие параллельно маскам речи о двуемужестве. Два эти дела в речи структурно сходятся: связка, несущая как тему речи, так и являющаяся технической, и одна доминирующая маска, являющаяся неотделимой от ситуации судебной защитительной речи.

Две эти части объединяются и «окружаются» маской-связкой «участника суда» и ораторской маской «защитника»: *«разрешить это дело не трудно, и мне ни к чему словами у красноречия вымалывать у вас снисхождения и милостивого суда. Истина здесь ясна и легко доступна; она не требует долгой, тяжелой работы; она поддается самому быстрому вниманию, лишь бы судья был стоек в правосудии. А так как я, как и вся земля, верую в ваше правосудие, то с моей стороны будет благоразумно ограничиться этими немногими словами»*. В ходе развертывания маски «защитника» оратор, отрицая необходимость, тем не менее напоминает аудитории о просьбе *«снисхождения и милостивого суда»*, актуализирует память, приобретенную в ходе слушания дела. Адвокат создает здесь образ суда *«не милостивого»*, а *«стойкого в правосудии»*, подчеркивая еще раз тем самым, что дело «просто». Таким образом он создает «идеальный» образ суда и тем самым воздействует на реальную аудиторию. Кроме того, создавая «идеальный» образ аудитории, ритор использует высокую лексику: «снисхождение», «истина», «стойк в правосудии», «верую», «благоразумно», делая образ аудитории еще более возвышенным.

Маска-связка «участник суда» и маска «защитника» создают единство на уровне темы: *«простое дело»* - *«разрешить это дело не трудно»*-

«истина здесь ясна и легко доступна; она не требует долгой, тяжелой работы; она подается самому быстрому вниманию, лишь бы судья был стоек в правосудии». В финале речи они сливаются, но об их присутствии можно говорить благодаря наличию указанных тем. Этот синтез позволяет объединить речь - два ее элемента в одно, погрузить их в центр сферы, которую и создают две эти маски – это сфера эмоций сострадания, снисхождения, гуманности.

В речи по делу М. Ц. Шидловской за счет присутствия в основной ее части масок «фактолога», «защитника» и «правоведа», каждая из которых опирается прежде всего на здравый смысл, создается образ здравомыслящего собеседника, пытающегося найти истину вместе со слушателями. Но в окружении «участника суда» и «проповедника» с их эмоциональностью образ оратора приобретает черты сострадательного человека, провоцируя аудиторию на допущение эмоций.

Ораторские маски в речи по делу М.Ц. Шидловской, за исключением финального слияния «участника суда» с «проповедником», существуют в пространстве речи независимо друг от друга.

Образ оратора в речи по делу Гилярова-Платонова и Дубенского.

Речь по делу Гилярова–Платонова и Дубенского характеризуется тем, что это дело слушалось без «присяжных заседателей», то есть решение выносилось профессиональными юристами. Это определяет специфику набора ораторских масок: адвокат использует маски «фактолога», «правоведа», «защитника», «обвинителя» и «гражданина». Все, кроме двух последних, функционируют в судебной защитительной речи вообще, а маски «гражданина» и «обвинителя» характерны для открытого, гласного суда конца 19-го века.

Образ оратора данной речи – это образ «исследователя фактов», объективного и ироничного. Адвокат использует пафос гражданина, анализирующего общество, которое его окружает, кроме того, появляется и

пафос обвинителя, звучащий в различных масках, использованных в этой речи – это обвинитель-гражданин, обвинитель- правовец.

Речь представляет собой двухчатстную структуру, что проявляется в рассмотрении адвокатом отдельно доводов противника по двум газетным статьям, послужившим поводом к возбуждению иска, напечатанным в одном номере «Современных известий».

Адвокат начинает речь не маской-связкой «участника суда», а тематической связкой. Этот прием позволяет опустить вступительные, ритуальные фразы, дает возможность оратору создать эффект стремительного начала, привлечь внимание аудитории к самой сути речи – к процессуальной позиции адвоката. Кроме того, «стремительное» начало речи дает возможность адвокату отталкиваться непосредственно от прокурорской позиции в исследуемом деле, это позволяет оратору испортить впечатление аудитории от речи прокурора, укрепив тем самым свои позиции. Отсутствие маски «участника суда» делает речь более динамичной, оратор представляется порывистым, активным.

Речь по делу Гилярова - Платонова и Дубинского начинаются с тематической связки: ***«Напечатанная в номере «Современных Известий» статья, которую цитировала перед вами, обвинительная власть, далеко не дает нам права сделать из нее тот вывод, который развил перед вами прокурор»***. В ней задается две основные темы речи: 1) полемика с точкой зрения прокурора с обвинением; 2) рассмотрение статей, послуживших поводом для обвинения, то есть анализ материалов дела. Тематическая связка программирует появление ораторской маски «фактолога»: ***«сотские обходили селения и производили сборы частью деньгами, по 1 ½ коп. и более с души, частью натурою, и именно яйцами»***. Приведенный факт напрямую никак не соотносится с тематической связкой. Отсутствие технической связки, перехода от заданной темы к изложению факта, воспринимается как значимая пустота. В этой паузе-связке находится подтема данного отрезка речи, что-то близкое к «рассмотрим следующие

факты». При отсутствии связки аудитории необходимо концентрироваться для восполнения опущенной связи, это позволяет оратору удерживать внимание слушателей при изложении одного из основных аргументов. Из-за несвязности «фактолога» непосредственно с темой, заявленной в речи, оратору необходимо посредством актуализации темы: **«обвинительная власть утверждает, что будто корреспондент не только написал, что сбор совершается, но и утверждает, что этот сбор достигает своего назначения»**. Оратор, характеризуя тему полемики с прокурором создает целостность данного отрезка речи, связывает факты в единую картину. За тематической связкой следует ее продолжение, в котором выражается позиция адвоката, оппозиционная мнению прокурора **«я не думаю, чтобы можно было сделать из корреспонденции такого рода вывод»**. Кроме того, эта связка также помогает оратору ввести следующий элемент маски «фактолога». Этот фрагмент нам видится единым пространством, в котором оратор совмещает факты, связанные материалами дела, но для того, чтобы связать их в речи, ему приходится выходить на границу этого пространства, возвращаться к основной теме.

Далее оратор, выдав необходимые факты, выходит за пределы пространства «фактолога». Об этом нам позволяет говорить следующая связка: **«таким образом, личность исправника не задевается указанною корреспонденцией ни с которой стороны; откуда же, спрашивается, исходит обвинение, что корреспондент и редактор возводят на исправника поступок, от которого страдает его доброе, как выражается он, честное имя?»** Первая часть связки – техническая, она вытекает из вышеприведенного факта и является итогом, изложенному маской «фактолога». Связь маски со связкой выражена вводной конструкцией «таким образом». Вторая же часть связки, оформленная как риторический вопрос, обращена к последующей речи. Кроме того, связка содержит в себе тему дальнейшего изложения **«откуда исходит обвинение?»**. В этот вопрос оратор вкладывает иронию, которая также становится своеобразной темой,

основной тональностью речи, направленной на развенчание, снижение образа истца. Ирония появляется благодаря введению в вопрос частицы *же* с устойчивым значением, несущим в себе субъективную оценку оратором дела, кроме того, введением вводного слова *спрашивается*, подчеркивающего, удваивающего вопрос, и как следствие, приобретением вопросом экспрессивности. Иронию также создает усиленное выделение «честности» истца в выражениях «его доброе, честное имя», при разделении их в высказывании эксплицирование авторизационного смысла «как выражается он», дополнительно нагруженным инверсией (нейтральный порядок слов в данном случае: «как он выражается»), что также несет экспрессивный заряд. Итак, вопрос адресован к дальнейшему повествованию и задает его тематику – приведение и анализ новых (для данной речи) материалов дела. Далее в речи следует маска «защитника» появление которой было задано тематической связкой. Факты, которые анализирует «защитник», скрепляются технической связкой; *«но такой вывод слишком поспешен и потому не верен»*. Необходимость введения этой связки обусловлена тем, что она соединяет в речи «логические посылки». Таким образом, рассмотренная нами часть речи по делу о диффамации представляет собой пространство «защитника». Факты в нем существуют связки обоих видов, что позволяет создать целостность речи за счет актуализации темы полемики с прокурором и неправомерности его выводов. Но в пространство входит голос «гражданина». Оратор, пользуясь возможностью расширить тему должностных ошибок и их укрывательства с *«оскорбившегося исправника»* до государственной, всеобщей картины таких происшествий, плавно переходит от «защитника» к «гражданину» с его иронией по поводу обвинения, в этом смысле «гражданин» продолжает тональную традицию связки. Задача «защитника» в речи – спасти от осуждения подсудимых, тогда как основная задача «гражданина» – стремиться очистить общество от разного рода нежелательных явлений.

Таким образом, расширяя тему, оратор переходит в пространство «гражданина», и как бы заряжаясь его иронией, переносит ее и в речь «защитника». Появление маски «гражданина» обусловлено маской «защитника», они отчасти схожи в рамках рассмотрения данного дела: «защитник» спасает подсудимых от несправедливого обвинения со стороны властных структур государства, а «гражданин» делает то же самое, только спасает общество в целом.

Маски «фактолога» и «защитника» доминируют в данной части речи, посвященной передовой статье в «Современных известиях». «Гражданин» и тематические связки работают на нее. Граница рассмотрения первой статьи проводится по технической связке, представляющей собой вывод по речи и связанный тематически и формально с маской «защитника». **«Вот, по моему, тот вывод, который можно было сделать из указанной корреспонденции».** Связанность здесь поддерживается за счет использования указательного местоимения *тот* и указательной частицы *вот*.

Соединяет две части речи по делу о диффамации тематическая связка: **«затем обвинение приводит нам напечатанную в том же номере «Современных Известий» передовую статью, из которой усматривает, что редактор обвиняет полицейские чины Судогородского уезда во взятках, в незаконных поборах».** Эта связка, с одной стороны, направлена на создание цельности текста, об этом свидетельствует логическая связка частей речи «затем». Оратор основывается только на речи прокурора, дискредитируя его доводы, и как следствие, тема полемики с обвинением является сквозной для всей речи, где оратор касается материалов дела. При построении речи адвокат указывает сначала посылку противника, а потом свои доводы и факты, их подтверждающие. Так и здесь оратор приводит опорное положение прокурора в связке, а дальше под маской «фактолога» цитирует статью, подавшую повод к обвинению и анализирует ее. Следующая связка нужна оратору для приведения в качестве факта

определения взятки, разнородность приводимых им фактов заставляет его выходить на границу пространства и развернуть тему, находящуюся там, но еще не затронутую в речи «фактолога». Тематическая связка: **«наконец, что такое взятки, в которых будто бы редактор обвиняет исправника?»** здесь оратор только обращается к теме, которая присутствует в речи с самого начала. Эти тема и связка, вводящая ее, подготовлены всей речью и органически в нее входят отчасти благодаря вводному слову **наконец**. Кроме того, в этом вопросе оратор продолжает за счет иронии снижать образ истца, в данном случае иронию создает введение в вопрос сочетания **будто бы** несущего в себе удвоенное сомнение, содержащееся в семантике слова **будто** и в частице **бы**, создающей форму условного наклонения. Покинув таким образом пространство «фактолога» и сменив на границе тему речи, оратор использует маску «правоведа» для получения юридического определения взятки. Но как и в одном из вышеописанных случаев, здесь тема «взятки» оратором расширяется от рассматриваемого дела до государственного масштаба проблемы «незаконных поборов» и проявляется пространство «гражданина». На этот раз «гражданин» вводится технической связкой: **«а что у нас существуют такие поборы, это известно всякому»**. Эта фраза является связующим звеном между «правоведом» и «гражданином». С первым она связана формально, благодаря указательному местоимению «такие», а со вторым содержательно, тематически через обращение к «всеобщему» знанию **«это известно всякому»**. В данном случае маски в речи сосуществуют как части сложносочиненного предложения. Они связаны, но не соподчинены, они равны и одинаково значимы для оратора.

Следующая связка чисто техническая, она очерчивает нажную границу пространству «правоведа-гражданина»: **«затем, я не могу не обратить внимания еще на одну сторону дела»**, – позволяет оратору показать аудитории, что предыдущая часть речи закончена, но необходимо отметить еще некоторые моменты. Семантику «необходимости» несет в себе

удвоенное отрицание *«не могу не отметить»*, приобретая за счет этого еще и экспрессивность. Эта связка, однако, не несет в себе никакой информации о последующей маске. Поэтому связь между маской «гражданина» и входящей маской «правоведа» можно назвать бессюзной.

Ораторская маска «правоведа», посвященная анализу статей, по которым слушается дело: *«Когда обвинение бывает основано на 1039 и 1040 статьях, обвинитель и обвиняемый не пользуются на суде равноправностью»*. Адвокат рассматривает в данном случае не сущность статей закона, а особенность судопроизводства по таким делам.

Граница ораторской маски «правоведа» проводится по тематической связке: *«мелочное самолюбие весьма легко оскорбляется и выводит обвинение в оскорблении, в опозорении своего честного имени там, где для этого нет никаких оснований»*. В ней выходит на поверхность, проявляется ирония оратора, направленная на развенчание образа истца, здесь адвокат не говорит о нем, конкретном человеке – истце, он говорит вообще о свойстве людей, обладающих мелочным самолюбием, но в конкретной ситуации этот намек понятен суду и аудитории. Связка в этом случае, с одной стороны, представляет собой косвенный итог маски «правоведа», а с другой стороны, она предвосхищает появление маски «обвинителя», сближается с которой по тематике и резкости тона. В связке оратор проявляет «свое» отношение к личности истца: *«мелочное самолюбие весьма легко оскорбляется»*, а под маской «обвинителя» в тоне звучит раздражение: *«да и, наконец, оскорбившийся исправник»*. Оратор пытается заразить аудиторию своим пренебрежительным отношением, концентрируя на небольшом отрезке речи большое количество оценочных суждений. К маске «обвинителя» примыкает «гражданин». Это соединение возможно благодаря подчинительной технической связке: *«притом против такого органа, как «Современные Известия»»*. Кроме того, «гражданином» косвенно продолжается тема, поднятая «обвинителем». Пространственно соединяя «обвинителя», характеризуемого отрицательно,

развенчанного иронией всей речи, с «гражданином», характеризующим подсудимых, образ которых в речи формируется как образ людей, борющихся с «неправдой» в обществе, оратор представляет суду два типа социально активной личности. С одной стороны, мелкие, самолюбивые «мироеды», а с другой, люди, не боящиеся обвинений в свой адрес, борющиеся за здоровье общества. Суду предстоит, таким образом, своим решением показать собственную позицию в сложившейся ситуации.

Итак, «обвинитель» благодаря близости темы подчиняет себе «гражданина». В рамках полей этих масок сопоставляются характеристики истца и ответчиков по делу, создается своеобразная антитеза в которой ярко высвечиваются положительные стороны редактора и корреспондента.

Также в рамках маски «гражданина» оратор возвращается к теме речи по материалам передовой статьи: *«редактор говорит не более как гадательно; он исчисляет только возможности»* – эта тематическая связка позволяет адвокату в рамках маски «гражданина» и с его точки зрения подвести итог этой части дела. Кроме того, эта связка дала возможность оратору сменить тему речи, оставаясь в пространстве «гражданина» и, таким образом, говорить по поводу рассматриваемого дела, а не по его сути, выводя тем самым дело в более широкий общественный контекст.

Далее к маске «гражданина» посредством бессоюзной связи примыкает маска «правоведа», скрываясь под которой, оратор подводит итоги всего дела: *«Ввиду этих обстоятельств я не погрешу против истины, если скажу, что обвинения исправника во взятках в указанной корреспонденции нет, а есть только указание на такой факт, который часто встречается в жизни и совершенно доказан обстоятельствами дела; но на этом основании обвинять моих клиентов по строгому праву не приходится»*, – выделенная вводная конструкция обращена ко всей речи и содержание маски «правоведа» обусловлено всем рассмотренным материалом.

Таким образом, в речи по делу Гилярова-Платонова и Дубенского доминирующими являются маски «фактолога», «защитника» и «гражданина». Причем первые две задают основное пространство речи, в котором появляются, связанные с ним пространства «гражданина». Единство пространства создается тематическими связками, в каждой из которых содержится довод противника, анализируемый «фактологом» или «защитником». Первая часть речи соединена технической связкой с речью по передовой статье «Современных известий», в которой уже материалы дела по большей части не рассматриваются. Здесь оратор приводит дополнительные доводы в пользу защиты. В этой части «ландшафт» речи меняется: «правовед» посредством сочинительной связи соединен с «обвинителем», который, в свою очередь, подчиняет себе «гражданина». Вся эта сложная иерархия присоединяется технической связкой к пространству «фактолога» в первой части речи о диффамации.

Образ оратора в речи по делу Гилярова-Платонова и Дубенского, обвиняемых в диффамации, представляет собой образ адвоката-гражданина, который в рамках рассматриваемого дела осуждает пороки общества: взяточничество, корыстолюбие существующие во властных структурах. Такой образ создается за счет использования ораторских масок «фактолога» и «защитника», действия которых направлены непосредственно на оправдание подсудимых, и «гражданина» и «обвинителя», позволяющие рассмотреть данное дело в социальном контексте благодаря тому, что подсудимые обличают пороки социального устройства общества, истинными гражданами которого они являются.

Образ оратора в речи по делу о стачке.

Рассматривая речь по делу о стачке, необходимо отметить тот факт, что речь произносилась перед профессиональными судьями. Это обстоятельство, на наш взгляд, определяет отбор и использование ораторских масок и формирование определенного образа оратора.

В речи о стачке доминирующими в ней ораторскими масками являются «правовед» и «гражданин». Оратор представлен аудитории в образе адвоката – законника и гражданина, борющегося в большей степени за социальную справедливость и справедливость в суде, нежели за своих подзащитных. Нашу мысль подтверждает то, что оратор упоминает своих подзащитных лишь в начале и конце речи, в основной ее части они не упоминаются.

Речь о стачке начинается маской-связкой «участник суда». Здесь оратор представляет себя аудитории: **«Я защищаю Волкова и Мосеенка»**. Эта фраза позволяет оратору начать речь с основного, он полностью опускает «зачин» и переходит к делу, создавая таким образом, эффект стремительного начала. Здесь оратор говоря непосредственно о деле своих подзащитных, объясняет свою точку зрения на дело, позволяя говорить о вещах, являющихся базой обвинения, освещающих рассматриваемое дело, но, однако, не являющихся самой сутью его. **«Но так как им приписывается главенство в настоящем процессе, то на суждение о виновности их решающее значение имеет общий фон дела, нами сегодня рассматриваемого, а далее отсюда же следует и то, что суждение ваше должно отрешиться от лучей, падающих на настоящий вопрос из другого, имеющего быть решенным, более важного и серьезного обвинения, предъявленного против рабочих Никольской Мануфактуры»**. Рассуждение и мотивировка (пояснение содержания своей речи) речи оратором построены с опорой на логику. Оратор использует сложные предложения с обилием придаточных и причастных оборотов, речь представляется размеренной и спокойной. Сложность синтаксических конструкций в речи «участника суда» объясняется ориентацией на рационально-логическое мышление судей. Язык маски-связки «участник суда» нейтрален и насыщен юридическими терминами и оборотами: **«Им приписывается главенство в настоящем процессе, суждение о виновности, судебные задачи, улики, дело»**, – таким образом оратор определяет рамки рассмотрения дела.

Граница маски «участник суда» проводится по тематической связке. Оратор закончил своеобразное вступление, пояснил аудитории кто он и что намерен делать, и уходит из этого пространства непосредственно на границу между масками, в связующий их слой. Тематическая связка **«Вопрос вертится около стачки»** обращена к последующей технической связке, с маской «участника суда» не связана ни тематически, ни формально. Маски «участник суда» и «правовед» в данном случае расположены в разных плоскостях. Связки здесь не берут начало в маске «участника суда», они направлены к дальнейшему тексту, а предшествующая им маска ориентирована на ситуацию суда в целом.

Тема речи, заявленная тематической связкой, конкретизируется в технической и предвосхищает появление ораторской маски «правоведа». Тематическая связка определяет аспект рассмотрения дела, являющийся наиболее интересным для адвоката с точки зрения целевой установки, в данном случае это - стачка. Техническая связка определяет аспект рассмотрения дела «правоведом»: **«познакомимся, прежде всего, с законом, нормирующим понятие о ней (стачке. – Е.К.)... это тем более необходимо, что определение, данное прокурором понятию о наказуемой стачке, будучи верно, не исчерпывает, однако, всех признаков воспрещенного деяния, необходимых для вменения»**. Здесь выделяются две подтемы: 1) знакомство с законом; 2) понятие о наказуемой стачке. Таким образом, оратор сужает тему, заданную в тематической связке, акцентируя внимание на «своем» аспекте рассмотрения этой темы. Характеристика **наказуемой стачки** с точки зрения «правоведа» - «воспрещенное деяние», актуализация семы «наказуемости, незаконности». Здесь оратор задал основной вектор защиты, проходящий лейтмотивом через всю речь. Техническая связка в данном случае стилистически смыкается с ораторской маской «правоведа». Здесь оратор использует сложные синтаксические конструкции: **«Это тем более необходимо, что определение, данное прокурором понятию о наказуемой стачке, будучи верно, не исчерпывает, однако, всех признаков**

воспрещенного деяния, необходимых для вменения», причастный оборот: *«законом, нормирующим понятие о ней»*. Это является признаками письменной речи, которая характеризует юридический язык. Кроме того, здесь появляется специальная юридическая лексика *«воспрещенные деяния, необходимые для вменения»*, *«прокурор»*.

Итак, ораторскую маску «правоведа» вводит в текст речи о стачке техническая связка, которая также задает подтемы, своего рода лейтмотивы речи: исследование закона о стачке и определение границ наказуемой стачки.

Далее в пространстве ораторской маски «правоведа» адвокат развертывает темы, заданные в связке. Тема исследования закона развивается следующим образом: *«обратите внимание на текст ст. 1358 и на соседку ее, на ст. 1359, сообразите отведенное им место в Уложении. Статья 1358 не ограничивает понятия стачки наличностью массового прекращения работ до срока, с целью повышения заработка; она требует, чтобы целью стачки было увеличение платы по договору, той платы, уменьшать которую, в свою очередь ст.1359 воспрещает хозяину»*. Здесь оратор рассматривает понятие стачки, выделяя ее основные характеристики. Тема наказуемости стачки развивается следующим образом: *«Господствующий мотив к наказуемости стачки это — обман, облеченный в форму насилия, обман, состоящий в том, что рабочий хочет уничтожить данное условие во время его исполнения и прибегает к способу, рассчитанному на принуждение хозяина к невыгодному для себя изменению договора»*. Таким продолжением тем, заданных в связках, оратор создает связность речи. Подчеркивание оратором сквозных для речи тем, основных ее моментов помогает аудитории запомнить речь, облегчает ее восприятие.

Концентрируя внимание на темах стачки и ее наказуемости, оратор в подтверждение своих мыслей, изложенных под маской «правоведа», переходит в пространство «фактолога». Этот переход осуществляется посредством технической связки: *«к этой мысли вас приведет и ряд резко*

поставленных примеров, намеренно доводящих вопрос до невозможности распутаться в деталях его». Эта связка позволяет оратору ввести пространство «фактолога» и является границей между масками. Техническая связка в данном случае одной своей частью («к этой мысли вас приведет») привязана к «правоведу» за счет местоименного повтора *этой* и тематически; другой частью («ряд резко поставленных примеров») к «фактологу», эта часть собственно и вводит в текст речи эту маску.

Кроме того, сущностно ораторские маски «правоведа» и «фактолога» в судебной защитительной речи полностью равны, но в данном случае «фактолог», призван поддерживать положения, приведенные «правоведом», и становится, таким образом, подчиненным ему. Все примеры оратора говорят о «беззаконных действиях хозяина», поддерживая тем самым тему наказуемости стачки.

В ораторскую маску «фактолога» вплетается голос «гражданина», он интерпретирует факты, приведенные «фактологом», но его анализ отличается ироничностью и окрашен пафосом риторических вопросов. Такие вкрапления «гражданина» позволяют оратору «подготовить» аудиторию судей-профессионалов к введению в речь полноправной маски «гражданина», которая не обязательна в судебной защитительной речи и характерна для публицистики или для суда присяжных. Оратор под этой маской также подчеркивает злоупотребления работодателя и несправедливость рабочего, продолжая тем самым тему наказуемости стачки. В подведении оратором промежуточного итога сливаются два голоса: «правоведа» и «гражданина»: «полагаю, что закон охраняет законные интересы хозяина против беззакония рабочего, а не берет под свою защиту всяческого хозяина, во всяческом его произволе, против всяческого, хотя бы и законного прекращения работ». Здесь «гражданин» говорит от первого лица «полагаю», выражая таким образом свое мнение. «Правовед» рассуждает о законе *«закон охраняет законные интересы... против беззакония»*. Это голос «правоведа» от общества, что и позволяет ему слиться с «гражданином»,

требующим справедливости к рабочим, приводя к невозможности четкого разграничения их на данном отрезке текста. С появлением сплетения масок «правоведа» и «гражданина» можно говорить о подчиненности масок «фактолога» и «гражданина» этому слиянию. Их функция заключается здесь в подтверждении высказанных положений доводами из других областей: фактов дела и пафосом «гражданина». Ораторская маска «гражданина» в первом случае проявляется на фоне маски «фактолога», а во втором – в слиянии с маской «правоведа». В обоих вышеуказанных случаях она предвосхищает свое самостоятельное появление.

Следующая за «сплавом» масок «гражданина» и «правоведа» техническая связка соединяет в себе тему «наказуемости» стачки, которую развил выше «правовед» от общества, сближаясь тем самым с маской «гражданина» и, кроме того, позволяет оратору перейти к «чистой» маске «гражданина». Тема речи последней – *«изучение духа тех актов, которыми законодательная власть высказала свое отношение к быту фабричного»*. То есть здесь оратор косвенно продолжает развивать тему наказуемости стачки, показывая разные виды притеснений и несправедливости в быту фабричных. Маска «гражданина» самостоятельна и независима в данном случае от других, ее появление мотивировано самой спецификой рассматриваемого дела. Ограничивает маску «гражданина» техническая связка, подводится итог изложенному выше. *«Вот путь, принятый законом. Он таков, что, опираясь на него, можно утверждать, что в фабричном быту существуют злоупотребления сильных, нисколько не стесняющихся условиями о ряде и о плате»*.

Темы, заданные технической связкой в начале речи, были рассмотрены оратором с различных точек зрения: «фактолога», «правоведа», «гражданина» – исчерпались полностью. Адвокат исследовал тему с различных позиций и привел ряд «общих», основных положений о стачке и ее наказуемости, касаясь рассматриваемого дела минимально. Оратор построил теорию защиты по делу о стачке вообще.

Подведение итогов по вышеизложенному позволяет адвокату перейти к новому аспекту дела, и обратиться к материалам дела. Появление новой темы было подготовлено всею предшествующею речью. Новая тема вводится тематической связкой: *«суду, поэтому, предстоит задача не выводить непременно из всякой забастовки ее наказуемость, а рассмотрит предварительно вопрос о том, в чем заключается цель ее»*. Эта связка мотивирована всей речью, и синтаксически связана с технической связкой ей предшествующей. Подробнее оратор рассматривает тему роли суда под маской «защитника».

Новая маска присоединяется технической связкой: *«так и в данном случае»*, в этом фрагменте речи маска «защитника» представлена в «чистом» виде, без какой бы то ни было другой примеси. Она имеет четкие границы, которые задаются технической связкой: *«вот что я должен был сказать вам»*. Здесь связка не зависит ни от какой другой маски, она несет на себе функцию паузы, ее легко можно опустить. Но кроме этого, она должна была «завершать» речь благодаря семантике «все уже сказано», но оратор продолжает речь, привлекая посредством паузы внимание аудитории. Активизировав, таким образом, аудиторию, оратор вводит пространство, наиболее значимое в данной речи из-за совмещения наиболее важных для защиты масок «правоведа» и «гражданина». Два эти поля связаны, как части сложносочиненного предложения. С введением этих масок в речи вновь появляется тема наказуемости стачки, соединенная в данном случае с мотивом «закон – беззакония». В этом пространстве «правовед» говорит о *«воле закона»*, *«смысле закона»*, а «гражданин» ставит перед судьями конкретные вопросы для решения дела, ответы на которые, кроме решения дела, проявят гражданскую позицию суда. Решив тем самым одну из задач адвоката, оратор выводит аудиторию из пространства «правоведа» и «гражданина» на границу, созданную тематической связкой, относящейся ко всей речи в целом, и закольцовывавшей ее: *«вышесказанное определяет положение в деле Мосеев и Волкова»* (см. в начале речи: «Я защищаю

Волкова и Мосеенка). Адвокат вернулся непосредственно к делу своих подзащитных, которых он упоминал лишь в самом начале речи.

Заканчивает речь использование маски «защитника» в финале речи: *«Если это преступная стачка— сугубо преступно и их участие, раз оно доказано. Если же это — протест против бесправного произвола, протест, который вызвал со стороны власти и фабричной администрации отсылку Шорина и уничтожение штрафов, то с ненаказуемостью протеста не наказуемы и те, чей голос был громче, чьи натуры отзывчивее и на чужую неправду и на несчастье своего ближнего...»* В этой маске присутствуют повторы, закрепляющие мысль оратора в сознании аудитории, он как будто использует последний шанс сказать свое слово в защиту подсудимых, он настойчиво повторяет сказанное, старается усилить негодование по отношению к хозяину фабрики, и еще раз сделать упор на то, что решение по делу проявит гражданскую позицию суда. Здесь же оратор дает характеристику подсудимым: они *«те, чей голос был громче, чьи натуры отзывчивее и на чужую неправду и на несчастье своего ближнего»*.

Под этой маской оратор подводит итоги всей речи, упоминая все ее темы: определение понятия стачки (*«преступная стачка»*), ненаказуемой стачки с мотивами законности действий рабочих (*«протест против бесправного произвола»*), *«ненаказуемость протеста»*), связывая их на этот раз с делом и характеристиками его подзащитных.

Итак, в речи по делу о стачке представлены различного рода взаимоотношения масок. Так, особняком стоит маска-связка «участник суда», в силу своей функциональной специфики соединяется с другими только рамками речи, находится с ними в «бессоюзной» связи. Она проявляет целевую установку оратора по делу. Маска «фактолога» легко приспособливается к соседним за счет связок или позволяет другим сочетаться с собой в одном пространстве, как в случае с маской «гражданина». Маска «правоведа» является наряду с маской «гражданина»

доминирующей. Эта маска из-за использования ее разновидности «правоведа» от общества легко сочетается вплоть до полного слияния с маской «гражданина». Аналогично обстоит дело и с маской «гражданина», которая, в свою очередь, очень гибка и легко приспособливается к окружающей ее текстовой среде (о чем говорит слияние с маской «правоведа» и их равноправное соседство в другом случае, подчиненность маске «правоведа» как в сочетании с маской «фактолога» и др.).

Маски «правоведа» и «гражданина», являясь основными в речи по делу о стачке, наиболее сильно воздействуют на образ оратора. Адвокат предстает перед аудиторией, как лицо стоящее за справедливость и законность, не отдающее предпочтений ни истцу, ни обвиняемым. На факты дела он смотрит прежде всего как здравомыслящий человек и от судей требует *«разобраться в причинах стачки»*.

Через всю речь проходят основные, лейтмотивные темы речи: определение понятия стачки, наказуемой стачки и роли суда в рассматриваемом деле. Эти они прослеживаются в связках. На них, как на стержень, нанизываются ораторские маски, в которых тема рассматривается с различных точек зрения.

Образ оратора в речи по делу Севских крестьян.

Речь по делу Севских крестьян представляет собой скорее публицистику адвоката, чем в строгом смысле защитительную речь. На ее становление в этой форме повлияло, на наш взгляд, прежде всего присутствие сословных представителей и сложившаяся в ходе слушания ситуация.

В речи по делу Севских крестьян большое место занимают ораторские маски «проповедника» и «гражданина», то есть те маски, которые основываются на конвенциональном типе социальных ролей и являются «не обязательными» в ситуации суда. Их появление здесь объясняется самой ситуацией судебного разбирательства. Во-первых, Ф.Н. Плевако был лишь одним из адвокатов крестьян, и, как он сам замечает в речи, «многосторонне рассмотревшие дело мои молодые товарищи обобрали меня» [Плевако, 1993,

с. 519], позволив ему тем самым говорить «по поводу» дела, а не по его сути. Второй причиной, давшей возможность оратору отклониться от сути дела, является гуманность обвинения, которое «взяло» на себя часть защиты. Третьей причиной нужно назвать следующее: «Прения сторон по необходимости приняли характер дебатов об имущественном и правовом положении крестьянской массы» [там же, с. 519]; это объясняет тот факт, что оратор предстает в речи, прежде всего гражданином, болеющим за свою страну. Оратора, кажется, прежде всего, угнетает традиционная несправедливость в обществе по отношению к крестьянам и их многовековое подавление. Адвокат требует жалости, сострадания и оказания помощи подсудимым, ведь они *«подобны слепорожденным: спотыкаясь, они не столь виновны, как зрячие»*. Голосом «гражданина» проникнуты все использованные оратором маски.

Рассмотрение дела Ф.Н. Плевако начинается с маски-связки «участника суда», где он дает мотивировку «публицистике» в своей речи: *«Гуманное обвинение обезоружило меня, многосторонне рассмотревшие дело мои молодые товарищи — обобрали меня. Как адвокату, мне не остается ничего сказать»*. Оратор поясняет свою позицию при произнесении речи. Он просит дать ему возможность говорить «по поводу» рассматриваемого дела, а не по его сути. Оратор характеризует свое положение, используя разговорную образную лексику *«обезоружено, обобрали»*.

Далее следует, примыкая к ораторской маске «участника суда», маска «повествователя»: *«И я хочу просить вас, гг. судьи, позволить мне преобразиться в одного из подсудимых, стать между ними и говорить не за них, а от лица их, их словами, их думами и чувствами»*. Из этой просьбы оратора, на наш взгляд, проистекает образность речи, присущая народному языку и разговорный характер некоторых фрагментов речи. Присутствующая в языке данной маске градация *«их словами, их думами и чувствами»*, показывает «путь» во внутрь человека: слова как нечто внешнее по отношению к человеку, «думы», как факты сознания, индивидуальнее, но

они отчасти социально обусловлены, и ближе всего человеку его чувства. Таким образом оратор отметил свое желание выразить самые интимные стороны души крестьян, указал на глубину своего «перевоплощения» в подсудимых. Но тем не менее оратор не становится до конца подсудимым, продолжает говорить от третьего лица. Происходит это потому, что вести речь от первого лица адвокату не позволяет коммуникативная ситуация. Это может привести к тому, что изложение материала может стать искусственным и фальшивым. Таким образом, заявляя маску «повествователя», оратор позволяет себе выражать чувства и ощущения подсудимых: **«сами они не смогут этого: частью безучастные, не уразумевающие того, что происходит между ними, частью испуганные — они немые»**. Это описание вызывает жалость, сострадание, то есть те чувства, которые оратор пытается вызвать на протяжении всей речи. Это своего рода эмоциональная тема речи, основная ее тональность. Кроме того, это высказывание является своеобразной связкой, тематически тяготея к «участнику суда», она тем не менее задает тему речи, основную эмоцию речи и мотив «бессознательности» действий крестьян, «состояния сна», которое далее оратор разработает в речи подробнее. Эта связка тематически и формально за счет противительного союза «но» присоединяется и к последующей маске, которую условно можно назвать маской «подсудимого». В ней оратор говорит о чувствах обвиняемых: **«но внутри их гнездится одно чувство, чувство изумления самими собой»**. Здесь адвокат старается показать аудитории неприятие самими крестьянами их преступных действий, вводя вновь тему бессознательности, сна. Именно неприятие события, подавшего повод к обвинению, объединяет подсудимых со всей остальной аудиторией суда. Основываясь на этой общности, оратор пытается вызвать чувство жалости, сострадания к подсудимым, на уровне эмоции соединяющего всю речь. Пространство этой маски ограничено тематической связкой: **«они просят вас и себе и им самим объяснить эту непонятную для них муть, ослепившую их»**. Здесь повторяется тема предыдущей связки

«безучастные, неуразумевающие того, что происходит», это тема, служит скрепой речи. Эти связки соединяют маски, использованные оратором, на них, как на скрепу, как на стержень маски «нанизываются». Связь между маской-связкой «участник суда» и маской «повествователя» причинно-следственная, маска «повествователя», ее присутствие в данной речи мотивировано ситуацией суда, маской-связкой «участника».

В ораторской маске «повествователь» лейтмотивом присутствует тема «бессознательности действия, сна крестьян». Он говорит о «потере самообладания», о своеобразном «забытьи» крестьян. Здесь оратор продолжает развитие мотива времени. Крестьяне «вдруг», «внезапно, без видимых причин» превратились в толпу. И это «вдруг» длилось «несколько дней», тогда как подсудимые *«рядами поколений были работниками непокладавшими рук»*. Эти мотивы внезапного взрыва и продолжительного терпения прослеживаются в масках «повествователя» и следующего за ним «гражданина». Связь между ними подчинительная, потому что «гражданин», подводит итог, объясняет поведение крестьян: *«Русская национальная черта сказалась: тишь, молчаливое страданье и взрыв на мгновенье...»* Эта противоположность, двойственность русской души (присущая всей аудитории, всем русским людям), по мнению оратора, должна вызывать лишь сострадание и прощение. Мотив объединения аудитории и подсудимых также является «сквозным» в речи, он проходит через маски «повествователя» и «гражданина», связывая их мотивами времени и бессознательности деяния.

Таким образом, большая часть речи скреплена, кроме связок «сквозными» мотивами. Кроме того, оратор в течение речи, используя разные маски, говорит о чувствах крестьян. Он может благодаря маске «повествователя» заглядывать в души, наблюдать волнения крестьян. Так, в течение речи оратор говорит о чувствах: *«испуга, изумления самими собой, самосохранения, правды, страха, раскаяния»*. За счет этого оратор показывает борьбу чувств в подсудимых, «испуг, изумление,

самосохранение, страх», а с другой стороны, чувства «правды, раскаяние». Эта антитеза также подчеркивает противоречивость русской души, подкрепляя тем самым одно из основных положений оратора. Кроме того, так адвокат стремится вызвать сострадание к крестьянам, которым не чужды и добрые движения души.

За маской «повествователя» выступает «гражданин», продолжающий тему «всплеска» страстей в крестьянах. Связь здесь бессюзная, возникающая между этими масками в контексте всей речи благодаря сквозным основополагающим темам. Пространство «гражданина» ограничивается связкой, которая несет в себе тему, несколько трансформированную оратором: *«Да, дурное дело, совершенное ими, сегодня им чуждо, как и нам»*. Здесь мотив «бессознательности» перерастает в тему «чуждости», неприятия, кроме того, оратор оценкой дела «дурное» распространяет и на оценку его крестьянами, ставя таким образом всех воспринимающих это дело в один ряд по признаку неприятия его, продолжая тем самым мотив единства аудитории и подсудимых. Благодаря выстраиванию этого ряда оратор смог ввести новую тему: *«Их надо пощадить насколько это возможно»*. Первая часть приведенной тематической связки представляет тему, которая изменилась в процессе изложения содержания речи, в этом смысле здесь подводится итог первой части выступления адвоката по делу Севских крестьян. Вторая часть связки – новая тема речи и косвенное следствие всего выше изложенного оратором, она обращена к последующему изложению и вновь актуализирует тему «жалости, сострадания и пощады». Наличием в ее составе слова «пощадить» мотивировано появление в речи маски «проповедника», пространство которого она задает и с которым тематически связана. «Проповедник» вызывает к состраданию, которое приведет к благу общества и крестьян. Кроме того, здесь появляется мотив правды и учения: *«подсудимым нигде было научиться правде, наоборот чувство правды убивалось у них»*. Мотив учения в следующей за «проповедником» маске «гражданина»

предстает в ином свете, у крестьян была *«школа гражданского разврата, а не правосознания»*. Это упрек обществу в целом и аудитории в том числе. Здесь оратор подчеркивает противоположность того, что дало общество крестьянам тому, что должно было дать. Мотивы правды и учения дальше продолжают маской «проповедника» в пафосе риторических восклицаний.

К маске «проповедника» в речи примыкает «гражданин»; здесь бессоюзие оратору необходимо для привлечения внимания аудитории благодаря смене тональности и стиля изложения. Переход от пафоса «проповедника» к спокойствию «гражданина» и далее при таком же бессоюзии снова к «проповеднику». Этот тональный скачок позволяет оратору создать напряжение в речи, «гражданин» здесь выступает в качестве тональной паузы, далее в речи тональность вновь повышается «проповедником» до кульминационной точки, в которой концентрируются риторические восклицания, своеобразный апогей пафоса в речи: *«И это после 18 февраля 1905 года! Учить правде следует правдою же! Учить уважению к закону – примерами! А где они!»* Здесь оратор актуализирует роль учителей, дидактическую функцию судебного слушания, заостряя внимание на мотиве «учения», который продолжается далее метафорой: *«поднять народ может свет, а не тьма»*; здесь школа, учение соотносятся со светом, они являются, по мнению оратора единственным спасением крестьян. После всплеска пафоса тональность речи снижается, и в финале переходит в шепот: *«Не будьте же строги и защитите их от несчастья...»*

Подводя итоги, необходимо отметить то, что в структуре речи скрепами элементов являются тематические связки. В речи важна ее тональность, которая повышается к финалу речи до пафоса, после чего резко падает до шепота. Тональный рисунок подтверждает нашу мысль о публицистичности речи о крестьянах.

В выступлении по делу Севских крестьян маски, использованные оратором, существуют автономно друг от друга, здесь не наблюдается

тесных сплетений. Границы достаточно четки, и за счет этого маски отделяются друг от друга. Скрепление масок происходит за счет тем, прослеживающихся в связках и сквозных мотивах речи. В данном тексте царят эмоции жалости и сострадания, полностью, обволакивающие ее.

Нагрузка равномерно распределена между всеми ораторскими масками в речи, ни одна не выделяется в качестве доминирующей. Образ оратора представляется наделенным такими чертами, как жалость и сострадание, которые основываются на знании реальной жизни крестьян. Оратор здесь «проповедует» человеколюбие и всепрощение, апеллируя к высшим ценностям православия. Также в речи важен голос «гражданина», позволяющий адвокату свести действия подсудимых к русской национальной черте и акцентировать внимание на несправедливости общественного устройства, которая влечет за собой такого рода события.